

religion_rel
sci_history
nonfiction

ФЕЛИКС
КАНДЕЛЬ

Очерки времён и событий из истории российских евреев [том 1](до 1881 года)

ru

Book Designer 5.0, FictionBook Editor Release 2.6
25.05.2010
BD-2BF4E0-D80C-7A4E-3AA2-2B3D-8A46-5FA7D0
1.2

ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ
ОЧЕРКИ ВРЕМЕН И СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ (До второй половины
восемнадцатого века)
том 1

Ассоциация "Тарбут"
Иерусалим
1988

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР МАРК КИПНИС

ESSAYS OF TIMES AND EVENTS From the History of the Russian Jews (Till the 2nd Half of the
18th century)

Автор приносит глубокую благодарность профессорам Иерусалимского университета М. Занду
и Ш. Эттингеру за их ценные замечания и поправки при работе над этой книгой.

Эта книга - популярный рассказ об истории евреев, что в разные времена жили на разных
территориях, которые в начале двадцатого века входили в состав Российской империи.
Эта книга написана не историком, но литератором, который прочитал много работ на эту тему,
рассеянных по книгам и журналам, восхитился, огорчился и опечалился и решил пересказать
другим.

Повествование в этой книге доводится до второй половины восемнадцатого века, то есть до
того момента, когда после трех разделов Польши сотни тысяч евреев Украины, Белоруссии,
Польши и Литвы стали подданными Российской империи. Поэтому можно сказать, что эта
книга - как бы введение в историю российского еврейства.

Эта книга не претендует на научные открытия, она не ставит своей задачей что-либо доказать
или кого-либо опровергнуть. В истории российских евреев (как, впрочем, и в истории любого

народа) есть много неясного и много спорного, разные ученые предлагали и предлагают свои теории и объяснения, связанные с появлением и проживанием евреев на территории бывшей Российской империи, - мы же не будем вступать с ними в споры или вдаваться в такие подробности, которые затруднили бы нашу задачу.

А задача наша - повторяем - популярный рассказ об истории российских евреев, век за веком, событие за событием: жизнь еврейская во все времена - среди народов, что заселяли эту территорию, среди событий, которые там происходили.

В разные времена приходили евреи на эти земли, разные события случались в их истории, гигантские расстояния отделяли их друг от друга - евреев Бухары, к примеру, от евреев Польши, были у них разные традиции, и говорили они в быту на разных языках, - но один это народ, и одна вера, и один общий язык - иврит, на котором они молились, и один Бог, которому они служили - в радости и в горе.

Еврейский историк Семен Дубнов в конце девятнадцатого века призвал евреев России к изучению собственной истории. Это он предостерег: нельзя жить настоящим и стремиться в будущее, не осмыслив прошлого. Это он призывал: "Итак, пойдем и будем работать! Работа наша будет происходить на почве прошедшего, но жатва ее будет всецело принадлежать настоящему и будущему... Покажем, что мы - русские евреи - не только ветвь "наиболее исторического" народа, но что мы сами имеем богатое прошлое и умеем ценить его. Народ-старец, убеленный сединами, умудренный многовековым опытом, имеющий поистине беспримерное прошлое, - неужели такой народ может отворачиваться от своей истории?" "Пойдем и будем работать"...

Иерусалим, 1988 год.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

Кто мы. Как называем сами себя. Как называют нас другие. Когда пришли на эти земли.

Прежде всего - как же мы называем сами себя и как называют нас те народы, среди которых нам приходилось и приходится жить.

Евреи - называемся мы по-русски, "еврей" - записано в сегодняшних советских паспортах, и это название восходит через византийское - "эврэос" к древнегреческому - "эбрайос", а отсюда уже недалеко и до коренного еврейского самоназвания - "иври".

"Иври" - это слово на языке иврит, встречается в Торе не один раз. Вот, например, когда враги захватили в плен Лота, племянника Авраама, сказано: "И пришел один из уцелевших, и известил Авраама..." - написано "Аврам га-иври", что означает по-русски - Авраам-еврей. И Йосефа, сына Яакова, называет Тора - "иври", еврей Йосеф. И Моисей (Моше) в Египте заступился за одного несчастного, которого избивал египтянин, и назывался этот несчастный - "иври", еврей. И еще сказано в Торе, что если есть у тебя раб-еврей - "иври", то шесть лет он может быть рабом твоим, а на седьмой год его следует непременно отпустить на свободу. Потому что он, как и ты, "иври" - еврей. И в книге пророка Ионы, когда корабельщики спросили его во время бури: кто ты? из какого народа? - ответил им Иона: "Иври анохи" - "я еврей".

"Иври" - в буквальном переводе это означает "пришелец с той стороны", и еврейская традиция трактует это как "пришелец из-за реки Евфрат". "Аврам га-иври" - Авраам-еврей - пришел в Ханаан с севера, из-за Евфрата, он первым назван в Торе этим именем, - но Авраам в то же время был и потомком Эвера: "Эвер", "иври" - очень близкие созвучия, не отсюда ли глубокий смысл этого слова?... Как известно, у Ноя было три сына: Сим, Хам и Яфет. От Симы пошли семиты, и правнуком Симы был Эвер, сильный своей верой в единого Творца Вселенной. Поэтому-то, возможно, и потомок Эвера, последователь веры Эвера в единого Бога называется "иври" - еврей.

Есть у нас и другое название по-русски - иудей. Так было записано когда-то в паспортах евреев Российской империи, в графе "вероисповедание" - "иудей". Слово "иудей" восходит к еврейскому самоназванию - "иегуди". У Якова, праотца нашего народа, было двенадцать сыновей, родоначальников двенадцати колен Израилевых. Одного из сыновей Якова звали Иегуда, и его потомки назывались "иегудим". Потом так стали называть жителей Иудейского царства в отличие от жителей Израильского царства. После падения Израильского царства названием "иегуди" стали обозначать национально-религиозную принадлежность вне всякой связи с какими-либо территориальными границами. "Иегуди" - иудей.

Есть у нас и другие самоназвания: "бнэй Исраэль" - сыновья Израиля, "исраэль" - Израиль, "бэйт Яков" - дом Якова, праотца нашего народа, - но в русском языке были употребительны два названия: еврей и иудей. И изредка еще, в прежние времена, называли нас в России - "израэлиты". Все эти русские названия произошли от соответствующих древнееврейских самоназваний: "иври", "иегуди", "исраэль".

Стоит отметить, что эти же наши самоназвания вошли практически во все языки мира - с некоторыми звуковыми изменениями, характерными для каждого языка. К названиям "иври", "иегуди", "исраэль" восходят английские Hebrew, Jew, Israelite, немецкие Hebraer, Jude, французские Hebreu, Juif, Israelite, итальянские ebreo, giudeo, испанские hebreo, judío, португальское judeo, польское zyd. Эти же коренные слова - "иври", "иегуди", "исраэль" - присутствуют и в языках евреев, что жили прежде и живут сегодня на территории бывшей Российской империи. Ашкеназы называют себя на идиш - "иди"; бухарские евреи называют себя на еврейско-таджикском диалекте - "яхуди", "исроэл"; горские евреи на татском языке - "джухур"; грузинские евреи на грузинском языке - "эбраэли", "исраэли"; крымские евреи, крымчаки называют себя на крымчакском диалекте крымско-татарского языка - "срэл балалары" или "бане исраэл"; лахлухи - есть и такие евреи, выходцы из Иранского Азербайджана и Курдистана - называют себя на новоарамейских диалектах - "сраэль", "удэ". И все оттуда, от этих самоназваний - "иври", "иегуди", "исраэль".

Есть у нас и еще одно название, которым нас иногда называют по-русски: жид. Вместе со словом "иудей" оно восходит к греческому - "иудайос", а оттуда уже к знакомому нам слову на иврите - "иегуди". Жид - это древнее общеславянское название еврея, которое существовало в русских летописях и даже в русском законодательстве до конца восемнадцатого века и не носило прежде обидного смысла. Жид - как презрительное название - относится уже к девятнадцатому веку.

И вот несколько примеров - из русских источников.

Одиннадцатый век, из устава времен князя Ярослава: "Аще кто с бусурманкою или с жидовкою блуд сотворит..., от церкви да отлучится и от христиан, а митрополиту двенадцать гривен".
Пятнадцатый век, из поучений митрополита Зосимы: новгородские еретики "хвалят жидовскую веру, поносят и хулят Иисуса Христа, сына Божия, и Богоматерь, и называют иконы идолами".
И восемнадцатый век, из частного дневника: "Через Красный Кабачок проехал почтой из Ревеля в Петербург голицынский придворный жид Липман".

Кроме названия "жид" существовало еще и название - "жидовин": чаще всего в былинах, в народных песнях, сказаниях и поговорках.

Еще что же то за богатырь ехал?

Из этой земли из Жидовския

Проехал Жидовин - могуч богатырь...

Сыра мать земля всколебалася,

Из озер вода выливалася,

Под Добрыней конь на колена пал...

Далее в былине сказано, что Добрыня не стал воевать с Жидовином, а выехал навстречу ему сам Илья Муромец. Долго они дерутся - палицами, саблями, копьями, врукопашную, поначалу Жидовин, вроде, одолевает Илью: "сел нахвалыщина на белы груди, вынимал чинжалище булатное, хочет вспороть груди белые", - но в конце концов Илья Муромец побеждает Жидовина и так комментирует эту битву: "Ездил в поле тридцать лет, - говорит Илья своим товарищам, - этакое чуда не наезживал!..." Уж не сохранила ли эта былина память о тех временах, когда славянам приходилось сражаться с сильными и могучими хазарами, Хазаринами-Жидовинами, что исповедовали иудейскую религию?...

Этот Жидовин присутствует не только в русских, но и в сербских, и в болгарских былинах. В одном славянском предании сказано, что жиды - это первые люди на земле, которые вылезли из земли, как грибы. Высокие и дородные, они ходили по земле, спотыкаясь, падали и не могли больше встать. Они не боялись ни грома, ни молнии, когда начиналась гроза, клали себе на голову камень и приговаривали: "Каменная у меня голова! Что ты со мной поделаешь?" Легенда говорит о них: когда Бог увидел, что они такие никудышные, спотыкаются, падают, не могут снова подняться. Он их извел, - и этих жидов не стало...

За прошедшие века накопилось множество русских пословиц, поговорок и примет о евреях. Достаточно пролистать словарь и собрание пословиц и поговорок В. Даля, чтобы понять, как выглядели мы, евреи, в глазах того населения, среди которого нам довелось жить. И вот некоторые из них:

Господь и жидов манной кормил.

Цыган да жид обманом сыт.

Жиды как шмели: все за одного стоят.

У мужика грудь никогда не зябнет, у жида - пятки, у ляха - уши. Православного обманет цыган, цыгана жид, жида грек, грека - черт.

Из двух котлов жидов черти одного армянина выварили. Девка с полными ведрами, волк, медведь и жид - добрая примета.

В 1989 году в Советском Союзе проводилась очередная всеобщая перепись населения. Каждому гражданину страны выдавался опросный лист, который он должен был заполнить. И в графе "национальность" 1 миллион 450 тысяч человек записали - еврей. 1 миллион 450 тысяч определили себя как евреи, хоть и жили они в том момент в разных частях Советского Союза - с разными обычаями и с разными разговорными языками.

Ашкеназы - составляют сегодня 95 процентов от общего количества евреев Советского Союза. Это, в основном, евреи России, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. Ашкеназы - это потомки тех евреев, что жили в средние века на территории теперешней Германии, в особенности - по берегам Рейна. Затем они стали селиться в Польше и Литве, потом они попали в Россию, но название "ашкеназы" сохранилось и по сей день. Когда-то евреи называли Германию - "эрец Ашкеназ", а отсюда и ашкенази - это немецкий еврей или потомок немецкого еврея.

Названию "ашкеназы" противопоставляется название "сефарды", которое обозначает определенный еврейский культурный комплекс, сложившийся в Испании и Португалии в средние века. В Советском Союзе почти нет сефардов, лишь малое количество - в Молдавии.

Но в СССР живут восточные евреи, которых иногда неверно называют сефардами. Восточные евреи составляют около пяти процентов от общего количества евреев Советского Союза, и среди них - бухарские евреи, горские евреи, грузинские евреи, крымчаки и лахлухи.

Бухарские, или среднеазиатские, евреи получили свое название оттого, что большая их часть до завоевания Россией Средней Азии жила на территории Бухарского эмирата. Сегодня бухарские евреи живут, в основном, в городах Узбекистана и Таджикистана.

Горские евреи живут в Азербайджане, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушии.

Многие из их предков, вероятнее всего, эмигрировали в давние времена из Северного Ирана и поселились среди местного татоязычного населения.

Грузинские евреи - живут в Грузии, преимущественно в городах.

Крымчаки - небольшая еврейская община, что жила прежде в Крыму, а теперь рассеяна по разным районам Советского Союза. В годы Второй мировой войны нацисты убили около восьмидесяти процентов крымчаков, и теперь их осталось около двух тысяч.

Ляхлухи - выходцы из Иранского Азербайджана и Курдистана - переселились в конце девятнадцатого - начале двадцатого века на Кавказ, живут теперь в Тбилиси и в Алма-Ате: их около полутора тысяч человек.

Совсем крохотная группа евреев, потомков насильственно обращенных в ислам в середине восемнадцатого века, живет в Бухаре. Их называют "чала", что в переводе с таджикского означает "ни то, ни се". Их предки оставались тайными евреями, формально исповедуя ислам, а многие из них записаны сегодня в паспортах узбеками или таджиками.

В Литве, Западной Украине и Крыму живут караимы - иудейская секта, возникшая среди евреев Вавилона в восьмом веке новой эры. Их около трех с половиной тысяч, и сегодня российские

караимы - в отличие от караимов Востока - в большинстве своем не считают себя частью еврейского народа.

Вот такие мы разные, российские евреи, и Россия не сразу и не вдруг познакомилась с нами. Это был долгий период, растянувшийся на многие века, пока сотни тысяч евреев не оказались на территории Российской империи. И бывали периоды, когда евреи уходили от преследований и селились на тех землях, которые затем попадали под власть русских царей. И бывали периоды, когда Россия расширяла свои границы и обнаруживала на занятых территориях вместе с коренными народами, их населявшими, еще и евреев.

Во второй половине прошлого века Россия заняла территории Средней Азии, и часть среднеазиатских евреев стала подданными русского царя. В первой половине прошлого века Россия распространила свою власть на Кавказ и Закавказье, и ее подданными стали горские и грузинские евреи. В 1812 году, после присоединения Бессарабии, очутились в России бессарабские евреи. Крым - 1783 год - вошел в состав Российской империи, и крымские евреи - тоже. 1772-1795 годы, три раздела Польши - и огромные количества евреев Белоруссии, Литвы, Польши, Украины и Курляндии оказались на русской территории. Но и до этого, еще раньше, еврей-купцы приезжали торговать в Россию, - если их, конечно, туда впускали. Еврей-одиночки приезжали в Россию работать - врачи, аптекари, мастера разных ремесел, и некоторые из них приживались навсегда, а некоторых изгоняли или убивали. Но бывали на этой территории и такие периоды, совсем уж в давние времена, когда не было еще Российской империи, не было еще Московского княжества, не было Киевской Руси, а евреи уже приходили на эти земли и поселялись там. В Средней Азии, к примеру. В Крыму. И на Кавказе.

В 722 году до новой эры могущественная тогда Ассирия завоевала Израильское царство, захватила его столицу Самарию и угнала затем в полон многих жителей - в Ассирию, в Мидию. Это было первое в нашей истории массовое переселение евреев с их земли, первое изгнание. В 586 году до новой эры вавилонский правитель Навуходоносор завоевал Иудейское царство, взял после долгой осады Иерусалим, разрушил Храм и увел в Вавилонию большинство жителей.

Разные еврейские общины мира до сего дня ведут отсчет от этих двух событий в нашей истории, считая себя потомками тех изгнанников: евреи Аравии, Йемена, Персии, Бухары, Кавказа, Испании, Франции, Германии, Китая.

Были затем на нашей земле греко-сирийские завоеватели, и они тоже угоняли пленников. Было Великое еврейское восстание против Рима, разрушение римлянами Второго Храма - в 70 году новой эры, и новый угон пленников; было потом восстание Бар-Кохбы, и выселение евреев с этой земли после подавления восстания в 135 году, - так начиналось и так продолжилось расселение евреев по землям и странам, от одного правителя к другому, затихая во времена благополучные и возобновляясь во времена гонений.

Многие научные теории пытаются объяснить и доказать, каким образом, когда и откуда пришли евреи в Южную Русь, в северное Причерноморье. Были туда пути из Вавилонии - через Кавказ. Были пути из Хазарии - в Крым, в южные русские степи. И были, конечно, пути из Греции, Рима, Византии - на причерноморские земли, где основывались их колонии.

Во времена Гомера греки еще не решались плавать по Черному морю: это была для них граница обитаемой земли, берега моря считались негостеприимными из-за дикости их народонаселения, - и море называлось тогда аксинос (негостеприимным). В восьмом веке до новой эры там появились первые ионические колонии, выяснилось, что можно жить и на этой земле, - и море стали называть - евксинос (гостеприимным): отсюда и прежнее название Черного моря - Понт Евксинский, то есть гостеприимный океан.

Греки основали крупную колонию Ольвия в устье Буга - в седьмом веке до новой эры. Они основали Пантикапею - возле теперешней Керчи, Фанагорию - возле Тамани и другие поселения по берегам моря и внутри страны. Вслед за греками шли римляне, потом - византийцы. Оттуда, из северного Причерноморья, вывозили хлеб, рыбу, воск, мед, кожи, меха, шерсть, лошадей и рабов. Туда привозили масло, вина, одежду, произведения искусств. Еврей-купцы приходили вместе с греческими, римскими, а затем и византийскими поселенцами и оседали в узловых транзитных пунктах на главных торговых путях Южной Руси, в том числе, очевидно, и на пути "из варяг в греки", и передвигались по этим путям, основывая свои общины. Это был медленный исторический процесс, в большинстве случаев не зафиксированный в хрониках, - на северных берегах Черного моря, на открытой дороге между

Европой и Азией, в сложных условиях перемещений и столкновений гигантских людских масс, когда один народ вытеснял народ другой с этой территории или подчинял себе его остатки. Греческий историк Геродот - со ссылкой на поэта древних времен Аристея - писал, что на северных берегах Понта жили киммерийцы, севернее их - скифы, еще севернее - исседоны, потом аримаспы - одноглазые люди, за аримаспами грифы стерегли золото, и совсем уж на севере расположились блаженные гипербореи. Что правда в этих рассказах, а что вымысел - решайте сами, но вот вам названия исторических народов, которые действительно прошли через южнорусские степи, завоеывая и, в свою очередь, завоеванные: скифы, массагеты, исседоны, киммерийцы, агатирсы, невры, будины с гелонами, сарматы, бастарны, гунны, аланы, авары, хазары, угры-мадьяры, черные болгары, утугуры с кутугурами, касоги с ясами и печенеги с половцами, - и где-то там, среди них, в этом безумном водовороте войн, пленений и перемещений народов жили и евреи, такие от всех отличные - посреди язычников: со своим единым Богом и со своими традициями.

Грузинская и армянская исторические традиции относят появление евреев на Кавказе к шестому веку до новой эры, когда Навуходоносор разрушил Иерусалим и угнал многих евреев в Вавилонию. В "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци - Моисея Корейского, которая написана в пятом веке новой эры, сказано: "Об армянском царе по имени Храчейай, современнике вавилонского царя Навуходоносора, рассказывают, что он выпросил у Навуходоносора одного из главных еврейских пленников по имени Шамбат, привел его в Армению, поселил там и осыпал почестями. От Шамбата (или Смбата) происходит, по преданию, род Багратуни, чему подтверждением служит то, что Багратуни часто давал своим сыновьям имя Смбат".

В грузинской летописи "Картлис цховреба" - "Житие Грузии" - сказано: "И было...

Навуходоносор царь полонил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи прибыли в Картли и, обещая платить дань, выпросили у мцхетского старосты землю. И было им дано право поселиться у реки Арагви, у притока, называемого Занави, - за эту землю и стали они платить дань".

В старинных летописях, оспариваемых сегодня некоторыми историками, даже сказано, что царский грузинский род Багратиони и царский армянский род Багратуни основаны евреями. В том же самом грузинском летописном своде "Картлис цховреба" об этом написано так: "Семеро братьев бежали из плена филистимлян и, наконец, пришли в Эклеци, где находился дворец армянской царицы Ракаэл. Здесь они вскоре приняли христианство, и трое из братьев остались в Армении. Их внуки и правнуки и сейчас княжат в той стране. Четверо же других решили идти еще дальше на север. Так они оказались в Картли. Один из братьев, по имени Гуарам, возвысился, стал эриставом. Он и является родоначальником грузинских Багратионов".

В этой грузинской летописи генеалогия Багратионов возводится к библейским Иессею - Давиду - Соломону, что и послужило поводом грузинским царям из рода Багратиони титуловать себя "Иессиан-Давидиан - Соломонианами". В их гербе изображалась праща царя Давида, при помощи которой он убил Голиафа, арфа царя Давида, а над гербом - надпись по-грузински: "Божией милостью потомок Иессея, Давида и Соломона царь вся Грузии". И еще - стих из псалма Давида: "Клялся Господь Давиду; истина - Он не отступит от нее: "От плода чрева твоего (из сыновей твоих) посажу на престоле твоём".

Первые достоверные известия о евреях в Крыму относятся к первому веку новой эры. Это две греческие надписи на мраморных плитах, найденные в Керчи при раскопках. В них говорится о том, что некие рабы, получившие свободу, будут находиться под покровительством еврейской общины. И вот одна из этих надписей за 82-й год новой эры: "В царствование царя Тиберия Юлия Рискупорида благочестивого, друга кесарей и друга римлян... я, Христа, бывшая жена Друза, отпускаю в молельне бывшего воспитанника моего, Иракла, свободным раз (и навсегда) по моему обету... и с участием в опеке синагоги иудеев".

Хазары. Хазарский каганат. Принятие иудаизма. Расцвет и гибель Хазарии.

В середине четвертого века новой эры на Восточную Европу обрушились гунны, видом своим поразившие европейцев. Историк того времени описывал их: коренастые, безбородые, "безобразные, похожие на скопцов", "приросшие к коням", они постоянно "кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы" и "сокрушают все, что попадает на пути". Гунны заняли прикаспийские и донские степи, опустошили Причерноморье, ворвались в Центральную Европу. Их повелителем стал Атила; это была огромная гуннская империя, которая распалась после его смерти, в 454 году. Племена и народы восточноевропейских степей освободились из-под власти гуннов и стали развиваться самостоятельно, а их имена появились в исторических хрониках тех времен: акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, болгары, утугуры с кутугурами.

Уже с шестого века новой эры появляются в сирийских, армянских, византийских, латинских и китайских рукописях первые сведения о неизвестном до того народе, который поселился на территории Нижнего Поволжья и восточной части Северного Кавказа. А в последующие века есть много упоминаний о них в арабских и персидских источниках. Арабы в своих летописях называли их - "алхазар", армяне называли их - "хазирк", в "Начальной русской летописи" они названы - "козаре", в еврейской средневековой письменности они появились под именем "кузар", "кузарим". В современном русском языке этот народ называется - "хазары".

Византийские писатели тех времен причисляли хазар к тюркским народам. Так же полагали и многие арабские писатели, хотя были среди них и такие, что относили хазар к грузинам или к армянам; а в одном армянском источнике их связывали с китайцами; а в грузинской летописи - со скифами; были и такие случаи, когда их считали народом, сходным со славянами. К примеру, арабский географ десятого века Абу-Абдалла ал-Мукаддаси писал: "В наружном виде... в хазарах есть сходство со славянами". На самом же деле название "хазары" охватывало многие племена различного происхождения, многочисленные кочевые и полукочевые народы, остатки прошедших через южнорусские степи гуннов, - и тюркские элементы там преобладали.

Колыбелью хазар были прикаспийские степи Северного Предкавказья, то есть территория современного Дагестана. Хазары были воинственным народом, еще в шестом веке - в составе других тюркских племен - они ходили походами в Закавказье и временно захватывали Грузию и Армению, а персидский шах для защиты от них даже построил гигантскую стену со многими оборонительными башнями. Армянский историк седьмого века Мовсес Каганкатваци описывает их как "безобразную, гнусную, широколицую, безресничную толпу", которая "в образе женщин с распущенными волосами" устремилась в Закавказье.

Хазарский каганат образовался в середине седьмого века, и его столицей был сначала город Семендер на территории теперешнего Дагестана, а затем Итиль - на Нижней Волге. В седьмом веке хазары оттеснили на запад, к Дунаю, болгар и захватили приазовские степи. Северное Причерноморье и часть степного Крыма. "Хазары, великий народ... - писал византиец Феофан Исповедник. - Овладели всей землей вплоть до Понтийского моря". Так возникла федерация разных племен, которая возглавлялась хазарским (тюркским) родом, и все племена и народы, что входили в нее, пользовались достаточной свободой, вплоть до того, что они могли самостоятельно ходить в походы, заключать свои договоры и принимать ту религию, которую они желали.

В хазарском каганате было два верховных правителя. Один из них - главный царь, каган, который всегда принадлежал к одной и той же фамилии знатного происхождения, - и обычай его избрания описал арабский географ Истахри: "Когда они желают поставить кого-нибудь каганом, то приводят его и начинают душить шелковым шнурком. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: "Как долго желаешь царствовать?" Он отвечает: "Столько-то и столько-то лет..." Этот обычай был связан с верой в божественную силу кагана: он сам определял в полузабытьи срок пребывания в его теле этой божественной силы. Если на страну обрушивалось несчастье - засуха, разорение, поражение в войне, то этого кагана убивали, потому что в нем иссякла божественная сила, - и вместо него выбирали нового кагана, которому начинали поклоняться. Но фактическая власть в стране принадлежала другому царю - каган-беку.

Хазары входили в контакт со славянскими племенами: поляне, северяне, вятичи и радимичи в разные времена видели у себя хазар и платили им дань. Хазары вели долгие войны с арабским халифатом, и - как отмечают теперешние историки - Хазария сыграла важную роль в истории восточноевропейских народов, заслонив их от арабов и выдержав атаки неодолимых прежде арабских армий. Хазария помогла и Византии, потому что оттягивала на себя арабские силы, которые в противном случае угрожали бы Византийской империи. Славяне осели в Приднепровье в конце седьмого - начале восьмого века, и хазары защищали их с востока от нападений кочевников. К восьмому веку Хазарское государство стало самой могущественной политической и военной силой Восточной Европы, и за защитительной этой оградой могла впоследствии возникнуть и развиваться Киевская Русь. Не будь Хазарии, которая противостояла на Кавказе мощному арабскому проникновению, история Восточной Европы да и, возможно, всей западноевропейской цивилизации могла бы сложиться иначе. Хазары были поначалу язычниками, одним из многих языческих народов Восточной Европы, приносили жертвы огню и воде, поклонялись луне, деревьям, наиболее почитаемому божееству Тенгри-хану, - и мы бы не упомянули о хазарах в этом повествовании, если бы не одно обстоятельство. В первой половине восьмого века часть хазар Северного Предкавказья во главе со своим правителем по имени Булан (Савриил) приняли иудаизм. В тех местах тогда жили евреи, изгнанные из Сасанидского Ирана, и от них-то, скорее всего, и пришла к хазарам еврейская религия.

Легенда рассказывает, что хазарскому правителю Булану явился во сне ангел и сказал: "О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать:

Я

услышал молитву твою и моление твое. Вот

Я

благословляю тебя и умножу тебя, продолжу царство твое до конца веков и предам в руку твою всех врагов твоих". Ангел пообещал Булану власть и славу, если он примет еврейскую религию, и после этого Булан отправился походом на Кавказ и действительно одержал там несколько внушительных побед. Из многих источников известно, что в 730-731 годах хазары одержали крупные победы в кавказской Албании (нынешний Азербайджан), - к этим годам и приурочивается принятие Буланом иудаизма. Но прежде чем он это совершил, император Византии и правитель мусульман прислали ему богатые подарки и послали ученых мужей, чтобы склонить его к своим религиям. Булан устроил

1

диспут, в котором участвовали христианин, мусульманин и еврей, но не принял никакого решения. И тогда он спросил христианского священника: "Как ты думаешь, какая религия лучше - израильская или исмаильская?". На это священник ответил: "Вера израильская лучше веры исмаильская". Тогда Булан спросил мусульманского кадия: "А ты как думаешь, какая вера лучше - христианская или израильская?" Кадий ответил: "Израильская лучше". И тогда Булан сказал: "Если так, то вы сами признали, что религия израильская самая лучшая, и потому я выбираю веру Израиля, которая была верой Авраама. Да поможет мне всемогущий Бог!"

Вся эта история про Булана стала нам известна из письма хазарского кагана Йосефа испанскому еврею из Кордовы по имени Хасдай ибн Шапрут.

Хасдай Абу Юсуф бен Ицхак бен Эзра бен Шапрут - или Хасдай ибн Шапрут - жил в десятом веке в испанском городе Кордова. Это был образованный человек, покровитель наук; он знал прекрасно еврейский, арабский и латинский языки; он изучал медицину и открыл "всеисцеляющее" средство - корень "фарук", который славился у арабов. Хасдай ибн Шапрут был личным врачом и тайным советником халифа Кордовы Абдар-Рахмана, вел дипломатические переговоры халифата с другими странами и добивался успехов в переговорах "очаровательной речью, сильным умом, большой ловкостью и тысячами хитростей". Он посылал богатые подарки в вавилонские академии, собирал вокруг себя и поддерживал еврейских ученых, скупал на Востоке еврейские книги, - как говорили тогда: "Хасдай бен Ицхак был среди выдающихся знатоков-законоведов. Он открыл андалузским евреям врата к познанию законов".

В те времена испанские евреи чрезвычайно гордились своим высоким положением и многочисленными успехами в торговле, в политике и в культуре. Но вместе с тем они зависели от чужих правителей, они были представителями рассеянного по миру и угнетенного народа, у которого нигде не было политической самостоятельности, - да и католическое духовенство постоянно подчеркивало, что евреи - презираемый Богом народ и что все их былые преимущества давно уже перешли к христианам. Именно поэтому с таким волнением испанские евреи воспринимали любые слухи о существовании в неведомых краях независимых еврейских государств.

В конце девятого века объявился в Испании некий человек по имени Эльдад, который утверждал, что происходит из колена Дана, одного из десяти пропавших колен Израиля. Он сообщил, что четыре колена - Дан, Нафтали, Гад и Ашер - живут богато и счастливо под скипетром еврейского царя в стране Куш (Абиссиния) за легендарной рекой Самбатсион. Это известие поразило испанских евреев и привело их в неопишное возбуждение. Ведь каждому было известно, что десять израильских колен составляли население Израильского царства, а когда оно было разрушено ассирийцами в 722 году до новой эры, их всех угнали в плен - в Ассирию, в Мидию, и с этого момента десять колен Израиля как бы исчезли с лица земли. Их искали, о них создавали легенды, время от времени появлялись странные люди, полуавантюристы, полуфантазеры, которые уверяли всех, что они приехали из тех мест, где эти пропавшие колена живут самостоятельно под властью справедливого еврейского царя, - и им верили, этим людям, потому что очень хотели поверить, что не все сыны народа живут под чужой властью-прихотью. Эльдад из колена Дана сообщил еще о том, что "колено Шимона и половина колена Менаше обитают в стране кузарим, вдалеке от Иерусалима, на расстоянии шести месяцев пути, и они - многочисленны и неисчислимы, и исмаильяне платят им дань". Очевидно, Эльдад в своих путешествиях по миру услышал где-то, что в "стране кузарим" живут евреи, а про колена Шимона и Монаше - это уже его собственное добавление.

Хасдай ибн Шапрут знал о рассказах Эльдада из колена Дана и - как и все испанские евреи - ожидал этому подтверждения. И вот в середине десятого века он узнал от заезжих персидских купцов из города Хорасана, что где-то на востоке, в далеких степях, существует могущественное иудейское государство. Поначалу он не поверил этим купцам, - и, действительно, трудно было поверить, - но вскоре посланцы из Византии подтвердили это сообщение. Есть такое государство в пятнадцати днях пути от Византии, имя ему - ал-Хазар, и правит там царь Йосеф. "Корабли приходят к нам из их страны, - сообщили посланцы, - и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары... Они с нами в дружбе и у нас почитаются... Между нами и ими постоянный обмен посольствами и дарами. Они располагают военной силой, могуществом и войсками, которые выступают на войну по временам".

Это известие о существовании где-то на востоке целого царства, которое живет по законам Моисея, евреи приняли с восторгом. Сразу же решили, что хазары - это потомки Иегуды, и что таким образом осуществилось библейское пророчество: "Не отойдет скипетр от Иегуды". Даже когда впоследствии выяснилось, что хазары - это перешедшие в иудаизм идолопоклонники, это не поколебало симпатий к неизвестному народу. Рассказами о хазарах евреи зачитывались в последующие века, существовала разнообразная еврейская литература на эту тему, и переписка Хасдая ибн Шапрута с царем Йосефом занимает в ней почетное место.

Хасдай ибн Шапрут сразу же написал письмо хазарскому царю: "От меня, Хасдая, сына Ицхака, сына Эзры, из потомков иерусалимской диаспоры в Сфараде (Испании), раба моего господина, царя... чтобы он долго жил и царствовал в Израиле..." Это письмо он направил поначалу с особым посланцем через Византию, но тамошний император полгода продержал у себя посланца и затем вернул его назад, ссылаясь на невероятные опасности, которые подстерегают на пути в Хазарию - на море и на суше. Скорее всего, в христианской Византии просто не желали способствовать сближению европейских евреев с Хазарским каганатом.

Настойчивый Хасдай ибн Шапрут решил тогда переправить письмо через Иерусалим, Армению и Кавказ, но в этот момент подвернулась оказия - два еврея из Загреба, которые и отвезли его письмо в Хорватию, а оттуда его переслали в Венгрию, затем через Русь - к хазарам. Хасдай ибн Шапрут писал в своем письме, что если сведения о еврейском государстве верны, то он бы и сам "пренебрег своим почетом и отказался от своего сана, оставил бы свою семью и пустился бы странствовать по горам и холмам, по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь, чтобы увидеть его величие, его славу и высокое положение,

чтобы повидать, как живут его рабы и как служат его служители, и покой уцелевшего остатка Израиля... Как я могу успокоиться и не думать о разрушении нашего великолепного Храма..., когда нам говорят каждый день: "у каждого народа есть свое царство, а о вас не вспоминают на земле". В этом же письме Хасдай ибн Шапрут задавал царю много вопросов - о размерах государства, о его природных условиях, о городах, о его войске, но самые главные вопросы: "из какого он колена", этот царь, "сколько царей царствовало до него и каковы их имена, и сколько лет царствовал каждый из них, и на каком языке вы говорите".

Хазарский каган Йосеф получил это письмо, и до наших дней дошли два варианта его ответа: краткая и пространная редакции его I письма. Оно было написано на иврите, и, возможно, что писал его не; сам каган, а один из его приближенных - евреев. Йосеф сообщал, что его народ происходит из рода Тогармы. Тогарма был сыном Яфета и внуком Ноя. У Тогармы было десять сыновей, и одного из них звали,

-
Хазар. От него-то и пошли хазары. Сначала, сообщал Йосеф, хазары были малочисленны, "они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Бога прогнали их и заняли всю страну... После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, имя которого было Булан. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем на Бога. Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у Бога". После Булана, принявшего иудаизм, царь Йосеф перечислил всех хазарских каганов-иудеев, и у всех у них - еврейские имена: Овадия, Хизкиягу, Менаше, Ханука, Ицхак, Звудун, снова Менаше, Нисим, Менахем, Биньямин, Аарон и наконец автор письма - Йосеф. Он писал про свою страну, что в ней "никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных случайно-

! стей... Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников и садов. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых деревьев. С помощью Всемогущего я живу спокойно".

Йосеф был последним правителем могущественного Хазарского каганата, и когда он отправлял в далекую Испанию свое письмо - не позже 961 года, то не знал еще, что дни его царства уже сочтены.

В конце восьмого - начале девятого века хазарский каган Овадия сделал иудаизм государственной религией. Это не могло произойти случайно, на пустом месте: наверняка уже тогда в Хазарии было достаточное количество евреев, говоря сегодняшним языком - некая "критическая масса", приближенных ко двору правителя, которые и повлияли на принятие такого решения.

Еще при Булане, который первым принял иудаизм, многие евреи переселились в Восточное Предкавказье, спасаясь от преследования мусульман. При Овадии, как отмечал арабский историк Масуди, "много евреев переселилось к хазарам из всех городов мусульманских и из Рума (Византии), потому что царь Рума преследовал евреев в своей империи, чтобы совратить их в христианство". Евреи заселили целые кварталы хазарских городов, особенно в Крыму. Многие из них осели и в столице Хазарии - Итиле. Каган Йосеф писал про те времена: Овадия "поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал множество мудрецов израильских, дал им много серебра и золота, и они объяснили ему двадцать четыре книги Священного Писания, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв".

Эта реформа Овадии, очевидно, не прошла спокойно. Хазарская аристократия в дальних провинциях восстала против центральной власти. На ее стороне были христиане и мусульмане; восставшие призвали на помощь мадьяр из-за Волги, а Овадия нанял кочевников-гузов. Византийский император и историк Константин Порфирородный писал об этом: "Когда у них произошло отделение от их власти и разгорелась междоусобная война, центральная власть одержала верх, и одни из восставших были перебиты, а другие бежали". Но хотя центральная власть и победила, возможно, что в этой борьбе погиб сам Овадия и оба его сына: иначе как объяснить тот факт, что после Овадии власть перешла не к его прямому наследнику, а к его брату?

Иудаизм продолжал оставаться государственной религией, и евреи жили в спокойствии на территории Хазарского каганата. Все историки тех времен отмечали веротерпимость хазарских правителей-иудеев. Под их властью мирно жили евреи, христиане, мусульмане и язычники. Арабский географ Истахри писал в "Книге стран": "Хазары - магометане, христиане, евреи и язычники; евреи составляют меньшинство, магометане и христиане - большинство; однако царь и его придворные - евреи... Нельзя выбрать каганом лицо, не принадлежащее к еврейской религии". Арабский историк Масуди писал в книге "Промывальни золота": в столице Хазарского царства "семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Торы, двое для тамошних христиан, которые судят по закону Евангелия, один же из них для славян, руссов и других язычников, он судит по закону языческому, то есть по разуму". А в "Книге климатов" арабского ученого Мукаддаси сказано совсем просто: "Страна хазар лежит по ту сторону Каспийского моря, очень обширна, но суха и неплодородна. Много в ней овец, меду и евреев".

Были попытки сделать христианство государственной религией Хазарии. С этой целью отправился туда в 860 году знаменитый Кирилл - создатель славянской письменности. Он принял участие в диспуте с мусульманином и иудеем, и хотя в его "Житии" и написано, что он победил в споре, но каган все-таки не переменял религию, и Кирилл вернулся ни с чем. "Наши глаза устремлены к Господу, Богу нашему, и к мудрецам израильским, к академикам, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии", - писал каган Йосеф в своем письме. Узнав о том, что мусульмане в своих землях разрушили синагогу, хазарский каган даже приказал разрушить минарет главной мечети в Итиле и казнить муэдзинов. При этом он сказал: "Если бы я, право же, не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть".

После принятия иудаизма у Хазарии сложились самые неприязненные отношения с Византией. Сначала Византия натравила на хазар аланов, затем печенегов, потом киевского князя Святослава, который и победил хазар. По разному объясняют сегодня историки причины падения Хазарского каганата. Одни считают, что это государство ослабело в результате постоянных войн с окружающими его врагами. Другие уверяют, что принятие хазарами иудаизма - миролюбивой религии - способствовало снижению боевого духа кочевых воинственных племен. Есть сегодня и такие историки, которые объясняют это тем, что евреи со своей религией превратили хазар из "нации воинов" в "нацию торгашей". Русская летопись пишет об этом просто, не вдаваясь в причины: "В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же это, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их и Белую Вежу взял..." Другими словами, Святослав взял столицу хазар Итиль, взял Семендер на Каспийском море, взял хазарский город Саркел на Дону - он же впоследствии Белая Вежа - и вернулся в Киев. "Русы разрушили все это и разграбили все, что принадлежало людям хазарским", - писал арабский историк. После этого еще несколько лет подряд племена гузов беспрепятственно грабили беззащитную землю. Хазары вернулись вскоре в свою разрушенную столицу Итиль, восстановили ее, но, как отмечают арабские историки, там уже жили не иудеи, но мусульмане. В конце десятого века сын Святослава Владимир снова пошел на хазар, овладел страной и наложил на них дань. И снова города Хазарии были уничтожены, столица превращена в развалины; уцелели лишь хазарские владения в Крыму и на берегах Азовского моря. В 1016 году греки и славяне разрушили в Крыму последние хазарские укрепления и взяли в плен их кагана Георгия Цулу, который был уже христианином.

Некоторые исследователи теперь считают, что Хазарский каганат не распался окончательно в конце десятого века, но продолжал существовать как самостоятельное, небольшое государство вплоть до нашествия монголов. Во всяком случае, в одиннадцатом веке о хазарах еще упоминается в русской летописи, как об участниках заговора против князя Олега Тмутараканского, но это последнее упоминание о них в европейских источниках. И лишь в описаниях еврейских путешественников последующих веков Крымский полуостров долго еще называли Хазарией.

Бывали случаи и до этого, когда значительная часть населения той или иной страны склонялась к иудаизму. Особенно это проявилось в первом веке новой эры: в Риме, в районе Черного моря и в Малой Азии - в Каппадокии. Женщины окрестных народов, которые жили бок о бок с евреями, чаще принимали иудаизм, нежели мужчины, потому что их привлекало высокое и

почетное положение женщины в еврейской семье и в еврейском обществе, под защитой законов и обычаев. Мужчин часто останавливала боязнь обрезания, но тем не менее сотни тысяч неевреев, так называемых "себоменой" - "почитателей", соблюдали субботу, отвергали языческих богов, признавали единого Бога и основы еврейской веры, но не соблюдали всех религиозных предписаний.

В первой половине первого века новой эры иудаизм стал государственной религией в царстве Адиабена - в Месопотамии, в верхнем течении реки Тигр. Перед восшествием на престол царь Изат принял иудаизм; вместе с ним это сделала его мать Елена, а затем, по утверждению еврейского историка Иосифа Флавия, и все население Адиабены. Царь Изат строго соблюдал законы еврейской религии и отправил в Иерусалим своих сыновей, чтобы они изучили там еврейский язык и иудейское вероучение. В голодные годы царь Изат посылал в Иерусалим значительные суммы денег, царица Елена закупала для голодающих зерно и финики, а царь Монобаз II даже израсходовал на это все сокровища, собранные его предками. Царица Елена построила в Иерусалиме и в Лодии великолепные здания и подарила Иерусалимскому Храму золотой светильник, который повесили над воротами Храма. Первые лучи восходящего солнца отражались на блестящей поверхности светильника, по всему Иерусалиму был виден этот блеск, и это служило сигналом для начала утренней молитвы. Во время Иудейской войны против римлян эта царская семья из Адиабены помогала восставшим, и Иосиф Флавий сообщает, что "в рядах евреев наиболее отличившимися и доблестными были Монобаз и Кенедай, родственники Монобазы, царя Адиабены". Царь Изат и его мать Елена были похоронены в Иерусалиме, в "царских гробницах", высеченных в скале и сохранившихся и по сей день. Одна из улиц Иерусалима называется сегодня "Гелени га-малка" - "царица Елена". Было еще одно иудейское царство в Южной Аравии, в Химьяре, на территории нынешнего Йемена: в начале шестого века царский дом и его подданные перешли в иудаизм и ревностно соблюдали его заповеди. Это было большое царство, распространившее свою власть на обширные территории Аравии, и его царь по имени Зу Нувас даже не пропускал через свои земли в Индию византийских купцов, потому что в их стране "угнетают евреев". Этот царь поддерживал связи с еврейскими законоучителями из Тверии, они были его посредниками в переговорах с христианами, - а христиане в отместку грозили сжечь синагоги в Тверии, если евреи не перестанут "посылать грамоты и знатных людей к царю Химьяра". Византийский император натравил эфиопов на царство Химьяр; Зу Нувас погиб в бою в 525 году, и с его смертью пришел конец иудейскому царству в Южной Аравии.

Известно еще, что многие берберские племена Северной Африки принимали иудаизм в доисламский период, и у них существовали даже еврейские княжества. Могущественное племя джарауа, исповедовавшее иудаизм, властвовало почти над всеми берберами Атласских гор, и в конце седьмого века во главе этого племени стояла еврейская правительница Дагия ал-Кагина. Во время нашествия арабов она разбила их армию и принудила к отступлению. Через пять лет арабы снова двинулись на берберов, и тогда Дагия ал-Кагина распорядилась разрушить все берберские города, чтобы неприятель погиб в опустошенной стране. Она была убита в бою с арабами возле одного источника, который в память о ней стали называть "Вир ал-Кагина". В девятнадцатом веке в Каирской синагоге, в ее генезе (то есть в особом хранилище, куда складывали обветшавшие, поврежденные, не пригодные к употреблению Священные книги), среди прочих старинных рукописей и документов была найдена - без начала и без конца - историческая рукопись о Хазарии, написанная хазарским евреем. Самое интересное в этой рукописи заключается в том, что ее автор считает хазар-иудеев природными евреями, которые пришли на эти земли и ассимилировались с окружающим населением, сохранив лишь обряд обрезания, - но затем все они снова обратились к истинной вере:

"И бежали от них (армян) наши предки... потому что не могли выносить ига идолопоклонников. И приняли их к себе (хазары)... И они сроднились с жителями той страны и научились делам их. И они всегда выходили вместе с ними на (войну) и стали одним с ними народом. Только завета обрезания они держались, и (некоторые из них) соблюдали субботу. И не было царя в стране хазар, а того, кто одерживал победы на войне, они ставили над собой военачальником, и продолжалось это до того самого дня, как евреи вышли с ними по обыкновению на войну, и один еврей выказал в тот день необычайную силу мечом и обратил в бегство врагов, напавших на хазар. И поставили его люди хазарские, согласно исконному своему обычаю, над собой военачальником. И оставались они в таком положении долгое время,

пока не смиловался Господь и не возбудил в сердце того военачальника желания принести покаяние, и склонила его на это жена его, по имени Серах... и отец молодой женщины, человек праведный в том поколении, наставил его на путь жизни... И покались израильтяне вместе с людьми хазарскими полным раскаянием... И поставили люди страны одного из мудрецов судьей над собой. И называют они его на хазарском языке каганом; поэтому называются судьи, которые были после него, до настоящего времени каганами. А главного князя хазарского они переименовали в Савриила и воцарили царем над собою..."

Русский ученый-тюрколог В. Григорьев писал в девятнадцатом веке: "Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский; окруженный народами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянные войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы...". То же самое отмечал в двадцатом веке и русский академик Ю. Готье: "Историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая. Это обстоятельство выдвигает их из множества народов азиатского происхождения, последовательно сменявших друг друга на пространстве между Волгой, Доном и Кавказом..."

В девятнадцатом веке в Тамани обнаружили еврейские надгробные памятники, на лицевой стороне которых были выбиты традиционные еврейские символы - светильник, шофар, жезл Аарона, а на их обратной стороне - символы нееврейские. Они напоминают племенные знаки тюрков - степняков, выжигаемые обычно на телах их лошадей: знаки собственности - тавро (эти знаки похожи и на тавра, распространенные у казахов). Около сорока процентов памятников на кладбище возле Тамани имели на оборотной своей стороне нееврейские символы, и можно предположить, что под этими памятниками были похоронены хазары-иудеи.

В 1976 году в Нью-Йорке вышла в свет сенсационная книга "Тринадцатое колено" английского писателя Артура Кестлера. В этой книге он утверждал, что теперешние ашкеназы не имеют никакого отношения к "сынам Авраама", а являются потомками хазар, которые рассеялись по Европе после крушения каганата в десятом веке. По Кестлеру ашкеназы "вышли не с Иордана, а с Волги, не из Ханаана, а с Кавказа, а это значит, что они намного ближе к таким народам, как гунны, уйгуры или венгры, чем к семени Авраама, Ицхака и Яакова". Если ашкеназы - не семиты, заявлял писатель, то "само слово антисемитизм оказывается лишенным смысла и представляет собой прискорбный плод недоразумения, равно разделяемого и палачами и жертвами... Эпопея Хазарского каганата, встающая сейчас перед нами из глубины веков, выявляет, пожалуй, самую жестокую шутку, какую история когда-либо сыграла с человеком". Эту теорию изобрел не А. Кестлер. Еще в конце девятнадцатого века подобное предположение высказал в России Максимилиан Гумплович в своих очерках "Начало еврейской веры в Польше". Затем то же самое пытался доказать профессор Тель-Авивского университета А. Полак в научном труде "Хазария" (1951 г.). Но эта теория давно уже опровергнута наукой ввиду полной ее несостоятельности. Современные ученые - на основании многочисленных данных - доказывают, что во времена позднего Средневековья ашкеназские евреи начали переселяться из Центральной Европы в Польшу, Литву, Украину и Белоруссию и образовали там еврейские общины. А небольшие количества хазар, перешедших в иудаизм, стали, возможно, частью крымского, северокавказского и южнорусского еврейства и были затем поглощены им.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

Хазары и славяне. Евреи и Киевская Русь. Нашествие монголов.

Контакты между хазарами и славянами происходили постоянно и с давних времен, потому что это были народы-соседи. Под защитой могущественного Хазарского каганата славяне Поднепровья могли заниматься земледелием и торговлей. Славянские купцы спускались по Дону и Волге к хазарской столице, выходили в Каспийское море, проникали на юго-восточные его берега и даже привозили на верблюдах свои товары в город Багдад.

В восьмом веке хазары стали брать дань с восточных славян. Сказано об этом в русской летописи: "Хазары брали дань с полян и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке с дыма". То есть с каждого жилого дома - по шкурке белки и по серебряной монете. Поляне впоследствии, очевидно, освободились от этой подати, о чем и сказано в летописи: "Поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары... и сказали: "Платите нам дань". Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю. И сказали старцы хазарские: "Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань с нас и с иных земель".

Скорее всего хазары отступились от полян и взамен обложили данью радимичей - другое славянское племя. В русской летописи есть упоминание о том, что в 885 году "послал Олег к радимичам, спрашивая: "Кому даете дань?" Они ответили: "Хазарам". И сказал им Олег: "Не давайте хазарам, но платите мне". И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам Давали".

В каирской синагоге, в ее генизе, было найдено письмо на иврите, которое написали евреи, жившие в Киеве. Современные ученые определили, что письмо написано в первой половине десятого века, и если их заключения верны, то это значит, что самый ранний обнаруженный достоверный документ, относящийся к истории Киева, написан на иврите и исходит от еврейской общины города. В своем письме евреи Киева оповещали все общины рассеяния, что некий Яков бар Ханука "стал жертвой злодеяния: его брат взял ссуду у нееврея, а Яков был его поручителем. И вот поехал его брат в дорогу, но пришли разбойники, и убили его (брата), и забрали его деньги. Тогда пришли кредиторы и взяли Якова, на шею его повесили железные оковы, и сковали ноги его. И там (у них) пробыл он целый год. А потом мы взяли его на поруки и заплатили шестьдесят монет, а еще осталось долгу - сорок монет..." С этим сопроводительным письмом Яков бар Ханука отправился по еврейским общинам мира, чтобы собрать недостающие деньги, и, возможно, дошел даже до Каира. "Господа наши... - написано было в письме. - Последуйте доброму обычаю... И Бог смилостивится над вами и восстановит Иерусалим в ваше время, и принесет избавление вам - и нам вместе с вами". В углу письма имеется пометка тюркскими рунами, которую сделал, по всей видимости, хазарский чиновник. Это первое известное нам слово на хазарском языке, написанное оригинальными тюркскими рунами: "Хокурум", что означает - "Я прочитал". На основании этого письма можно предположить, что в первой половине десятого века в Киеве уже существовала община евреев из Хазарии, и в сопроводительном письме указаны их имена - как традиционно еврейские (например, глава общины - Авраам га-парнас), так и имена хазарские: Кьябар, Саварта, Манас, Манар и Кофин.

После разгрома Хазарского каганата евреи, его населявшие, рассеялись по разным странам. Был у них один путь - в Крым. Был другой путь - на Кавказ. Третий путь - возможно, в Среднюю Азию, в Хорезм. Некоторые беглецы оказались даже в Испании, в городе Толедо: об их потомках упоминает в "Книге традиций" еврейский историк из Толедо Авраам ибн Дауд. И был еще, конечно, путь к Киеву, где жили евреи и до этого. Русский историк восемнадцатого века В. Татищев, которому довелось прочитать исчезнувшие позднее русские летописи, уверяет, что победитель хазар Святослав увел в полон, в Киев, большое количество хазар и расселил их по разным местам, - среди них, наверное, были и евреи.

Евреи приходили в Киев не только с востока или из Крыма и Кавказа, но и из европейских стран. Известно, что с девятого века проходили через славянские земли купцы-евреи, которых арабские историки называют раданитами. Через этих раданитов шла основная торговля Европы с Азией. Сказано о них в "Книге путей и государств" арабского географа Ибн-Хордадбха: "Путь купцов-евреев раданитов, которые говорят по-персидски, по-румски, по-арабски, по-франкски, по-андалузски, по-славянски: они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей. Они возят евнухов, служанок, мальчиков, шелк, меха и мечи... На обратном пути они берут мускус, алоэ, камфару, корицу и другие произведения восточных стран..." Раданиты везли товары разными путями, в том числе и через славянские страны, к хазарам в Итиль, а

оттуда через Каспий - в Индию и Китай. Киев был узловой станцией на торговом пути, и в еврейских источниках этих купцов называли "голхей русия" - идущие в Русь.

Так встретились на территории Киевской Руси евреи из Европы и Хазарии. В Киеве было два особых квартала, один из которых назывался "Козары", а другой - "Жидове". Возле второго квартала находились одни из ворот города - Жидовские ворота, которые упоминаются в русской летописи за 1151 год: защищая Киев от половцев, "Изяслав Давыдович стал меж Золотых ворот и Жидовских, а Ростислав перед Жидовскими вороты". Евреи в Киевской Руси составляли группу свободных людей, которые занимались транзитной торговлей, что было чрезвычайно выгодно киевским князьям. Они пользовались свободой передвижения, но жили преимущественно в городах, в особых кварталах. В. Татищев отмечал, что в Киеве даже существовала синагога, в которой евреи заперлись во время смуты в 1113 году и выдержали осаду до прихода Владимира Мономаха.

В русской летописи говорится, что в 986 году евреи из Хазарии - "Жидове Козарстии" - приехали к великому князю Владимиру, чтобы склонить его к принятию иудаизма. "А где земля ваша?" - спросил их князь Владимир. "В Иерусалиме", - ответили евреи. "А вы разве там живете?" "Нет, - сказали они, - ибо разгневался Бог на предков наших и рассеял нас по странам за грехи наши..." Тогда Владимир сказал: "Как же вы других учите, когда сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас, то вы не были бы разбросаны по чужим землям. Разве вы и нам думаете такое зло причинить?" И Владимир, как известно, выбрал христианство. Церковь боролась с еврейским влиянием, и митрополит Илларион даже написал в 1050 году специальное полемическое сочинение против иудейской религии - "Слово о законе Моисеевом и о благодати Иисуса Христа". Игумен Печерского монастыря Феодосий поучал христиан жить в мире с друзьями и с врагами, "но со своими врагами, а не с Божьими... Божьи суть враги: жидове, еретицы, держаше кривую веру..." Этот же самый Феодосий "имел следующее обыкновение: многократно ночью вставал и тайно от всех ходил к жидам и спорил с ними о Христе; укорял и досаждал им, называя их отступниками и беззаконниками; желал быть убитым ими за исповедание Христа". Евреи, однако, его не убили, но, очевидно, спорили с ним и защищали свою веру.

Киевский митрополит Иоанн II уже запрещал продажу евреям рабов-христиан, по-видимому, из боязни, что их обратят в иудейство: "Христианина нельзя продавать ни жидовину, ни еретику, а кто продаст жидам - беззаконник". А связь с Византией привела к тому, что на Русь стали проникать постановления соборов, направленные против иноверцев, и в уставе времен князя Ярослава в одиннадцатом веке уже есть закон об отлучении от церкви за сожительство христианина с "бусурманкой или с жидовкой".

И тем не менее положение евреев в Киеве было достаточно прочным. Князь Изяслав перевел рынок вместе с лавками из нижней части города - Подола в верхнюю его часть, где жили евреи, за что они ему уплатили большие деньги. В конце одиннадцатого века число евреев в Киеве увеличилось, несмотря на мор, голод, набеги половцев: очевидно, туда переселились евреи из Центральной Европы, спасаясь от преследований крестоносцев. Великий князь Святополк II хорошо относился к евреям, но после его смерти толпа возмутилась против его жены и приверженцев, громили не только бояр, но разгромили и еврейский квартал - в 1113 году: "Кияне же разграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на Жиды и разграбиша". А в 1124 году был в Киеве большой пожар, и летопись отмечает, что выгорел почти весь город "и Жидове погореша".

У В. Татищева есть еще упоминание о том, что, будто бы, Владимир Мономах велел в 1126 году "из вся русския земли всех жидов выслать со всем их имением, и впредь не пущать, а есть ли тайно войдут, вольно их грабить и убивать... С сего времени жидов в Руси нет..." Но этот факт оспаривают другие историки.

Евреи Киевской Руси не были оторваны от своих соплеменников на Западе и на Востоке. Они переписывались друг с другом, из страны в страну ездили купцы-евреи, даже детей своих они посылали учиться из Киева в Европу, в лучшие иешивы того времени. Сохранилось имя рабби Ицхака из Руси, который учился в городе Вормсе, в Германии. Некий Ашер бен Синай из Руси учился в испанском городе Толедо, а рабби Моше из Киева был либо учеником в иешиве знаменитого рабби Яакова Тама, крупнейшего авторитета французского и германского еврейства, либо встречался с ним лично во время своих поездок по Европе. Этот же самый рабби Моше из Киева переписывался с главой иешивы в Багдаде. Известно еще, что некий

еврей из Руси, у которого родным языком был славянский, встретился в Салониках со своим родственником. Тот с восторгом описал ему свое путешествие в Эрец-Исраэль, и под впечатлением этого рассказа еврей из Руси тоже решил отправиться туда.

Евреи жили не только в Киеве, но и в Волынской и в Галицкой землях, появлялись они и в северо-восточной Руси. При дворе великого князя Андрея Боголюбского во Владимире в конце двенадцатого века жили два еврея - Ефрем Моизич и Анбал Ясин с Кавказа, ключник великого князя: оба они были участниками заговора, который закончился убийством Андрея Боголюбского.

А потом на Киевскую Русь обрушились монголы. В 1239 году они разрушили Киев, и многие евреи погибли там вместе с другими жителями, а остальные бежали. В Подолии сохранился с 1240 года надгробный памятник некоему Шмуэлю, очевидно, главе общины, и на нем выбита такая надпись: "Гибель следует за гибелью. Велико наше горе. Этот памятник воздвигнут над могилой нашего учителя; мы остались, как стадо без пастыря; гнев Божий постиг нас..." В середине тринадцатого века Киев был пуст и разорен, стояло в нем каких-нибудь двести домов, и великие князья снова приглашали евреев селиться в Киеве. Сохранилось свидетельство об их присутствии на Руси в летописи за 1288 год. Рассказывая о смерти князя Владимира Васильковича, правившего во Владимире Волынском, летописец отмечает: "И тако плакавшеся над ним всемножество Володимерцев, мужи и жены и дети, Немцы, и Сурожьце, и Новгородци, и Жидове..."

В двенадцатом-тринадцатом веках в Киевской Руси была переведена с греческого на древнерусский язык "История иудейской войны" еврейского историка первого века новой эры Иосифа Флавия, а частичные переводы из Флавия относятся еще к одиннадцатому веку. Все специалисты единодушно отмечают то влияние, которое оказал перевод "Истории иудейской войны" на такие крупнейшие русские литературно-исторические памятники, как "Слово о полку Игореве", "Слово о погибели русской земли" и на "Задонщину".

На древнерусский язык было переведено и другое еврейское историческое повествование - "Иосиппон". Его перевели с иврита, очевидно, в двенадцатом веке, и отрывки из него уже включены в русскую летопись "Повесть временных лет" под датой - 1110 год. С иврита переводились тогда и библейские тексты - из книги Эсфирь, Даниила, Песни песней, а также сказания о Моисее и царе Соломоне. Влияние этих переводов с иврита прослеживается в тогдашнем языке. Например, в переводе "Иосиппона" употреблен глагол "взыти" - взойти, подняться - при обозначении движения к Иерусалиму. Это полностью соответствует глаголу на иврите "ала" - подниматься, идти наверх, потому что на иврите не говорят - "идти в Иерусалим", но - "подниматься в Иерусалим".

Еще известно, что в 1282 году для новгородского епископа Климента был даже составлен еврейско-русский словарь, - очевидно, была в нем такая потребность. Словарь назывался так: "Речь жидовского языка, переложена на русскую, неразумно на разум, и в Евангелиях и в Апостолах, и в Псалтыри, и в прочих книгах".

Известно, что сюжет новгородской былины о Садко - торговом госте имеет свой прототип - библейский рассказ об Ионе, которого корабельщики сбросили в бурю с корабля. Еще дореволюционные русские ученые отмечали, что основой для имени героя - Садко - послужило еврейское имя Цадок в значении "справедливый, праведный". В примечаниях к сборнику "Новгородские былины" (Изд. "Наука", Москва, 1978 год) сказано, что певцы былины, "употреблявшие форму (имени) Садок, вряд ли знали первоначальное значение древнееврейского имени, совершенно не вяжущееся с образом героя. В их текстах подобное знание никак не отразилось. Скорее всего имя Садок ассоциировалось у них с русскими словами "сад" или "садок" (также и в значении "устройство для содержания живой рыбы")".

Знаменитый создатель славянского алфавита Кирилл знал иврит. И когда он создавал новый алфавит - кириллицу, то для большинства букв использовал греческие прототипы, но написание трех букв - "ш", "щ" и "ц" - он позаимствовал из иврита. Сравните написание букв "ш"/"щ" с буквой "шин"

а буквы "ц" с буквой "цади", и вы сразу убедитесь в этом.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

Евреи Центральной Европы. Крестовые походы. Ритуальные наветы. Погромы, убийства и изгнания. Начало переселения на восток.

С тринадцатого по пятнадцатый век четко определилось направление еврейской эмиграции в Европе - с запада на восток. Евреи уходили из Центральной Европы, с берегов Рейна, на южные и восточные германские земли, а оттуда уже в Богемию, Моравию, Польшу и Литву. И о причинах этого следует рассказать подробно.

Ничто, казалось, не предвещало прежде столь поспешного бегства, и еще в одиннадцатом веке положение евреев в Центральной Европе было относительно благополучным. Они, в основном, занимались торговлей между городами и странами, ссужали деньгами под проценты, были ремесленниками и считались незаменимым элементом в процессе заселения земель и развития городов. Их приглашали, им выдавали привилегии, в них были заинтересованы правители земель и стран. В 1084 году епископ города Шпейер пригласил несколько еврейских семей осесть в одном из пригородов, которые он намеревался заселить. Он обещал евреям свободу торговли, право вести собственный суд, право защищать себя, и в выданной им привилегии было сказано: "Я тысячекратно увеличу славу города, если приведу и евреев в его пределы". А через несколько лет после этого германский император Генрих IV подтвердил привилегии, данные епископом, но теперь уже для двух городов - Шпейера и Вормса.

В европейских странах евреи всегда считались "королевскими рабами", "рабами королевской казны"; они выплачивали огромные налоги, превышавшие налоги с других горожан, а если короли особо нуждались в деньгах, то тотчас же облагали "рабов своей казны" добавочными поборами или же просто конфисковывали их имущество. Но при этом короли защищали евреев и обеспечивали их неприкосновенность от возможных посторонних посягательств. То, что разрешалось королям, не разрешалось другим. Жизнь была как на качелях: то вверх - к относительно благополучию, то вниз - к преследованиям с притеснениями. Весь вопрос был в том, как долго удавалось продержаться наверху и как часто приходилось опускаться вниз. Во Франции, к примеру, евреи жили в нормальных условиях до шестого века новой эры. Пользовались религиозной свободой, занимали даже официальные должности, но уже в 629 году им предложили на выбор: крещение или изгнание. При династии Каролингов к евреям относились терпимо, и в Париже был целый квартал мрачных улиц, которые на ночь запирались решетками. Там жили сапожники, горшечники, старьевщики, тряпичники, у них были две синагоги и два кладбища. Но уже в девятом веке епископ города Лиона Агобард писал, обращаясь к королю: "Недостойно для нашей веры, чтобы сыны света навлекали на себя тень общения с сынами тьмы. Непристойно, чтобы церковь Христова, которая должна вступить в объятия своего небесного супруга без пятен и морщин, была обезображена прикосновением грязной, ветхой, отверженной синагоги... Пусть же они (евреи) будут прокляты в городе и в поле, у входа и у выхода, пусть будет проклят плод их внутренностей".

Людовик Благочестивый защищал евреев от нападков духовенства и сохранил к ним расположение даже тогда, когда его личный духовник перешел в иудейскую веру, женился на еврейке, принял еврейское имя Эльзар и уехал в Испанию. Но в те же самые времена - вплоть до одиннадцатого века - в городе Тулузе, в дни христианских праздников, какой-либо еврей из местной общины получал всенародно пощечину - чтобы евреи не забывали о муках Христа. Придворного врача-еврея Цидкию обвинили в том, что он нарочно плохо лечил короля Карла Лысого, а через сто лет других еврейских врачей обвиняли в отравлении короля Гуго Капета. В двенадцатом веке король Филипп-Август изгнал евреев, конфисковал их дома и земли, а синагоги превратил в церкви. Потом ему понадобились деньги, и он опять разрешил евреям вернуться во Францию. Этот же самый король сжег в городе Брей около ста евреев, которые отказались креститься, а Людовик Святой заставил евреев носить особый отличительный знак -

кусок красного фетра в виде колеса, который прикрепляли к верхней одежде на спине и на груди, чтобы евреев можно было отличить от христиан.

В тринадцатом веке папский легат Арнольд, предводитель фанатичной толпы, убивал во Франции сектантов-еретиков, а заодно и евреев. Его девизом было: "Бейте всех, а Бог на небе уж отберет своих!" В 1277 году в Тулузе был сожжен раввин Ицхак Маль за то, что одного крещеного еврея, раскаявшегося перед смертью, он похоронил на еврейском кладбище. В 1288 году в городе Труа были сожжены ученый еврей Ицхак Шателен, его беременная жена, два сына, невестка и еще восемь евреев, обвиненных в ритуальном убийстве. Среди них был и некий хирург Хаим, "возвращавший зрение слепым". Все они отказались креститься, чтобы получить помилование, и пошли на смерть, распевая псалмы.

Король Филипп Смелый относился к евреям снисходительно, а Филипп Красивый изгнал их из Франции в 1306 году, конфисковал имущество и подарил своему кучеру парижскую синагогу. По королевскому приказу несколько тысяч евреев покинули Францию, где их предки жили еще со времен Римской империи. Но их отсутствие тотчас же почувствовали местные жители, и даже во французских народных песнях отмечалось, что "евреи честнее вели свои дела, чем иные христиане", и что страна обеднела без них. И тогда Людовик X призвал евреев обратно и возвратил им кладбища с синагогами: естественно, что за это они ему хорошо заплатили. В 1320 году по Южной Франции бродили шайки крестьян и пастухов, которые разгромили около ста двадцати еврейских общин. В Тулузе пятьсот евреев заперлись в крепости и оборонялись против толпы, а затем, чтобы избежать насильственного крещения, убили друг друга. У них, однако, не хватило решимости убить собственных детей, и победители забрали их и окрестили.

При Филиппе Толстом евреев обвинили в отравлении колодцев, рек и источников: одних сожгли, других изгнали, имущество конфисковали. При Карле IV их снова выгнали из Франции, и с 1322 по 1359 год там не было евреев. Но затем срочно понадобились деньги - для выкупа плененного короля Иоанна Доброго, и евреев впустили в страну на двадцатилетний срок: при въезде каждая семья уплатила в казну по четырнадцать золотых флоринов.

Карл VI созвал народное собрание, и на нем решили, чтобы "евреи и ростовщики были изгнаны из города

1

". Этого было достаточно, чтобы устроить погром в Париже: четыре дня подряд чернь грабила, жгла, убивала; детей вырывали из рук матерей и насильно крестили. И, наконец, в 1394 году король Карл VI изгнал евреев из Франции. Все, что они не могли унести с собой, было конфисковано в пользу казны.

И в Англии жизнь была как на качелях. Евреи Северной Франции стали селиться в Англии в одиннадцатом веке, после завоевания ее нормандцами, и точнее всего их положение характеризовала статья закона, принятого при Генрихе I: "Да будет известно, что все евреи должны находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Никто из них не может без разрешения короля переходить к какому-нибудь богатому владетелю, ибо евреи со всем их имуществом принадлежат королю". И в полном соответствии с духом этого закона король Стефан велел сжечь дом одного еврея вместе с его владельцем, потому что тот отказался внести деньги на расходы короля. Но английские бароны оспаривали это королевское право: каждому хотелось подкормиться за счет этих бесправных и потому безотказных временных жителей. Бывало даже так, что бароны, обидевшись на короля, грабили еврейские кварталы, чтобы королю меньше оставалось.

В день коронации Ричарда Львиное Сердце прошли погромы во многих городах Англии, и было множество убитых. В городе Йорке евреи заперлись в королевской крепости на краю города; монахи подстрекали нападавших, и осажденным оставалось два выхода: либо креститься, либо погибнуть от голода, потому что в крепости почти не было запасов пищи. Рабби Йом Тов убедил евреев убить друг друга и тем самым избавиться от мучений. Он сказал: "Бог предков наших, очевидно, хочет, чтобы мы умерли за наше Святое учение. Смерть стоит перед глазами, и нам остается подумать, как погибнуть наиболее достойным способом. Если мы попадем в руки наших врагов, наша смерть будет не только ужасна, но и позорна. Они будут не только мучить нас, но и глумиться над нами. Мой совет поэтому такой: Творец дал нам жизнь, и мы

должны возвратить ее ему собственными руками". Богатый и уважаемый еврей Иосце первым заколол свою жену и двух детей, а затем рабби Йом Тов убил его. Почти все евреи погибли таким образом, и напоследок рабби Йом Тов покончил с собой, став единственным самоубийцей среди добровольно погибших. Толпа, осаждавшая крепость, сожгла все долговые обязательства, а это уже был прямой урон для казны, потому что король - наследник еврей-кредитора - не знал, с кого ему взимать долг, и оставался в убытке. Ричард Львиное Сердце сделал из этого выводы и приказал устанавливать в больших городах специальные сейфы. Каждое долговое обязательство выдавалось еврею в двух экземплярах: один - ему на руки, другой - в сейф, к королю. Теперь уже еврея могли убивать и грабить: король был застрахован от любых случайностей и получал все долги сполна.

Иоанну Безземельному нужны были деньги, много денег, он потребовал у евреев огромную сумму, и когда один из них, Авраам из Бристоля, затруднился выплатить свою часть, король приказал выдергивать у него зубы, по одному в день. Несчастный продержался семь дней, потерял семь зубов, а затем уплатил сполна. При Генрихе III опять стало получше, но на короткое время. Евреев заставили носить отличительный знак: шерстяную белую полосу на груди. Король конфисковал вновь отстроенную лондонскую синагогу, превратил ее в церковь и ввел черту оседлости: двадцать пять городов, в которых евреям разрешалось жить. Было тогда в Англии всего лишь шестнадцать тысяч евреев, но доходы с них составляли тринадцатую часть всех доходов казны. Король даже продал на один год всех евреев своему брату, уступив ему за пять тысяч фунтов все права над ними. Как заметил летописец-христианин, король "содрал шкуру с евреев и предоставил графу (своему брату) выпотрошить их". Евреи хотели бросить все и покинуть страну, но комендантам морских портов не велели выпускать их из Англии без королевского разрешения.

В 1262 году в Лондоне, во время гражданской войны, погибли от погрома около семисот евреев. Такие же погромы проходили в Ворчестере, Нортгемптоне и Линкольне. И, наконец, король Эдуард I приказал изгнать евреев из страны до 1 ноября 1290 года, и смертная казнь грозила тому, кто остался бы на английской земле после этой даты. Евреям разрешили взять с собой только то, что они могли унести. Имущество конфисковали. В пути их грабили капитаны судов. Многие погибли в море. Большая часть евреев Англии ушла во Францию, а оттуда, всего лишь через шестнадцать лет после этого печального события, в царствование Филиппа Красивого, им снова пришлось уходить в изгнание.

Крупнейший еврейский ученый одиннадцатого века рабейну Гершом бен Иегуда, оплакивая еврейскую судьбу тех времен, писал: "Рассеяние за рассеянием, вся Иудея в изгнании, больная, истощенная, всеми позабытая. Ты, Всесильный Избавитель, ради Себя освободи нас! Смотри, ведь силы наши исчерпались; взгляни: погибли наши праведники, и некому просить за нас. Вспомни обет, данный праотцам, пожалей избитых, истерзанных, за Тебя убиваемых. Восстанови на наших глазах опустошенный Храм, верни из плена шатры Яакова, спаси нас ради Имени Твоего!"

Из века в век борьба церкви против евреев все более усиливалась. Церковные авторитеты требовали унижать, угнетать и притеснять евреев всеми возможными способами, чтобы заставить их принять крещение. Угнетенное еврейство было, по их мнению, лучшим доказательством истинности христианства, к которому, как они утверждали, перешло прежнее величие Израиля. Не случайно один из вдохновителей крестовых походов писал королю Франции: "Я не требую, чтобы этих людей, над которыми тяготеет проклятие, предавали смерти, ибо сказано в Писании: не убивай! Бог не хочет, чтобы их искоренили, а только чтобы они, подобно братоубийце Каину, продолжали существовать для великих мук и для великого позора, так, чтобы жизнь была им горше смерти. Они зависимы, жалки, придавлены, боязливы - и должны оставаться такими, пока не обратятся на путь спасения!"

В одиннадцатом веке объявились в Европе проповедники всеобщего похода христиан против мусульман для освобождения Святой Земли и Иерусалима. Петр Пустынник из Амьена встал во главе многотысячной толпы верующих: это были рыцари, разбойники, беглые крестьяне, монахи и всякий сброд. Десятки тысяч людей бросали свои дома и поля, пришивали на одежду кресты и шли воевать с "неверными". Эта неорганизованная, масса, раздробленная на мелкие отряды, двинулась на Восток без обозов, безо всякой дисциплины, грабя и разоряя все на своем пути. Так начался Первый крестовый поход, и его жертвами сразу же стали евреи. "Восстал народ дикий, отчаянный, ожесточенный, сброд французов и германцев... - писал еврейский

летописец. - И собралось таких людей великое множество - мужчин, женщин и детей. Проходя через города, где жили евреи, они говорили друг другу: "Вот мы идем отомстить исмаилитам, а тут перед нами евреи, предки которых распяли нашего Спасителя, - отомстим же прежде им! Пусть сотрется имя Израиля, или же пусть они уподобятся нам и признают мессией Иисуса". Раввины назначали дни поста и молитв, чтобы предотвратить бедствие; общины платили огромные суммы денег епископам и начальникам городских гарнизонов, но посланные на помощь солдаты отказывались защищать евреев и оставляли их на произвол судьбы.

Весной 1096 года двадцать три еврея были убиты в городе Меце. В мае того же года одиннадцать евреев, отказавшихся креститься, были убиты в Шпейере. Хотели истребить всю общину, но местный епископ выслал своих людей, разогнал шайку, а некоторым убийцам велел отрубить руки. В городе Вормсе после вооруженного сопротивления погибли все евреи города, кроме насильно крещенных и тех, кто успел спрятаться у епископа. Некий Шмарья, отказавшийся креститься, был заживо зарыт в землю вместе со своей семьей при радостных криках толпы. Юноша Симха Коэн в церкви, во время насильственного крещения, выхватил спрятанный кинжал, заколол трех человек, - и толпа растерзала его. Прятавшимся у епископа предложили принять крещение, и они попросили время на размышление. Когда срок прошел, и отворили двери, то обнаружили, что евреи убили себя. Всего погибло в Вормсе четыреста человек, по некоторым источникам - восемьсот.

Затем крестоносцы подошли к Майнцу. Сначала евреи пытались остановить их у ворот города, затем у ворот своего укрепленного квартала. Вооруженные мечами и покрытые броней, они храбро сражались под предводительством главы общины Калонимоса, но не могли, конечно, противостоять более многочисленным и искусным в военном деле рыцарям. Наконец, те ворвались в еврейский квартал и перебили всех. Считают, что погибших было - тысяча четырнадцать человек. Ицхак бен Давид, насильно крещенный вместе со своей семьей, зарезал сначала своих дочерей и поджег дом, а затем поджег синагогу и сгорел в огне, потому что христиане предполагали превратить синагогу в церковь. Группа евреев пряталась у местного епископа, но когда он заявил, что не может их защищать, и предложил им креститься - они умертвили друг друга. Современник событий писал: "Когда увидели сыны Святого Завета, что участь их решена, они возопили все, старые и молодые, девушки, дети, слуги и служанки, к Отцу своему небесному, оплакивая свою жизнь и оправдывая суд Божий... Женщины набрались мужества и зарезали своих сыновей и дочерей, а потом самих себя. Мужья зарезали жен и детей. Девушки, невесты и женихи громко кричали из окон: "Смотри, Боже, что мы делаем ради Твоего святого Имени!"... И смешалась кровь родителей с кровью детей, кровь братьев и сестер, учителей и учеников, женихов и невест, грудных детей и кормилиц..." На этом прекратила свое существование еврейская община города Майнца. Забегая вперед, надо сказать, что через самое малое время в городе снова поселились евреи, но их преследовали и убивали во времена Второго и Третьего крестовых походов.

Архиепископ города Кельна тайно вывел евреев из города и разместил по окрестным деревням, но крестоносцы нашли их там и всех перебили. Такая же печальная участь постигла евреев Трира, Регенсбурга и других городов, а затем и евреев Чехии. Банды крестоносцев свирепствовали с мая по июль 1096 года между Рейном и Дунаем, а затем пошли на юг. По примерным подсчетам около четырех тысяч евреев Германии были убиты и покончили жизнь самоубийством, по некоторым источникам двенадцать тысяч. Цифры эти будут особенно впечатляющими, если учесть, что во всей Германии тогда жило не более тридцати тысяч евреев.

В июле 1099 года крестоносцы взяли Иерусалим. Они сначала перебили в городе всех мусульман, без различия пола и возраста, а затем загнали иерусалимских евреев в одну синагогу и подожгли ее. Все евреи погибли в огне, а их имущество было разграблено. Так закончился Первый крестовый поход: вырезанные и уничтоженные еврейские общины Европы и горстки отчаявшихся, которых насильно обратили в христианство. (В Регенсбурге, к примеру, евреев загнали в реку, приложили к поверхности воды крест и силой окунули всех в воду.) Естественно, что насильно крещенные почти сразу же вернулись к вере отцов, получив согласие императора Генриха IV. Но в Богемии их продолжали преследовать, евреи решили уйти в Польшу и Венгрию, и тогда у них отобрали все имущество и заявили на дорогу: "Ведь вы из своего Иерусалима никаких богатств не привезли в Богемию. Победенные Веспасианом и проданные в рабство, рассеялись вы по всем землям. Нагими пришли вы в нашу страну, нагими и должны уйти..." А на очереди был Второй крестовый поход - в 1147 году, за ним Третий - в

1189, и новые жертвы среди еврейского населения Европы, и новый страх, который гнал с насиженного места.

Во времена крестовых походов проявилась та же черта еврейского характера, которая проявлялась и раньше, в периоды гонений в Эрец Исраэль сирийского царя Антиоха IV Епифана и римского императора Адриана. Это была их готовность жертвовать жизнью во имя своей веры, умирать, "освящая Имя Его" - "ал кидуш га-Шем". Во многих общинах евреи сражались до последней возможности, а затем лишали жизни себя, своих жен и детей. Матери убивали маленьких детей, которые не могли бы сопротивляться насильственному крещению. Женщины с грудными младенцами на руках топились в реках, лишь бы не попасть в руки крестоносцев. Ученый еврей Шмуэль бен Иехиэль, стоя посреди реки, произнес благословение над своим сыном и зарезал его, а юноша ответил на благословение "аминь!" - и скончался. Затем синагогальный служака тем же ножом убил Шмуэля бен Иехиэля на глазах у всей общины, а стоявшие на берегу евреи с криком "Шма, Исраэль" - "Слушай, Израиль: Господь - Бог наш, Господь один!" - бросились в воду и утонули. Сотни людей в разных городах совершили этот мученический подвиг - "ал кидуш га-Шем" - во имя веры отцов. Когда епископ города Трира уговаривал евреев принять крещение и спастись, они ответили ему перед гибелью: "Если бы у каждого из нас было по десять душ, мы бы их все отдали во имя Единства Божьего и не допустили бы, чтобы враги нас осквернили".

Некий Моше бен Эльазар га-Козн писал после этих событий: "О небо, чем же мы хуже других народов? Разве сила камня - наша сила, разве из меди плоть наша, чтобы перенести тяжесть наших бедствий?... Терзали нас в прежние времена и лев и медведь, губил наших детей свирепый тигр, жалила нас змея шипящая, но напоследок грызет нас свинья, навалившаяся на нас... Жгут и режут наших больших и малых, жен и детей, старцев и юношей, женихов и невест... Спросите всех жителей земли: было ли что-либо подобное с другим народом?..." С середины двенадцатого века стали обвинять евреев в совершении ритуальных убийств. В 1144 году в английском городе Нориче был объявлен святым мучеником христианский мальчик Вильям, которого, якобы, убили местные евреи. Королевский шериф не поверил этому и даже не разрешил судить оклеветанных, но монахи распространяли слухи об убийстве и ссылались на одного выкреста, который уверял, что евреи ежегодно похищают перед Пасхой христианского мальчика и употребляют его кровь для пасхальной мацы. Эти слухи дали свои результаты, и в 1171 году тридцать четыре еврея города Блуа во Франции были обвинены в ритуальном убийстве и сожжены в деревянной башне, потому что категорически отказались отступить от своей веры.

Стоит отметить, что некогда подобное же обвинение предъявляли язычники первым христианам. Будто бы христиане умерщвляли детей, чтобы отвратить их крови. Были даже "свидетели" этого, были обманщики, были душевно больные люди, которые утверждали, что видели это собственными глазами. "Стыдитесь! - взывал один из церковных писателей еще во втором веке новой эры. - Стыдитесь приписывать людям такие преступления, к которым они непричастны! Перестаньте! Образумьтесь!" "Где же у вас доказательства? - вторил ему другой. - Одна молва... Но свойства молвы известны всем. Она почти всегда ложна. Она и жива только ложью. Кто же верит молве?" Но эта молва оказалась очень живучей. Она продержалась с тех времен много веков, но теперь она уже поменяла адрес, и те самые христиане, что страдали некогда от нелепых обвинений, стали обвинять евреев - в том же самом.

В 1235 году евреев немецкого города Фульды обвинили в убийстве христианских детей. Император Фридрих II специально созвал ученых из среды крещеных евреев со всей Западной Европы, и они заявили, что еврейская религия категорически запрещает убийство человека, и что даже употребление крови животных противоречит еврейским законам. На основании этого заключения Фридрих II опубликовал особое послание, но оно не помогло.

В 1247 году во французском городе Вальреас нашли тело двухлетней христианской девочки с ранами на лбу, руках и ногах. Всех евреев города арестовали и подвергли пыткам: мужчинам вырывали половые органы, женщинам отрезали груди, - многих, в конце концов, сожгли на костре. После этого папа Иннокентий IV издал специальную буллу, осуждающую подобные казни, но булла тоже не помогла.

В 1255 году в английском городе Линкольне пропал христианский мальчик Гуго. Труп нашли в колодце во дворе у одного еврея, и восемнадцать человек повесили за совершение, якобы, ритуального убийства, а их имущество конфисковали. В 1267 году в немецком городе

Пфортгейм нашли в пруду мертвую девочку. "Народ тотчас решил, что виновники убийства - евреи, - писал один из обвинителей. - Когда приехал маркграф Баденский, то труп поднялся, как бы умоляюще простер к нему обе руки, оставался в этом положении в продолжении получаса и потом опять лег. Тогда привели евреев. Едва только они приблизились к трупу, как раны раскрылись, и кровь полилась заново. Когда евреи удалились - раны закрылись. Когда же их вновь притащили, покойная с покрасневшим лицом подняла вверх обе руки. Ярость народа после этого вспыхнула со всей силой и не знала границ... Евреи были схвачены и после всевозможных пыток преданы смерти через колесование".

И снова римский папа обнародовал буллу, и снова император издал особый указ, - несмотря ни на какие доводы, обвинения в употреблении христианской крови оставались излюбленным средством для грабежа, убийств и денежных вымогательств. Говорили, что евреям нужна христианская кровь, чтобы "уничтожить свой дурной запах", и что они эту кровь "сушат, превращают в порошок и рано утром сеют по траве, благодаря чему мрут люди и скот". Эта тема была столь популярна в те времена, что стала даже сюжетом английских и французских баллад. В одной из них рассказано о христианском мальчике Гуго, который был распят евреями, брошен в поток, но труп тут же выплыл у берега. Евреи закапывают его в землю - труп появляется на поверхности. Они кидают его в колодец, но оттуда идет такое благоухание, что сбегаются окрестные жители. Тело переносят в собор и торжественно хоронят, - восемнадцать евреев повешены... Другая баллада: один христианский мальчик часто ходил через еврейский квартал и пел хвалебные гимны Святой Деве. Евреи его убили. Святая Дева сотворила чудо. Мертвый ребенок продолжал петь. Многие евреи приняли христианство. Количество убитых не указано... Еще один вариант. Мальчик Гуго играет в мяч. Дочка еврея заманивает его в дом яблоком. Она ведет его через девять дверей, закалывает и бросает в колодец. Далее происходят чудеса: мать слышит голос сына из колодца, сами собой звонят колокола в городе, сами собой читаются книги без чтеца, - евреям снова плохо...

Естественно, что такая атмосфера способствовала новым и новым погромам и убийствам. В 1241 году распространились слухи, что вторгшиеся в Европу монголы находятся в родстве с евреями и призваны ими для того, чтобы избавиться от власти христианских народов. Во Франкфурте на Майне разъяренная толпа ворвалась в еврейский квартал и убила сто восемьдесят человек. В 1264-67 годах прокатилась волна погромов по немецким городам. В Зинциге были сожжены в синагоге семьдесят два еврея. В Вайсенбурге колесовали семь евреев по обвинению в убийстве христианского мальчика, - среди них погиб и один монах, перешедший до этого в иудейство. В Майнце было убито десять человек, в Бахарахе - двадцать шесть, в Мюнхене толпа сожгла синагогу вместе с молящимися. В 1298 году немецкий дворянин Риндфлейш - "бычье мясо" - собрал толпы всякого сброда и разгромил сто двадцать еврейских общин. Крупные общины Вюрцбурга и Нюрнберга были полностью уничтожены; целые семьи, родители с детьми, матери с младенцами бросались в огонь или в воду, чтобы не попасть в руки убийц. В 1336 году в Германии буйствовали крестьянские шайки, которые уничтожили около ста десяти общин. Во Франции в начале четырнадцатого века евреев обвинили в отравлении колодцев с помощью нанятых ими прокаженных, - и новая волна гонений прокатилась по стране. Летом 1321 года в городе Шинон сто шестьдесят человек были брошены в яму, где горел огромный костер, и все они сгорели живьем. Многие германские города приняли решение не впускать евреев в свои пределы, по крайней мере - ближайшие двести лет. Однако их экономическое значение было так велико, что уже через несколько лет после своего торжественного решения эти же самые города вновь открыли евреям свои ворота. И правительство, и население нуждались в них.

Гонения на евреев во времена крестовых походов и после них явились поворотным моментом в их европейской истории. В глазах толпы, которая наблюдала бесчинства крестоносцев и черни и которая сама участвовала порой в грабежах и убийствах, евреи были поставлены вне закона. Они утратили чувство безопасности даже в укрепленных городах. Стало ясно, что ни император, ни церковные власти не в состоянии обеспечить им безопасность, несмотря на обещанные привилегии.

В этот период гонений, резни и ритуальных наветов евреи чувствовали себя неуверенно в Центральной Европе, и исподволь, постепенно начался их отток в те места, которые не были еще затронуты изуверством и фанатизмом местного населения. Единичные переселения происходили в одиннадцатом веке, более значительные - в тринадцатом, и массовое

переселение - в пятнадцатом веке. Путь был с запада на восток, в Польшу и в Литву. И всякий раз надо было приспосабливаться на новом месте - к новому коренному населению, к новому незнакомому быту, к новым порядкам и обычаям. Во всякой стране проживания история евреев начинала зависеть от истории коренного народа, будучи связана с нею местом и временем. И всякий решающий момент в истории данного народа, радостный или трагический, непременно накладывал свой отпечаток и на историю евреев, там проживающих. Так было в Германии, в Англии, в Испании, во Франции, в Польше, а затем и в России.

Но вместе с этим надо учитывать, что история евреев на новом месте, в любой стране проживания, являлась не началом, а дальнейшим продолжением многовековой истории народа, рассеянного по странам, с его собственным опытом и навыками, вынесенными из этого долгого исторического пути. Как народ с твердой духовной основой, евреи никогда не доходили до такой степени обезличивания, чтобы без остатка раствориться в чьей-либо истории. Они акклиматизировались, но не растворялись, приспосабливались, но не исчезали: со своей историей, со своей культурой и со своей религией.

В Новый год - Рош га-шана и в Судный день - Йом-кипур читают евреи в синагогах потрясающую по силе молитву - о небесном суде над людьми в эти дни. С этой молитвой связана одна легенда, которая появилась в период гонений времен крестовых походов. Рассказывали: в городе Майнце жил богатый и набожный еврей, рабби Амнон, которого местный епископ упорно старался обратить в христианство. Однажды, когда епископ снова надоедал рабби Амнону своим предложением, тот неосторожно ответил, что через три дня он даст окончательный ответ. В назначенный день рабби Амнон не явился к епископу, и тогда тот велел привести его силой, чтобы он, наконец-то, сказал: да или нет. Рабби Амнон ответил на это: "За то, что своим словом я дал тебе повод подумать, будто я отрекись от своей веры, я заслуживаю того, чтобы отрезали мне язык". Но возмущенный епископ закричал: "Не язык тебе отрежут, а ноги, которые не пошли ко мне в обещанный день!" И несчастному отрубили обе ноги. Когда наступил Рош га-шана, рабби Амнон попросил, чтобы его отнесли в синагогу. Во время службы он прервал вдруг кантора и начал петь свой гимн о небесном суде над человеком в дни Рош га-шана и Йом-кипур - "Унтанэ токеф". Потрясенные евреи слушали его с волнением и страхом, а рабби Амнон закончил свой гимн и тут же умер. Но через три дня он явился во сне к раввину города, повторил свой гимн и попросил разослать его текст всем сынам Израиля. С тех пор евреи читают эту молитву:

"В день Рош га-шана намечается и в день Йом-кипур утверждается: скольким отойти и скольким явиться на свет, кому жить и кому умереть, кому в свое время и кому - безвременно; кому смерть от воды и кому от огня, кому от меча и кому от лютого зверя, кому от голода и кому от жажды, кому от грозы и кому от заразы, кому от удушения и кому от побиения камнями; кому покой и кому скитание, кому беспечность и кому тревога, кому благополучие и кому терзание, кому бедность и кому богатство, кому унижение и кому возвышение. Покаяние же, молитва и благие дела отменяют злое предначертание".

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

Первые появления евреев в Польше. Привилегии Болеслава Благочестивого. Преследования времен "черной смерти". Переселение евреев в Польшу и Литву.

Сегодня невозможно сказать с определенной достоверностью, когда евреи впервые появились на территории Польши. И там, где нет документов, нет исторических источников, в дело вступает легенда про одного еврея по имени Авраам Проховник. Некоторые объясняли его прозвище тем, что он изготавливал порох, - но в те времена порох не был еще изобретен. По другой версии этот человек был пасечником.

Все началось с того, что в Польше, в девятом веке, умер князь Попель, и с его смертью угас княжеский род. Именитые поляки собрались для выбора нового правителя, долго спорили, ссорились, никак не могли сойтись на одном кандидате и решили, наконец, что польским князем станет тот человек, который на следующий день первым придет в их город. И первым наутро явился еврей по имени Авраам Проховник, который принес на продажу мед и соты. Стража у ворот города приветствовала его как нового князя, но Авраам отклонил эту честь и только после просьб польских дворян отложил свое окончательное решение на один день. Он заперся в доме, стал молиться, и, когда назначенный срок прошел, а Авраам не вышел из дома, поляки заволновались. Один из них, крестьянин по имени Пяст, заявил во всеуслышание, что он заставит Авраама принять княжеский титул; взял топор и пошел во главе толпы. Пяст постучал в дверь и сказал, что время для обдумывания прошло. И тогда Авраам Проховник вышел из дома и громко заявил, что он отказывается занять княжеский престол, так как это принесет несчастье и ему, и полякам. "Вот перед вами Пяст, - сказал он. - Сегодня он ваш вождь, значит и впредь он может быть вашим верховным руководителем". Толпа тут же с этим согласилась, Пяст был коронован, и от него пошла династия польских князей - Пястов.

А вот другой рассказ. О том, что в конце девятого века группа немецких евреев просила у польского князя Лешко права на торговлю и поселение в его землях. Князь-язычник попросил их рассказать о своем народе и о его вере: очевидно, в те времена евреи были в диковинку в Польше. Князю понравился их рассказ, их вера и их история, и он, якобы, дал им привилегию в 908 году. Хотя она была впоследствии утрачена, но эта привилегия, якобы, легла в основу привилегии Болеслава Благочестивого в 1264 году. Слишком часто в этой истории приходится прибегать к слову "якобы", чтобы она стала достоверным историческим событием.

Из арабских источников известно, что еще в девятом веке еврейские купцы-раданиты проезжали через Польшу в Россию и дальше в Азию. Через Вроцлав и Калиш еще в восьмом-девятом веках проходил "пушной путь" на Русь и в Хазарию и "янтарный путь" - к Балтийскому морю. Евреи держали в своих руках эту торговлю и могли, естественно, расселяться в узловых пунктах на ее пути. В 966 году польский князь Мчислав I принял католичество и стал вассалом германского императора: связи с Германией сразу расширились, и вместе с немцами приезжали в Польшу, очевидно, и евреи.

Первые зарегистрированные сведения о евреях Польши относятся к 1150 году. Граф Петр Власт купил в том году у одного безымянного еврея землю в деревне Малый Тынец. Сохранился акт 1202 года о том, что в деревне Сокольники возле Вроцлава владели землей два еврея - Йосеф и Хацкель. В двенадцатом веке евреи жили в Кракове и управляли монетным двором.

Сохранились монеты того времени, и на них надписи на иврите: "Мешко мелех" - Мешко-король, "Мешко крул польск" - Мешко король польский, "Браха Мешко" - благословение Мешко. Были монеты и с еврейскими именами: "Авраам Йосеф", "Йосеф Калиш", "Рабби Авраам бен Ицхак Нагид", - возможно, это были монетные мастера или те, кто брал на откуп монетные дворы. Была даже польская монета с такой надписью: "Веселись, Авраам, Ицхак, Яков". А в городе Вроцлаве нашли могильную плиту с надписью на иврите - в память кантора Давида: "Рабби Давид сладкоголосый сын Сар Шалом умер 25 ава 4963". То есть - в 1203 году. В середине тринадцатого века Польша была разделена на несколько удельных княжеств. После нашествия монголов многие города лежали в развалинах, поля не обрабатывались. Чтобы оживить страну, князья стали приглашать к себе немцев, а вместе с немцами пришли и евреи: от преследований в Центральной Европе, на новые земли, где им обещаны были привилегии. Из немецких и еврейских колонистов постепенно образовалось в патриархальной Польше третье сословие, наряду с прежними двумя - помещиками и крестьянами. Польские князья предоставили немцам полное самоуправление в городах, и таким образом сложился тип средневекового германского города на польской земле, где рядом с христианским мещанством появилась и автономная еврейская община.

Привилегии евреям дал удельный князь Болеслав Благочестивый в городе Калише, в 1264 году. Это был знаменитый Калишский статут, генеральная грамота, которая впоследствии легла в основу всего польского законодательства о евреях. Естественно, что Болеслав, прежде всего, соблюдал собственные интересы: доходы с евреев поступали в княжескую казну. У Болеслава было прозвище - Благочестивый: это значит, что он пользовался расположением церкви. Но это не помешало ему - вопреки религиозным предрассудкам - гарантировать права евреям, поощрить их деятельность в интересах страны, опустошенной монгольским нашествием.

Статут Болеслава Благочестивого начинался такими словами: "Деяния людей, не закрепленные голосом свидетелей или письменными показаниями, быстро проходят и исчезают из памяти, а потому мы, Болеслав, князь Великой Польши, оповещаем современников наших и потомков, до коих дойдет настоящее писание, что иудеи, водворившиеся на всем протяжении наших владений, получили от нас следующие уставы и привилегии". По этой генеральной грамоте евреи получали полную свободу передвижения и свободу торговли; запрещалось притеснять еврейских купцов, требовать с них повышенные пошлины за товары, разрушать еврейские кладбища и нападать на синагоги. Бросивший камень в еврейскую "школу" (синагогу) платил воеводе штраф - два фунта перца. Споры между евреями не были подсудны городским судам, но только лишь князю, его воеводе или особо назначенному судье. За нанесение раны еврею полагалось наказание и оплата расходов на лечение. За убийство еврея - "достойное наказание" и конфискация имущества в пользу князя. При ночном нападении на жилище еврея его соседи-христиане обязаны были его защищать, если услышат крики о помощи: иначе - денежный штраф. Строго наказывалось похищение еврейских детей - очевидно, для насильственного крещения. Запрещалось - "согласно постановлению папы" - обвинять евреев в убийстве христианских младенцев для употребления их крови, потому что "по своему закону иудеи вообще обязаны воздерживаться от всякой крови"; но если же подобное обвинение возникало, его должны были подтвердить шесть свидетелей - трое христиан и трое евреев. Все эти права и привилегии Болеслав Благочестивый утвердил на вечные времена, с согласия высших сановников - воевод, графов и "многих вельмож земли нашей", которые вместе с ним подписали эту грамоту в Калише в 1264 году.

Грамота Болеслава распространялась лишь на его удельное княжество. Евреи других областей Польши находились под властью иных князей, и эти привилегии распространились на них только в следующем веке, в правление короля Казимира Великого. Но церковь сразу же забеспокоилась, и во Вроцлаве в 1267 году был созван собор польского духовенства. На нем постановили, чтобы в городах евреи жили особыми кварталами, отделенными "от общего местожительства христиан изгородью, стеною или рвом". Во время следования церковных процессий евреи обязаны запирались в своих домах; в каждом городе должно быть не больше одной синагоги; в "отличие от христиан" евреи обязаны носить особую шапку с роговидным верхом, "какую они носили некогда в этих местах, но по наглости своей перестали носить". Запрещалось христианам приглашать евреев на трапезы, есть и пить с ними, покупать у них мясо и прочие съестные припасы, чтобы продавцы "коварным способом не отравили их", а также купаться с евреями в одной бане. Собор особо отметил, что в Польше ощущается острая необходимость отделить христиан от евреев, так как поляки - "молодой росток на христианской почве".

Но эти постановления в те времена не имели еще серьезных последствий для евреев. Князья, а позднее и короли, поощряли еврейскую колонизацию в интересах страны и в собственных интересах. Ведь почти до середины шестнадцатого века евреи были только лишь королевскими подданными, "слугами королевского казначейства", которые были обязаны постоянно "своими деньгами удовлетворять нужды короля".

В середине четырнадцатого века, а точнее - в марте 1348 года, чума - "черная смерть" - объявилась в очередной раз в Европе. Ее завезли моряки в Геную - из Южной Руси. За один только месяц эпидемия распространилась по всей Италии, Испании, Южной Франции, затем перекинулась и на Англию. Число жертв было огромно: Неаполь - шестьдесят тысяч человек, Генуя - сто тысяч, Лондон - сто тысяч. Как полагают, погибла тогда от чумы треть населения Европы - около двадцати пяти миллионов человек.

Умирили все, без различия национальностей, и евреи в том числе, - хотя и в меньших количествах, благодаря личной гигиене, которая была у них на более высоком уровне по сравнению с окружающим населением. И тем не менее сразу же возникли слухи о том, что это евреи распространяют чуму, отравляя колодцы, чтобы истребить всех христиан Европы. Микроскопа тогда еще не изобрели, о существовании вирусов и микробов понятия не имели, заметить их было невозможно невооруженным глазом, а еврея всегда можно было увидеть поблизости - непохожего на других подозрительного чужака, "отравителя колодцев". И прокатилась по всей Европе не только эпидемия чумы, но и психическая эпидемия юдофобии - "иудеобоязнь".

Первые слухи об отравлении колодцев появились в Испании, когда эпидемия была уже в полном разгаре. В июне 1348 года в Барселоне, в ночь с пятницы на субботу толпа ринулась в гетто: еврейские дома разгромили, двадцать человек убили. Тут же папа Климент VI издал указ, в котором возведенное обвинение было объявлено ложным, - это почти не помогло. Вскоре в Савойе по распоряжению местного герцога арестовали евреев из разных городов и подвергли мучительным пыткам. Хирург Балавиньи не выдержал истязаний и сообщил то, чего от него добивались: что, будто бы, несколько евреев во Франции составили заговор против христиан, приготовили особую ядовитую смесь и разослали ее своим соплеменникам, чтобы те кидали ее в христианские колодцы: отсюда и пошла эта страшная болезнь. Балавиньи даже сообщил рецепт этой смеси: нужно взять сердце христианина, высушить его, добавить туда сушеных пауков, лягушек и ящериц, составить порошок - и можно кидать в колодец. Тут же специальные гонцы были отправлены в другие города Швейцарии, чтобы предупредить население, - и сразу же начались убийства.

В Цюрихе, Шафхаузене, Иберлингене и в других городах евреев жгли, вешали и колесовали. В городе Констанц сожгли триста тридцать семь евреев в специально построенном для этого доме: "часть из них встретила смерть пляскою, другая часть пением псалмов, а остальные заливались слезами". Один еврей из Констанца, принявший крещение под страхом смерти, тут же раскаялся, поджег дом и сгорел вместе со своим семейством, выкрикивая из пламени: "Смотрите, я умираю евреем!"

В сентябре того же года папа Климент VI снова обратился к христианам и напомнил, что мнимые виновники эпидемии сами умирают от нее и что чума свирепствует и там, где вообще нет евреев, - ничто не помогало. Самые страшные ужасы творились в Германии, где толпа была охвачена религиозным помешательством. По улицам городов двигались процессии исступленных фанатиков "флагеллантов" - бичующихся, которые требовали всеобщего покаяния, чтобы укротить гнев Божий, ложились на улицах и заставляли бить себя кнутами по голому телу. Возбуждаемая ими толпа кидалась на еврейские кварталы и устраивала погромы с чудовищными истязаниями и убийствами. У многих был еще и свой расчет: освободиться от кредитора-еврея, не платить долги, присвоить еврейские дома и имущество.

В немецком городе Вюрцбурге евреи не захотели погибнуть от рук погромщиков: они заперлись в своих домах и подожгли их. Сгорели дома, сгорела синагога, сгорели все: на месте синагоги выстроили затем церковь Святой Марии. В городе Шпейере были убиты две тысячи евреев, тела заколочены в бочки и брошены в реку. Оставшееся имущество император Карл IV передал городу, а также подарил городу всех тех евреев, которые поселятся там в будущем. В городе Вормсе погибло четыреста человек, некоторые были сожжены, другие покончили жизнь саможжением, - дома евреев король подарил горожанам.

В Майнце евреи энергично защищались и убили около двухсот погромщиков. Но силы были неравными, евреям пришлось отступить, и они решили тогда погибнуть в своих домах. 24 августа 1349 года шесть тысяч евреев Майнца сгорели в огне. В тот же день погибла древняя еврейская община Кельна: целые сутки крики убиваемых смешивались с криками убийц и грабителей. В Эрфурте погибло три тысячи человек. В Кольмаре веками сохранялось место под названием "еврейская яма", где сожгли евреев во время чумы. В Бенфельде одних сожгли, а других утопили в болоте. Затем подошла очередь Кремса, Нюрнберга, Ганновера, Франкфурта на Майне, Брюсселя.

В Страсбурге толпа загнала евреев на кладбище, в огромный деревянный сарай и сожгла около двух тысяч человек. Остальных изгнали из города, имущество разграбили, и городской совет постановил не допускать евреев в Страсбург в течение ста лет. Немецкий хронист писал в те годы: "Хотите знать, что погубило евреев? Это - жадность христиан", - имея в виду, что ради грабежа и был устроен в Страсбурге "юденбранд" - сожжение евреев. Во время погрома случайно обнаружили шофар, бараний рог, в который трубят евреи во время религиозных церемоний. Тут же решили, что при помощи этого инструмента евреи хотели подать сигнал своим сообщникам вне города, чтобы совместно напасть на жителей, - и тогда городской совет Страсбурга постановил сохранить этот шофар в память освобождения от "еврейской измены". По образцу шофара изготовили две медные трубы. На одной подавали сигнал ежедневно, в восемь часов вечера, и все евреи, случайно оказавшиеся в городе, услышав этот звук, обязаны были покинуть Страсбург. На другой трубе сигнал подавали в полночь, чтобы напомнить горожанам о "предательском поступке" иноверцев. Надо отметить, что вскоре несколько

еврейских семей снова получили разрешение поселиться в Страсбурге, в том же веке их изгнали из города опять, но сигналы полночной трубы раздавались в городе еще несколько столетий, напоминая миру о чудовищной вспышке юдофобии.

Эпидемия чумы продолжалась с марта 1348 до весны 1351 года. Практически не было ни одного германского города, где евреи не подвергались бы кровавым гонениям. Их резали, жгли, топили, над трупами мучеников делили награбленную добычу; и тысячи евреев с пением псалмов шли на смерть, сотни и сотни, закутанные в талесы и в саваны мертвецов, кидались в огонь, чтобы не попасть в руки тех, с кем они и их предки жили вместе не одно столетие. "На нас возвели навет, чтобы напасть на нас, - писали тогда в синагогальных плачах - "килот". - Нас обвиняют в том, что мы принесли яд в сосуде и бросили в воду. Но в действительности это нас напоили горькой водой... Обнажили меч злодеи и нашу кровь смешали с водой...".

Поэтому неудивительно, что евреи Германии снова поднялись с насиженного места и пошли на восток, в Польшу. Там, в Польше, тоже были погромы в некоторых городах во время чумы; в польской хронике даже сказано, что в 1349 году "были истреблены евреи во всей Германии и почти во всей Польше: одни зарублены мечом, другие сожжены на костре, - но это происходило, скорее всего, в пограничных с Германией областях. В те времена в Польше правил король Казимир Великий, который благосклонно относился к евреям, и беженцы из Германии могли найти там спокойное убежище еще на несколько веков. Не случайно евреи считали, что название Полин (Польша) произошло от двух слов на иврите - "по лин". Когда они уходили на восток от преследований во времена "черной смерти", с неба упала записка с этими двумя словами - "по лин", что означает "здесь живи". И евреи поселились в Польше.

Память о еврейском переселении с запада на восток сохранилась в фамилиях российских евреев. Многие из этих фамилий образовались от названий тех городов или земель, в которых евреи жили до переселения в Польшу и Литву. Например: Берлин, Берлинер, Гамбург, Нюрнберг, Ганновер, Шпейер, Познер (Познань), Ауэрбах-Урбах-Авербух (Ауэрбах - город в Германии), Бахрах (Баха-рах в Германии), Вертхаймер (Вертхайм в Германии), Гальперин-Альперин (Хайльбронн в Германии), Гинзбург (Гюнцбург в Баварии), Горовиц-Гурвиц-Гурвич (Горжовице - нем. Horrowitz - в Чехии), Каценеленбоген, Ландау, Оппенгейм (Оппенхайм), Эйзенштадт (в Австрии), Эпштейн (Эппштайн в Германии), Эттингер (Эттинген).

Фамилия Альтшулер образовалась от слова "Alt'Schul" что означает "старая синагога", которая и ныне существует в Праге. Вероятно, первые Альтшулы или Альтшулеры были попечителями этой синагоги. В 1542 году, после изгнания евреев из Праги, многие Альтшулеры поселились в Польше, Литве и затем в России.

Блок-Блох-Влох: евреи - выходцы из Италии. "Влох" по-польски означает "итальянец".

Самую эффективную противочумную сыворотку, которая спасает от "черной смерти", получил в 1896 году доктор Владимир Аронович (Мордехай-Зеэв) Хавкин, родившийся на Украине, выгнанный из Новороссийского университета, работавший в Пастеровском институте в Париже. По сей день существует в Бомбее, в Индии, институт имени В.Хавкина, где он когда-то работал, и по сей день этот институт изготавливает и рассылает по всему миру хавкинскую противочумную вакцину. А.П.Чехов писал в конце прошлого века: "Чума не очень страшна. Мы имеем уже прививки, оказавшиеся действительными, которыми мы, кстати сказать, обязаны русскому доктору Хавкину. В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом. Биография этого еврея... в самом деле замечательна".

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

Привилегии Казимира Великого. Неожиданное изгнание из Литвы. Антиеврейская агитация и первая антисемитская литература. Обвинения в осквернении святой гостии.

Казимир III - Казимир Великий - стал польским королем в 1333 году. Польский летописец объясняет его благосклонность к евреям любовью к красавице Эстерке. Это была дочь еврея-портного из Опочно, умная женщина; она жила в королевских дворцах, и из всех фавориток короля она одна имела на него огромное влияние. Эстерка родила королю двух дочерей, которые остались еврейками, и сыновей по имени Немир и Пелка, воспитанных в христианской вере и ставших родоначальниками знатных польских фамилий. При преемнике Казимира Людовике Венгерском Эстерка была убита во времена гонений на евреев.

Вряд ли благосклонное отношение Казимира Великого к евреям определялось одной только его любовью к красавице Эстерке. Король поощрял не только евреев, но и немцев, шотландцев и представителей других народов, которые развивали внешнюю торговлю Польши и расширяли польские города. Казимир заботился об интересах всех сословий, включая крестьян, и поэтому не случайно его называли "королем холопов" и говорили, что "он застал Польшу деревянной и оставил ее каменной", так как при нем города застраивались каменными домами.

Казимир Великий в 1334 году распространил калишские привилегии Болеслава Благочестивого на всех евреев Великой Польши - область Познани, Калиша и Гнезно. В 1364 году король "склонился на просьбу евреев, живущих во всех городах Польского государства" и, желая "увеличить выгоды своей казны", выдал грамоту в пользу евреев остальной Польши. Эта грамота повторила почти буквально все привилегии Болеслава Благочестивого, и ее одобрили высшие чины дворянства, составлявшие королевский совет. Среди прочего в ней было сказано, что "каждый еврей может свободно и безопасно переходить и переезжать - безо всякого препятствия и остановки - из города в город, из провинции в провинцию нашего королевства, и с совершенной безопасностью может везти и нести с собой свое имущество или товары, продавать, покупать и менять..., а пошлину платить не больше чем христиане". В 1367 году эти же самые привилегии - в расширенном виде - получили и евреи Малой Польши, в состав которой входили также завоеванные Казимиром Червонная Русь со Львовом и часть Волыни. Не случайно в еврейских преданиях этот король постоянно фигурирует в роли покровителя и благодетеля: привилегии Казимира Великого были в то время единственным в Европе примером веротерпимости по отношению к евреям.

В четырнадцатом веке шляхта и духовенство не набрали еще силы, и евреи Польши считались "рабами казны" и находились под защитой короля. Польский король заботился о своих интересах, но и евреям предоставлял многие привилегии. Они пользовались полной свободой вероисповедания, беспрепятственно вели торговлю по всей стране, снабжали кредитом короля, высших сановников, духовенство, мелких шляхтичей и мещан. Крупные банкиры-евреи брали на откуп разные отрасли государственных доходов, например, соляные копи, эксплуатацию которых правительство предпочитало отдавать в чьи-либо руки и получать за это гарантированный доход, а не вести дело на свой риск. В Кракове, столице королевства, жили тогда богатые евреи; они занимались денежными операциями, покупали и продавали земельные участки и дома; а один из них, некий Левко, даже стал банкиром самого короля, заведовал соляными копиями и краковским монетным двором. Краковские мещане завидовали его влиянию и богатству и считали, что у Левко есть некое волшебное кольцо, которым он приворожил к себе короля. Но число богатых евреев было тогда ничтожным, преобладали мелкие торговцы и кредиторы, которые оперировали малыми суммами. И тем не менее можно сказать, что во времена Казимира Великого, да и в последующие два века, польское еврейство находилось в достаточно благоприятных условиях. Примерно то же самое происходило и в Литве.

Нет точной даты первого появления евреев на литовской земле. В четырнадцатом веке Литовское государство занимало территорию от Балтийского до Черного моря, и евреи снова могли поселиться в Киеве и в других городах, которые Литва отвоевала у татар. Жили они и в Гродно, в Бресте, в Троках и в Луцке.

В 1388 году великий князь Витовт издал грамоту для литовских евреев, похожую на статуты Болеслава Благочестивого и Казимира Великого. Евреи Литвы были непосредственно подчинены великому князю; у них был свой суд, свобода торговли наравне с христианами, одинаковые пошлины и право беспрепятственных кредитных операций. Они занимались в Литве разными промыслами, ремеслами, земледелием и торговлей. В Гродно, к примеру, они имели свои дома и "пляцы" - земельные участки, свою "божницу" - синагогу и "копище" - кладбище; в своих домах они "шинковали", то есть продавали спиртные напитки, и имели право владеть "грунтами" - участками пахотной и луговой земли. В те времена Литва была крайним

пунктом еврейского передвижения с запада на восток. Восточнее располагалась Московская Русь, закрытая для евреев.

В пятнадцатом веке изгнание евреев из городов и земель Центральной Европы стало обычным явлением. Брюн, Ольмюц, Майнц, Бамберг, Глогау, Кельн, Шпейер, Аугсбург, Эрфурт, Вюрцбург, Магдебург, Нюрнберг, Регенсбург, Бавария, Силезия, Штирия, Каринтия - к концу пятнадцатого века в этих городах и землях или вообще не осталось ни одного еврея, или же им запретили там постоянное проживание. Изгнания сопровождалась конфискацией недвижимости; дома, синагоги и кладбища становились собственностью городов; в Нюрнберге через кладбище проложили улицу, мощеную надгробными плитами. "Время наше, - писал современник событий, - время бедствий". А к этому еще добавились преследования в Чехии и Венгрии; поголовное изгнание из Испании в 1492 году, изгнание из Португалии в 1497 году, - многие уходили на восток, в Турцию и в Польшу, правителям которых было выгодно принять изгнанников. Испанские евреи обучили турок многим искусствам и ремеслам, научили их изготавливать порох и лить пушки, чего те до этого не умели, ознакомили их с разными военными приемами. Не случайно турецкий султан Баязет II сказал по поводу изгнания евреев из Испании: "Как можно назвать испанского короля Фердинанда умным правителем, его, который разорил свою страну и обогатил нашу".

Пятнадцатый век стал поворотным в истории еврейского рассеяния. Центр культурной, экономической и общественной деятельности начал перемещаться из прирейнских стран на восток - в Польшу и Литву. Сорок пять новых еврейских общин было основано в Польше в пятнадцатом веке, а всего в Польше и Литве жило тогда более двадцати тысяч евреев. В 1495 году великий князь Александр неожиданно изгнал из Литвы всех евреев. Быть может, он решил взять пример с испанского короля, а может, не мог расплатиться с кредиторами-евреями: про этого князя говорили тогда, что он заложил все, что не успел еще раздать. Он опубликовал указ - "жидову с земли вон выбити" и выселил всех евреев из Бреста, Гродно, Трока, Луцка, Владимира Волынского и Киева. Их недвижимость перешла в княжеское владение, и все христиане, которые брали у евреев деньги, обязаны были вернуть их в великокняжескую казну. Часть литовских евреев ушла после изгнания в Крым и Стамбул, другая часть - в соседнюю Польшу, а вместо них пригласили в Литву новых поселенцев - немцев и шведов. Через самое малое время после этого Александр стал польским королем, и духовенство тут же предложило ему изгнать евреев и из Польши - по литовскому образцу. "Если хочешь стать апостолом правды, - говорили ему, - вынь меч из ножен, чтобы они, хотя бы и по принуждению, приняли христианство". Но теперь уже польский король желал пополнить свою казну перед возможной войной с Россией, был заинтересован в развитии малонаселенных литовских городов, и в 1503 году он разрешил евреям вернуться в Литву, позволив им жить "по замкам и другим местам, где перед тем были". Их дома, синагоги, земли и кладбища возвращались прежним хозяевам, им разрешили взыскивать старые долги, они могли выкупать прежнюю свою собственность, которую князь уже успел продать христианам, - и евреи снова поселились в Литве.

В шестнадцатом веке переселение евреев в Польшу значительно увеличилось. Оно шло теперь из Чехии, Нижней Австрии, Брауншвейга, Бранденбурга и Италии. Но в то же время малая часть изгнанников с Пиренейского полуострова, попав в Польшу, ненадолго там задержалась. Испанские евреи отличались от своих провинциальных польских соплеменников манерами и светским образованием; они столкнулись с конкуренцией местных евреев, которые, как они уверяли, "хотели съесть их живьем", и многие из них пошли на юг - в Италию и в Турцию. Но приток был значительно больше, и к концу шестнадцатого века в одной лишь Великой Польше было уже пятьдесят две еврейские общины в городах и местечках. Общины Кракова, Познани, Львова и Люблина считались тогда крупнейшими во всей Европе после общин Стамбула и Венеции. В Познани было две с половиной тысячи евреев. В Кракове - четыре с половиной тысячи. В Люблине - две тысячи. Чем дальше на восток - Луцк, Владимир Волынский, Галич, Киев, тем чаще можно было встретить евреев в городах и местечках, а киевская община даже славилась своей ученостью: "Из Киева, - говорили, - распространяется Тора". Конечно же, церковь не поощряла приток "нехристей", и Петроковский синод постановил в 1542 году: "Так как церковь терпит евреев лишь для того, чтобы они напоминали нам о муках Спасителя, то численность их отнюдь не должна возрастать".

Очень приблизительно - на основании особого еврейского поголовного налога - можно предположить, что к концу шестнадцатого века было в Польше и Литве более ста тысяч евреев.

Но поляки считали тогда, что евреев в стране значительно больше, и брать с них надо соответственно больше. "Столько их в Корону из других стран напоздло, - писал один ненавистник евреев, - столько их наплодилось, что они могли бы давать чуть не в шесть раз больше, чем дают на самом деле". "Они женятся в возрасте двенадцати лет, - писал другой, - на войнах не гибнут, от воздуха не мрут, - и вот расплодилось".

В пятнадцатом и шестнадцатом веках медленно, но неуклонно растет влияние польской шляхты. Каждый новый закон должен был проходить теперь через шляхетские сеймы, и короли не могли уже постановить самостоятельно "ничего нового". Сеймовые постановления о евреях получили одинаковую законную силу со старыми королевскими грамотами-привилегиями и часто парализовали их действие. Даже доброжелательно настроенным королям приходилось уже считаться с требованиями шляхты и духовенства, но особенно опасными для евреев бывали периоды междуцарствия, которые предшествовали избранию на престол очередного короля. В этот период шляхта и духовенство - в обмен на поддержку - могли диктовать условия любому кандидату на королевский престол.

В 1539 году король Сигизмунд I объявил, что евреи, живущие в шляхетских городах, могут поступать под опеку владельцев-панов и платить им налоги, но в этом случае он, король, лишает их своего покровительства. "Мы обыкновенно не даем своей защиты тем, кто не приносит нам никакой пользы, - заявил король. - Пусть защищает евреев тот, кто извлекает из них пользу". И с этого момента в Польше, как это было и раньше на Западе, евреи стали делиться на королевских и шляхетских.

В шляхетских городах, местечках и имениях евреи были самым деятельным и предприимчивым элементом, и уже не король, а шляхта получала с них доходы. Шляхта основывала на своих землях "частные города" и приглашала туда евреев, освобождая их поначалу от уплаты податей и налогов. Многие евреи переселялись в эти "частные города", там не было конкуренции, и там они успешно занимались импортом и экспортом товаров, в больших количествах вывозили в Западную Европу лес и сельскохозяйственные продукты. Они доставляли панам доход от молочного хозяйства, мельниц, винокурения, содержания шинков, других предприятий и ремесел, а те могли беспечно проводить время в веселых забавах. Так было в Польше, так было и в Литве. Доходило даже до того, что депутаты от шляхты грозили сорвать очередной сейм, если евреи будут обложены дополнительными налогами, а во времена междуцарствий шляхта брала евреев под свою защиту и заявляла, что "причинившие им вред" будут наказаны. Когда на одном из сеймов магистр философии Себастиан Мичиньский стал агитировать за изгнание евреев из Польши, а его сторонники провозгласили его "апостолом правды", большинство депутатов называли его "смутьяном" и нарушителем общественного спокойствия.

Мещанство Польши было настроено враждебно к своим конкурентам-евреям, но в то время оно не располагало политической силой. Это были преимущественно выходцы из Германии, и, переселившись в Польшу вместе с евреями, они перенесли туда свои традиции и свои предрассудки. Многих из них, возможно, были очевидцами, а то и участниками погромов в немецких, чешских и австрийских городах. Они постоянно сталкивались с евреями в сфере торговли, ремесел, банковских операций, и это обостряло их отношения. У евреев было экономическое превосходство в стране: не благодаря привилегиям, которые они получали от королей, - привилегии получали и немцы, - но, в основном, благодаря притоку свежих сил из Германии, Чехии, Испании, Италии и других стран. У этих новых поселенцев были связи со своими единоверцами в самых отдаленных странах, и это давало возможность торговать в широких масштабах. Шляхта тут же оценила опыт евреев и их возможности и невольно стала их союзником против городского мещанства: в тех случаях, когда это не противоречило ее интересам. "Неверные евреи лишили нас и наших занимающихся купечеством сограждан почти всех источников пропитания, - жаловались мещане города Львова. - Они овладели всей торговлей, проникли в местечки и села, не оставили христианам ничего".

Не следует полагать, что жизнь у евреев была в то время беззаботной и устойчивой. Даже в периоды благополучия и внешнего спокойствия евреям больших городов постоянно грозили нападения христианских семинаристов и воспитанников иезуитских школ. Во многих городах евреи платили особый налог этим школам, который распределяли между учениками, чтобы они не бесчинствовали на улицах и не избивали прохожих-евреев. Этот школярский откуп назывался "шилергелт". Польское общество того периода было неоднородным, и не только король и крупная шляхта выражали его настроение, но также и духовенство, а временами и

мелкая шляхта, и мещане - жители городов. И бывало так, что один сейм подтверждал еврейские права, а другой, следом за ним, эти же самые права ограничивал: все зависело от того, кто побеждал на сейме, те ли, чьи интересы совпадали в данный момент с интересами евреев, или же те, чьи интересы были противоположны.

В городах и местечках Польши и Литвы было много еврейской бедноты - мелкие торговцы, мелкие кредиторы и ремесленники, что вели ежедневную борьбу за существование и сталкивались в городах с такими же бедняками-христианами, а это неизбежно приводило к трениям и конфликтам. Местное мещанство постепенно набирало силу и урезало права евреев-конкурентов, а часто и вовсе изгоняло их из городов. Нужен был только повод. В Кракове, к примеру, случился большой пожар, евреев обвинили в поджоге: был погром, толпа грабила, калечила и убивала, - и тогда король Ян Альбрехт, желая навсегда положить конец спору города с евреями, выселил их из Кракова в предместье. С тех пор евреям было запрещено жить в Кракове, и они основали возле него городок Казимеж, который именовали в своих документах - "еврейский город Казимеж на Висле".

Духовенство постоянно вело антиеврейскую агитацию и внимательно следило за действиями королей. В 1447 году в Познани сгорел при пожаре старинный подлинник грамоты Казимира Великого, и Казимир IV Ягеллон тут же подтвердил прежние еврейские привилегии и даже выдал им особую грамоту с таким демонстративным заявлением: "Мы желаем, чтобы евреи, которых мы особенно охраняем ради интересов наших и государственной казны, почувствовали себя утешенными в наше благополучное царствование". И немедленно вслед за этим краковский архиепископ Олесницкий написал королю: "Не думай, что в делах религии христианской ты волен постановлять все, что тебе вздумается. Никто не велик и не силен настолько, чтобы ему нельзя было воспротивиться, когда дело касается веры. А потому прошу и умоляю твое королевское величество отменить упомянутые привилегии и вольности. Покажи, что ты - государь католический, и удали всякий повод к бесславию для твоего имени..." Королю грозили муками ада за покровительство евреям, а когда поляки были разбиты Тевтонским орденом и духовенство объявило это Божьим наказанием за ту же самую королевскую вину, Казимир IV отменил еврейские привилегии, "противные Божьему праву и земским уставам". Уже к концу пятнадцатого века евреям запретили владеть земельной собственностью вне городов, их ограничивали в торговле и в занятиях ремеслами, и с этого времени их благосостояние стало ухудшаться.

В шестнадцатом веке появилась в Польше антисемитская литература. В 1541 году была напечатана книга одного священника под названием "Об изумительных заблуждениях евреев": ее автор рекомендовал разрушить новые синагоги и ограничить в городах численность евреев. Затем вышло сочинение "О святых, убиенных иудеями": там рекомендовалось изгнать их поголовно с польской земли. Еще один автор проповедовал в своих сочинениях поход против евреев "для того, чтобы не быть ими истребленными"; другой изображал их в самом отталкивающем виде; третий расписывал "еврейские жестокости, убийства и суеверия"; четвертый - врач по профессии, чтобы отвести больных от еврейских врачей, сообщал о том, что они отравляют своих пациентов-христиан. Эти книги многократно затем переиздавались, и название одной из них говорит само за себя: "Раскрытие еврейских предательств, злостных обрядов, тайных советов и страшных замыслов, а также разоблачение некоторых еврейских пособников и здравый совет, как избежать предательства". Магистр философии Краковской академии Себастиан Мичиньский составил полный перечень еврейских "злодеяний": обвинения в предательстве, отравлении и убийствах с ритуальной целью, обвинения в колдовстве, святотатстве, торговых проделках и всевозможных кознях против христиан. Он писал: "О, если бы удалось посадить на скамью пыток еврейских старшин! Как много бы мы тогда узнали, какую бы песню они тогда затянули!" И антиеврейская пропаганда выливалась обычно в погромы с убийствами.

Поводом для погромов часто служили слухи о том, что евреи, якобы, оскверняли святую гостию - мучную облатку для причастия, символизирующую тело Христа, которая употребляется в католических церковных обрядах. Еще в начале тринадцатого века возникло такое обвинение в Германии, под Берлином: обвиняемых сожгли на костре. Потом это случилось в Париже, в Барселоне, в Брюсселе и в других городах Европы. В городе Кноблаухе за совершенное, якобы, осквернение гостии тридцать восемь евреев отправили на казнь, а остальных изгнали со всей территории Бранденбургского княжества. В 1478 году в городе

Нассау "установили" под пыткой, что "купив за один гульден восемь гостей, они (евреи) принялись колоть их ножами, - вдруг из гостей полилась кровь и появилось лицо младенца... Когда же две гости они бросили в раскаленную печь, то поднялась страшная буря, а из печи вылетело два ангела и два голубя". Виновных осудили и казнили. В герцогстве Мекленбург за подобное обвинение двадцать семь евреев сожгли на костре в 1492 году. "Спокойно шли они на смерть... - писал католический летописец. - С твердым духом, без сопротивления и слез. Они испустили дух, распевая древние псалмы". В 1510 году в Берлине по тому же обвинению тридцать восемь человек приковали к столбам, обложили паклей со смолой и подожгли. Раввин произносил предсмертную исповедь - "видуй", мученики распевали молитвы и псалмы, а через много лет местный священник сознался перед смертью, что казненных оговорили. Известен даже случай, когда один поляк умер под пыткой, но не признал, что он продал евреям святую гостию, - и тем не менее обвинение против них не сняли. "Ведь и у дьявола тоже есть свои мученики", - писал по этому поводу польский писатель. Невозможно перечислить все случаи обвинения евреев в осквернении гостии: даже в восемнадцатом веке их казнили за это во Франции, а в Румынии такое же обвинение выдвинули в середине девятнадцатого века! В Польше это случилось впервые в Познани - в 1399 году. Евреев города обвинили в том, что они купили у бедной христианки три гостии, прокололи их и бросили в яму. Эти гостии явились затем местному пастуху в образе трех бабочек, а когда их вынули из ямы, они стали совершать чудеса. Тут же разразился погром, мешчане громили лавки и дома своих конкурентов-евреев и в первую очередь уничтожали долговые расписки. После жестоких пыток познанского раввина и тринадцать старейшин еврейской общины привязали к столбам и сожгли на медленном огне. Вместе с ними сожгли и бедную христианку, а на том месте, где гостии были найдены, построили монастырь, в который стекались толпы паломников с приношениями. В 1558 году сюжет повторился: будто бы некая христианка из Сохачева продала евреям святую гостию, они ее искололи, из гостии потекла кровь... Виновные были арестованы, король Сигизмунд Август велел их освободить, но приказ запоздал или духовенство поспешило: евреев сожгли на костре. Перед смертью осужденные заявили: "Мы никогда не прокальвали гостии, потому что не верим, что в гостии - тело Бога. Мы знаем, что у Бога нет тела и крови. Мы верим, как и наши предки, что Мессия - не Бог, а лишь его посланник. Мы знаем также по опыту, что в муке не может быть крови. Мы продолжаем утверждать до последнего часа, что нам не нужна кровь". Священники были так возмущены этим заявлением, что приказали палачу заткнуть мученикам рты горящими факелами. "Я содрогаюсь при мысли об этом злодействе, - сказал Сигизмунд Август, - да и не желаю прослыть дураком, который верит, что из проколотой гостии может течь кровь".

В двадцатых годах шестнадцатого века началось реформационное движение в Польше, и всякое отпадение христианина от католической церкви духовенство неизменно объясняло влиянием евреев, а переход к евангелической вере отождествляли с обращением в иудейство. Жертвой обвинения стала восьмидесятилетняя католичка Екатерина Залешовская, вдова члена Краковского магистрата, которую сожгли на костре на городском рынке в 1539 году - за склонность к иудаизму. Ее спросили на допросе, верит ли она в "сына Божия Иисуса Христа, который был зачат от Духа Святого", и Залешовская ответила на это: "Не имел Бог ни жены, ни сына, да Ему и не нужно этого, потому что сыновья нужны только тем, которые умирают, а Бог вечен, и как Он не родился, так и умереть не может". Очевидец писал: "На смерть она пошла без всякого страха", а польский летописец отметил: "Она шла на смерть, как на свадьбу". В сороковых годах шестнадцатого века стали распространяться слухи, что, будто бы, в разных местах "люди веры христианской к закону жидовскому приступили и обрезание приняли", и что новообращенные бежали в Литву, где и нашли убежище у тамошних евреев. Под давлением церкви были посланы в Литву особые комиссары с самыми широкими полномочиями для розыска совращенных, и для евреев Литвы начался период "тяжкостей несносных". По любому доносу или подозрению комиссары врываются в еврейские дома, обыскивали и арестовывали. Евреи перестали ездить на ярмарки, опасались оставлять свои семьи без защиты, боялись попасть в пути под арест. Поначалу местные власти охотно помогали комиссарам, но вскоре захирела торговля, опустели ярмарки, евреи не в состоянии были платить налоги. Еврейская делегация отправилась к королю с просьбой, чтобы "правый не терпел за виноватого"; просили за евреев и литовские паны, которые начали терпеть убытки, и комиссарам было приказано проводить розыск в рамках законности и без излишних притеснений.

В конце шестнадцатого века проходил долгий судебный процесс, который затеяли иезуиты против еврейской общины города Львова. Они решили построить во Львове свой монастырь и забрать себе здание синагоги, и в конце концов суд постановил передать синагогу иезуитам. "Евреи были в отчаянии, - писал очевидец, - еврейки рвали на себе волосы; их квартал имел такой вид, как накануне страшного суда". Старшина общины Мордехай Нахманович с достоинством принял комиссию, ввел ее в синагогу и потребовал немедленно занести в протокол, что он все передал иезуитам. "Между тем народ со всех сторон стал прибывать в синагогу, поздравляя иезуитов с успехом, наполняя воздух криками радости, - писал летописец иезуитского ордена. - Народ зажег восковые свечи и вошел с процессией в синагогу. Толпа подошла к месту, где находился святой ковчег, и пением церковных гимнов освятила это место... Среди евреев же была тревога, скорбь, слышались вздохи и вопли, и горе их усилилось, когда они увидели над крышей синагоги крест, символ христианства".

Но оказалось, что иезуиты радовались преждевременно. На другой день монахи пришли к новому костелу, но ворота оказались запертыми. Пройти внутрь можно было лишь через сени дома Нахмановичей, но Мордехай Нахманович никого не пропускал через свои владения. Спор ордена иезуитов с львовскими евреями разгорелся с новой силой, и дело закончилось тем, что синагогу все-таки возвратили евреям. При новом ее торжественном освящении был прочитан гимн - "Песнь освобождения"...

С судебным процессом между евреями города Львова и иезуитским орденом связана легенда о Розе, жене Нахмана Нахмановича, брата старшины львовской общины Мордехая Нахмановича. Это была женщина необыкновенной красоты, одаренная высокими душевными качествами, которая пользовалась огромной популярностью в своей общине. Надгробный камень на ее могиле существовал еще в конце девятнадцатого века, и на нем - надпись:

"Она была настоящим светильником Божьим, королевой всех дочерей Сиона, которая по красоте и уму не имела равной себе. Короли и князья склоняли перед ней свои колени". К могиле "золотой Розы" приходили несчастные жены и матери, искали утешения в молитвах, писали записочки с просьбами и оставляли их под плитой. Впоследствии "золотую Розу" называли мученицей за веру, и даже сохранилась легенда, связанная с ее именем, которая вряд ли имеет отношение к реальной Розе, но к событиям того времени она имеет отношение самое несомненное. Вот она, эта легенда.

Это было во времена польских королей. Старая синагога была уничтожена пожаром. Собирали деньги, чтобы построить новую, каменную. Золото текло рекой из всех стран мира, потому что Львов вел торговлю с чужими краями и славился богатством и благочестием. Синагогу собирались выстроить высокой, красивой, видной со всех сторон, чтобы свидетельствовать далеко за стенами города о том, как велик Бог Израиля. Но тут наступило несчастье. Христиане не могли стерпеть, чтобы вблизи от их святыни стояла святыня Израиля, и решили присвоить ее себе. Нашли где-то старый документ, затеяли процесс и закрыли синагогу. Плач овладел Израилем. Святыня Всевышнего должна перейти в их руки. Община впала в отчаяние, Израиль проливал горькие, горькие слезы... И жила в городе женщина, набожная и добрая. Как роза распространяет свой аромат вокруг себя, так она отдавала свое богатство бедным; дом ее был убежищем для убогих, несчастных и угнетенных. Звали эту женщину - золотая Роза. Она пожертвовала все свое имущество для выкупа святыни. Она употребляла свое влияние повсюду, но ничто не помогло. "Пусть сама явится с деньгами", - таково было последнее слово епископа. Роза вздрогнула. Она была красива. Она боялась мужчин, особенно неженатых. Долго колебалась. Народ плакал. Пошла. "Останься у меня, - сказал ей епископ, - и я верну твоим братьям святыню". "Сначала верни, - ответила она, - и я останусь". "Я тебе не верю", - сказал епископ. "Если ты мне не веришь, - ответила она, - ты ничего не теряешь, а я теряю честь, веру, народ". Епископ согласился. Подписал и вручил ей документ на открытие синагоги. Она отослала бумагу старшинам. В общине радость, веселье, из окон синагоги льется свет! Роза - из окна епископского дворца - видит его. Задача ее выполнена. Жизнь погублена. На другой день епископ нашел ее мертвой. Еврейские женщины долго еще оплакивали эту мученицу...

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ

Новгородская "ересь жидовствующих". Жидовствующие при дворе Ивана III. Их учение. Борьба с ними и казни главных еретиков. Иван Грозный и евреи.

Пятнадцатый век стал временем пробуждения религиозной мысли в Европе. Многие задумывались тогда над сущностью религии, и в разных странах возникали всевозможные секты, которые отрицали церковные обряды, некоторые догматы и иерархию христианства и видели единственный выход из этого - возвращение к Библии. Знаменитый Афонский монастырь в Греции был в те времена центром движения христиан, которые отрицательно относились ко всякой обрядности, и монахи этого монастыря разносили свое учение по всему православному Востоку. Еще в четырнадцатом веке распространилась в Болгарии ересь секты "болгарских жидовствующих". Ее сторонники искали, очевидно, поддержку у жены царя Федоры, которая была крещеной еврейкой из Тырнова по имени Сарра. Жидовствующие отвергали церковную власть, причастие, иконы и священников. По приговору церковного собора ересь была уничтожена, а евреев Болгарии лишили права владеть недвижимостью. В конце четырнадцатого века объявился в Ростове некий Маркиан, "зело хитр в словесах и в писании книжном коварен". Он восставал против поклонения иконам, считая их идолами, и своими доводами поколебал многих, в том числе даже бояр и местного князя. Из рук в руки ходили по всей России разные сочинения, в которых утверждалось преимущество содержания 'над обрядностью и обличалась бесплодность обряда самого по себе, обряда неосмысленного. Верующие - в основном, монахи - отпадали в разные ереси, с которыми церковь беспощадно боролась.

Одна из таких ересей возникла в Пскове во второй половине четырнадцатого века - ересь "стригольников". Стригольники считали, что все русское священство "во зле лежит", потому что берет пошлины и подарки при посвящении в священники, и отказывались от общения с таким духовенством. Они объединялись в особые группы, во главе которых стояли наставники - "простецы". Еще в 1375 году в Новгороде трех руководителей этой секты сбросили с моста в реку Волхов, но ересь не исчезла. Еретиков ловили в Пскове и в Новгороде, убивали, сажали в темницы, а они убегали от преследований и разносили по разным краям свое учение. На русском Севере были в обычае религиозные споры; в Новгороде мужчины и женщины, люди разных сословий, сходились не только в домах, но и на площадях, обсуждали духовные проблемы, критиковали порой церковь, ее обряды и ее постановления. В этом всеобщем хаосе споров и мнений и объявился некий человек, разъяснявший свое учение, которое и легло на подготовленную почву.

В 1470 году свободный Новгород, опасаясь притязаний Москвы, попросил польского короля прислать из Киева на княжение князя Михаила Олельковича. В свите этого князя были купцы-евреи, и вместе с ними приехал из Киева ученый иудей Схария, о котором сказано в русских источниках, что он изучил астрологию, чернокнижие и всякие чародейства. Неизвестно, что Схария делал в Новгороде и сколько времени там оставался; известно только, что с этого момента и пошла в Новгороде, а затем и в Москве "ересь жидовствующих". В русской летописи за 1471 год сказано об этом так: "Отселе почала быти в Новгороде от жидовина Схария ересь".

Ученый иудей Схария, без сомнения, повлиял на местных священников, которые и до него склонялись к ереси. Могли быть их контакты с приезжим иудеем на почве тогдашнего увлечения "тайным знанием" - астрологией и алхимией. Могли быть и религиозные споры, и, скорее всего, доводы Схарии подтолкнули в определенном направлении тех священников, которые и до этого уже задумывались над основами своей веры. Как бы там ни было, но в русских источниках сказано, что, приехав в Новгород, Схария "прельстил в жидовство" двух влиятельных новгородских священников - Алексея и Дионисия, людей мыслящих и начитанных по тем временам. В этом ему помогли, якобы, еще два еврея из Литвы - Йосеф Шмойло Скарявый и Моисей Хануш. К новой вере обратились затем некий Иванька Максимов, Гридя Ключ, поп Григорий, Мишук Собака, Васюк Сухой зять Денисов, дяк Гридя, поп Федор, поп Василий, поп Яков, поп Иван, дякон Макара, поп Наум и даже протопоп Софийского собора

Гавриил. Новообращенные хотели было обрезаться, - их было уже много, не один десяток, - но их учителя велели держать иудейство в тайне. В тайне держались и новые их имена: так, например, священник Алексей получил имя Авраам, а жена его - имя Сарра. Вскоре евреи уехали из города, и ересь распространялась уже без них.

В 1479 году великий князь московский Иван III побывал в Новгороде - после присоединения его к Московскому государству.

Слухи о благочестивой жизни и мудрости двух главных тайных еретиков Алексея и Дионисия дошли до него, сами они произвели на великого князя хорошее впечатление при встрече, и Иван III взял их с собой в Москву. Алексей стал протопопом Успенского собора в Кремле, а Дионисий - священником Архангельского собора. Так ересь попала из Новгорода в Москву. Дионисий и Алексей пользовались большим уважением в столице, и там они распространили свое учение между людьми известными и влиятельными. В числе принявших учение были: всесильный тогда при княжеском дворе дьяк Федор Курицын, его брат Иван Волк, дьяки Истома и Сверчок и другие. Даже вдова Елена, невестка великого князя и мать наследника престола, приняла это учение. Даже Иван III подпадал временами под влияние еретиков и тоже "склонял слух" к ереси. Великий князь конфисковывал тогда монастырские земли, и критика церковных "стяжателей", возможно, соответствовала его политике.

Сторонники "ереси жидовствующих" по вполне понятным причинам держали в тайне свою веру, и потому не сохранилось с той поры никаких письменных свидетельств, которые бы объясняли их учение. А ее противники были чрезвычайно пристрастны в своих обличениях, и очень трудно теперь полагаться на их оценки. Некий монах Самсонка под пыткой показал, что еретики изрекали хулу на Христа и на всех святых, расщепляли иконы, показывали иконам кукиш, спали на них, мылись на них, плевали на них, поливали "скверной водой" и кидали иконы в лохань, - даже в те времена далеко не все верили наказаниям, полученным под пыткой. В 1487 году новгородскому архиепископу Геннадию донесли, что несколько священников в пьяном виде надругались над иконами. Геннадий тут же начал вести розыск в Новгороде, и в этом ему помогал раскаявшийся поп Наум, передавший Геннадию тетрадки с псалмами и молитвами жидовствующих. На допросах еретики называли себя православными, но выяснилось, что втайне они держались своей ереси и распространяли ее в городах и селах, где у них было много приверженцев среди попов. Заподозренные в ереси - поп Григорий с сыном Самсонкой, поп Ереса и дьяк Гридя - сбежали в Москву к своим покровителям, но Геннадий отправил туда собранные при розыске материалы. Беглецы были схвачены, осуждены на соборе, их били кнутом и вернули назад, в Новгород, - но оттуда они снова сбежали в Москву и даже пожаловались великому князю, что архиепископ их "имал, и ковал, и мучил, да грабил животы". При великом князе Иване III еретики жили в Москве вольготно, "в ослабе".

В 1489 году новым митрополитом Руси стал симоновский архимандрит Зосима. Геннадий из Новгорода потребовал от него, чтобы он вместе с церковным собором предал еретиков проклятию, и привел в пример испанскую инквизицию, при помощи которой "шпанский король землю свою очищал". Зосима вынужден был созвать собор в 1490 году, и из его приговора над еретиками следует, что жидовствующие не признавали Иисуса Христа сыном Божиим, отвергали его божественность и святую троицу, "хулы изрекали на Иисуса и Марию", отрицали почитание креста, икон, святых и чудотворцев, отвергали монашество и считали, что Мессия еще не явился. Все они почитали "субботу паче воскресения Христова", признавали лишь единого Бога - "Творца неба и земли" и праздновали еврейскую Пасху.

Еретики упорно отрицали свою вину, но собор лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил на заточение. Некоторых из них отправили к Геннадию в Новгород, и архиепископ велел встретить их за сорок верст от города, надеть на них вывороченную одежду, шлемы из бересты с мочальными кистями и соломенные венцы с надписью "се есть сатанино воинство". Их посадили на лошадей лицом к хвосту, а народу велено было плевать на них и кричать: "Вот враги Божий, хулители Христа!" Затем на их головах зажгли шлемы из бересты, некоторые из осужденных лишились после этого рассудка и умерли.

Но ересь продолжала распространяться при дворе великого князя, и этому способствовало одно обстоятельство. В 1492 году окончились семь тысяч лет от сотворения мира - по православному христианскому исчислению. Уже давно считали на православном Востоке, что мир будет существовать ровно семь тысяч лет, но срок этот прошел, а конец мира не наступил. Это обстоятельство вызывало всякие еретические мысли, сомнения в вере, всевозможные

толкования Библии, - это подтолкнуло и "ересь жидовствующих". "Если Христос был Мессия, - говорили еретики православным, - то почему же он не является в славе, по вашим ожиданиям?" По еврейскому летосчислению шел тогда всего лишь 5252 год, и это был еще один сильный аргумент в пользу учения жидовствующих.

Знаменитый Иосиф Волоцкий, основавший в волоколамских лесах новый монастырь со строгим уставом, стал главным борцом с ересью. Из его посланий можно понять, в каком состоянии было тогда всеобщее брожение умов. Он писал: "С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси: в домах, на дорогах, на рынке все, иноки и миряне с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников Христа; с ними дружат, пьют и едят, и учатся у них жидовству. А от митрополита - сосуда сатаны и дьявола - еретики не выходят из дома и спят у него". Иосиф требовал, чтобы священники отказались от всякого общения с митрополитом Зосимой, не приходили к нему и не принимали у него благословения, потому что Зосима - "скверный, злобесный волк в пастырской одежде" - защищал еретиков и считал, что осуждать их не надо. И на самом деле, в нетрезвом виде Зосима высказывал порой еретические суждения о том, что Христос сам себя назвал Богом, что церковные уставы - это вздор, а иконы и кресты - просто "болваны". "Что такое царство небесное, что такое второе пришествие, что такое воскресение мертвых? - говорил он. - Ничего этого нет: кто умер, тот умер, и только; дотоле и был, пока жил на свете". В 1494 году Зосима, заподозренный в ереси, отрекся от митрополии - "по немощи своей". В летописях объясняется это так: Зосима был удален за страсть к вину и за нерадение о церкви.

Удаление Зосимы не помешало еретикам в Москве. Более того, они добились назначения в новгородский Юрьев монастырь архимандритом монаха Кассиана, который тоже держался ереси. Это было сделано стараниями всесильного дьяка Федора Курицына. Кассиан собрал вокруг себя новгородских еретиков, и в кельях его монастыря они сходились на тайные свои собрания. Но архиепископ Новгорода Геннадий нашел их и тут, и тогда некоторые из них бежали в Литву и к немцам, где окончательно перешли в иудаизм.

Невестка великого князя Елена была на стороне еретиков, ее поддерживали могущественные сановники, а Иван III торжественно провозгласил Дмитрия, сына Елены, наследником великокняжеского престола. Кто знает, что могло бы случиться в русском государстве, если бы Дмитрий стал великим князем, а вокруг него сгруппировались бы люди, придерживавшиеся "ереси жидовствующих"? Об этом много писали и говорили в России. Это напугало в свое время и церковь, и правителей. Существует даже предположение, что резко отрицательное отношение к иудаизму и к евреям в Московской Руси, неизвестное там до начала шестнадцатого века, началось именно тогда, в период борьбы с "ересью жидовствующих". Но все обошлось в Московском государстве. Торжество Елены и ее приверженцев было непродолжительным. Влиятельного дьяка Федора Курицына не было уже в живых. Иван III из-за разных семейных неурядиц охладил к своей невестке Елене, заключил ее с сыном в темницу и назначил в 1502 году своего сына Василия наследником. Вместе с этим пришел конец влиянию жидовствующих при дворе великого князя.

Нового наследника Василия поддерживал Иосиф Волоцкий, который требовал от Ивана III немедленных крутых мер против еретиков. Великий князь обещал это сделать, но долго колебался, не грешно ли предавать их казни. Он признался Иосифу, что "ведал новгородскую ересь, которую держал Алексей протопоп и которую держал Федор Курицын"; знал также великий князь, что его невестку совратили в жидовство, и просил простить ему его прегрешения. "Государь, - ответил на это Иосиф Волоцкий, - подвинься только на нынешних еретиков, а за прежних тебе Бог простит".

В конце 1504 года был созван церковный собор. Жидовствующие пытались защищаться, Иосиф Волоцкий был обвинителем, - собор постановил предать смерти главных еретиков. Некоторые из них объявили, что они раскаиваются, но их раскаяние не было принято:

Иосиф Волоцкий отклонил его под тем предлогом, что раскаяние, вынуждаемое страхом казни, не может быть искренним. 27 декабря 1504 года в Москве в деревянных клетках всенародно были сожжены дьяк Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов. В Новгороде сожгли архимандрита Кассиана, Некраса Рукавого и других еретиков. Многих отправили в заточение по тюрьмам и монастырям. Всех еретиков предали церковному проклятию, и даже через два

столетия после этого ежегодно предавались анафеме Кассиан, Курицын, Рукавый, Коноплев и Максимов "со всеми их поборниками и соумышленниками".

Результатом этой борьбы с жидовствующими стала более жесткая политика по отношению к евреям. На еврея смотрели как на антихриста, его считали колдуном, чернокнижником и совратителем, перед ним испытывали суеверный страх. Изредка купцы-евреи еще приезжали из Литвы и Польши; они "ходили с товарами" через Смоленск и Новгород, путь был небезопасен, порой жители грабили проезжих, да и в Москве к ним относились враждебно и даже отбирали товары.

Затем Московским царем стал Иван Грозный. О нем писал иностранец, побывавший в России: "Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и не ненавидел никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьем, либо вешал и бросал в воду". В 1563 году Иван Грозный завоевал город Полоцк. Евреям этого города было предложено креститься, а отказавшихся - вместе с детьми и с женами - утопили зимой в реке: прорубили лед и бросили всех в воду - около трехсот человек. Записано об этом в хрониках: "Всех жидов, которые не захотели принять святое крещение, велел (царь Московский) утопить в славной реке Двине". Подобная судьба постигла и евреев других завоеванных городов и крепостей. Спаслись лишь немногие, согласившиеся креститься по православному обряду.

Иван Грозный не впускал евреев-купцов в Москву даже временно. Король Польши Сигизмунд Август писал ему: "Ты не впускаешь наших купцов-евреев с товарами в твое государство, а некоторых велел задержать и товары их забрать... А между тем в наших мирных грамотах написано, что наши купцы могут ездить с товарами в твою Московскую землю, а твои в наши земли, - что мы с нашей стороны твердо соблюдаем". На это Иван Грозный ответил: "Мы тебе неоднократно писали о том раньше, извещая тебя о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья в наше государство привозили и многие пакости людям нашим делали... Мы никак не можем велеть жидам ездить в наше государство, ибо не хотим здесь видеть никакого лиха, а хотим, чтобы Бог дал моим людям в моем государстве жить в тишине без всякого смущения. А тебе, брат наш, не следует впредь писать нам о жидах". "Ересь жидовствующих" не проявлялась открыто в России до конца восемнадцатого - начала девятнадцатого века, когда она была обнаружена властями. Но до сих пор в русском народе существуют различные секты иудействующих, сторонники которых уверяют, что веру свою "исповедуют издревле", якобы с пятнадцатого века, со времен новгородской "ереси жидовствующих", - но доказать это теперь невозможно.

Распространение "ереси жидовствующих" сопровождалось появлением книг еврейских философов по логике, астрономии, астрологии и другим наукам. Эти книги переводились с иврита на древнерусский язык главным образом для того, чтобы доказать правильность еврейского летосчисления и исторической традиции в сравнении с византийской. Были переведены "Слова логики" Маймонида, "Тайная тайных", книга по астрономии "Шестокрыл" Эммануэля бен Яакова Бонфиса, астрологическая книга "Лопаточник", а также "Логика Авиасафа" мусульманского философа одиннадцатого века Газали, тоже переведенная жидовствующими с иврита. Переводились на древнерусский язык Книга Даниила и апокрифическая Книга Ханоха, и был у жидовствующих даже сборник еврейских праздничных молитв, так называемый "Псалтырь Федора Жидовина", который перевел крещеный еврей Федор.

У православного духовенства не было этих книг, и потому им было трудно спорить с еретиками. Не случайно новгородский архиепископ Геннадий просил прислать ему книги, много книг по списку, "ибо все эти книги имеются у еретиков". И он же поручил переводчику посольского приказа Дмитрию Герасимову - "Мите Малому, толмачу латынскому" - перевести Библию на церковно-славянский язык, чтобы обличать со знанием "ересь жидовствующих". В 1490 году, в самый разгар "ереси жидовствующих", приехал в Москву на постоянное жительство один еврей из Венеции. Звали его Леон, или - Мистро Леон, Жидовин; это был первый врач, приехавший в Россию из Европы, который стал лейб-медиком великого князя Ивана III. Когда заболел сын великого князя Иоанн (муж Елены и отец Дмитрия), Леон вызвался его лечить, жизнью своей ручаясь за успех. "И князь великий велел ему лечить сына своего князя Ивана, - записано в русской летописи за 1490 год. - Лекарь же дал ему зелие пить и жечь начал скляницами по телу, вливая горячую воду. И от того стало ему тяжче и умер. И того

лекаря Мистра Леона велел великий князь поймать и казнить его смертною казнью, голову ссечи; они же отсекали ему голову на Болвановке апреля двадцать второго".

Из этой записи следует, что лекарь Леон Жидовин практиковал в России всего лишь несколько месяцев, после чего ему отрубили голову на Болвановке, в Москве. В те времена верили в непогрешимость медицины и в плохих результатах лечения усматривали вину одного только врача.

В 1517 году снова объявился некий "жидовин, волхв, чародей и прелестник" Исаак, который совращал православных, - и снова был созван церковный собор, и опять казнили еретиков. (Возможно, что Исаак не был евреем, Словом "жидовин" называли иногда и отступников от веры. К примеру, одного русского монаха называли "Аврамко-жидовин, чернец лживый".)

В том же веке выдвинулся при дворе Ивана Грозного Матвей Башкин, выходец из мелкопоместных "боярских детей". Башкин собрал кружок вольнодумцев и под влиянием протестантизма и "ереси жидовствующих" отвергал святую троицу, считал Христа только человеком, отрицал почитание икон и церковное покаяние. По решению собора Башкина заточили в Волоколамский монастырь, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Один из соратников Матвея Башкина Феодосии Косой бежал в Белоруссию, где у него тоже объявились ученики, а потом ушел в Литву, принял иудаизм и женился на еврейке.

Сохранилось еврейское народное сказание о событиях в Полоцке в 1563 году: "Была лютая зима. Московский царь Иван Грозный завоевал Полоцк и повелел всех евреев с их женами и детьми - всех до единого! - согнать к берегу реки Двины, неподалеку от княжеского замка.

Собрали всех евреев, их жен и детей, числом три тысячи, и поставили всех у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей - мальчик, сын одного козна, и девочка, дочь козна, - во время суматохи были позабыты и не приведены к реке. И приказал Иван Грозный поставить всех евреев на лед реки и затем разрубить лед. И были все потоплены, числом три тысячи. Спаслись только те двое детей, которых Иван Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли они и поженились, получив прозвище Бар-Коэн - Баркан. От них пошла новая община и фамилия Баркан".

Еще в начале двадцатого века в память этого трагического события члены погребального братства в Полоцке постились ежегодно в определенный день и устраивали богослужение на старом кладбище, в нескольких километрах от города, где - по преданию - были похоронены всплывшие трупы мучеников 1563 года.

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ

Еврейское самоуправление в Польше и Литве. Кагал. Ваад. Суды. Религиозные авторитеты Польши.

Евреи селились в особых кварталах в польских и литовских городах, и были на то особые причины. Во-первых, поначалу они были только королевскими подданными и могли селиться лишь на королевской территории. Во-вторых, существовало церковное законодательство, которое требовало, чтобы евреи жили обособленно. А в-третьих, и сами евреи стремились жить отдельно, чтобы не было излишних конфликтов с христианским населением и чтобы без помех можно было соблюдать свои законы и свои обычаи.

Руководила всей жизнью общины особая автономная организация - кагал (в переводе с иврита - "общество", "община"). Кагал был в каждом городе, где существовала еврейская община, и отвечал перед правительством и перед христианским населением за всех ее членов. Кагал платил налоги, вершил суд в тяжбах еврея против еврея, регулировал всю внутреннюю жизнь общины. Поистине, не было таких дел, которыми бы не занимался кагал: надзор за синагогами, снабжение религиозными книгами, уход за больными, содержание кладбищ, забота о чистоте, надзор за ценами, наблюдение за нравственностью членов общины, наем фельдшеров, повитух,

сторожей и ночных караульчиков, - любая проблема, любой частный случай, требовавший вмешательства, рассматривался в кагалных учреждениях для принятия нужного решения. В Опатуве, к примеру, один домовладелец сделал пристройку в нижнем этаже, загородив часть улицы, и кагал тут же оштрафовал его "за вред, нанесенный обществу", и обязал снести эту пристройку.

Во главе каждой еврейской общины стояли старшины, от трех до пяти человек: нечто вроде городского совета. Они одни были ответственны перед властью и после избрания присягали на верность королю и Речи Посполитой. Эти старшины чередовались между собой, и каждый месяц один из них становился главой общины. Его называли "парнас" или же "парнас га-ходеш" - то есть "парнас на месяц". (Любопытно, что от того же корня происходит слово "парнаса" - заработок; глагол от того же корня означает - заботиться о чем-нибудь, давать пропитание, кормить, снабжать.) Очередной кагалный старшина во время своего правления был "господином и владыкой своей общины": он составлял бюджет, уплачивал кагалные долги, утверждал список семейств, которым разрешалось проживание в данном городе, скреплял своей подписью общественные счета. При вступлении в должность он приносил торжественную клятву, что будет строго соблюдать кагалный устав и не позволит себе никаких отступлений. Эта должность бывала порой и опасной, особенно во времена войн и нашествий, когда вступавшие в город войска требовали у старшин денег, провианта, одежды и проводников, а те не могли удовлетворить их требования.

Все конкретные дела в общине были в ведении различных комиссий. Контрольная комиссия проверяла кагалные счета. Судебная коллегия разбирала тяжбы между евреями. Школьный отдел инспектировал школы и контролировал учителей. Благотворительная комиссия заботилась о бедняках, контролировала погребальное братство, приют для бездомных и больницу; следила за чистотой миквы - бассейна для ритуального омовения, выдавала замуж бедных невест, доставляла свечи в иешиву и многое другое. Торговый и санитарный отделы следили за правильностью мер и весов, за чистотой улиц и колодцев в еврейском квартале, за ночной стражей и за привратниками; наблюдали, чтобы масло, сыр и вино изготавливали в соответствии с еврейскими законами о кашруте; вели надзор за убоем скота и продажей мяса; следили, чтобы никто не выливал помой на улицу и чтобы "музыканты не играли громко по ночам на улицах". Особый отдел занимался выкупом пленников: в те времена, в основном, выкупали у татар. Сборщики пожертвований на Святую Землю собирали деньги для евреев в Эрец Исраэль. Были еще комиссии по борьбе с роскошью, для наблюдения за нравственностью, для выдачи приданого бедным невестам и многие другие - в зависимости от размеров и нужд данной общины.

Все должности в этих комиссиях были почетными, никому не платили за это жалованья, но каждый стремился быть выбранным в одну из комиссий. Выборы проходили ежегодно на третий день праздника Песах, в некоторых общинах - на Суккот, и в документах города Кракова было специально указано, что в состав кагала должны быть избираемы "люди разумные и добропорядочные, достойные, зажиточные и зрелого возраста".

Духовным главою общины был раввин. Он назначался чаще всего на шестилетний срок, а в случае продления договора - еще на четыре года. Раввин подписывал решения кагала, руководил выборами, председательствовал на еврейском суде, совершал обряды венчания, налагал отлучения от общины, следил за школьным обучением. Раввин получал жалованье, бесплатную квартиру, особое вознаграждение за проповеди в дни праздников, за совершение брачного обряда и за развод. Раввины часто меняли общины, и даже самые прославленные ученые того времени переезжали с места на место по истечении срока службы.

В крупных городах вместе с раввином назначался глава иешивы. Помощником раввина был общественный проповедник - даршан, который по субботам читал и объяснял Священное Писание. При синагоге был общественный кантор. Были резники. Был писарь еврейского суда. Были мелкие кагалные чиновники, которые обслуживали школу, синагогу, кладбище, вызывали стороны в суд, вручали повестки, объявляли об очередном деле. Все эти люди получали жалованье. На жалованье были и врачи, аптекари, общинные акушерки, цирюльники, лица, присматривавшие за нищими в приюте для бездомных, и многие другие. Были и особые уполномоченные - штадланы, которые хорошо знали польский язык и служили посредниками между еврейской общиной и христианами. По кагалному уставу штадлан "призван к тому, чтобы являться в чертоги владык; он должен геройски выполнять возложенные на него

поручения, совершать все быстро, ходить туда, куда пошлет его кагал, например, к иезуитам, в кафедральный собор... и устранять перед детьми Израиля каждый камень преткновения..." Кроме жалованья общинным служащим, кагал выплачивал всевозможные налоги, количество которых постоянно увеличивалось. В середине шестнадцатого века был введен ежегодный поголовный налог "с головы еврея как с мужчин, так и с женщин, детей и слуг". Был еще коронационный налог. Налог на содержание королевского двора. Налог с еврейских домов, синагог и кладбищ, если они размещались на королевской территории. Налог за право пользоваться синагогами и кладбищами и за право занимать какой-либо кагалный пост. Налог на слуг, находящихся в услужении у евреев. Сборы с еврейских лавок, ремесел и товаров. Налог натурой в королевскую казну - перцем, шафраном, дичью, задними частями туш и прочим. Налог с напитков. Дорожный налог, ярмарочный, за переезд через мосты, с убоя скота, с волов и баранов, отправляемых на ярмарки. Был еще налог духовенству с тех еврейских домов, которые прежде принадлежали христианам; налог за право построить синагогу; был даже налог "козубалец" - в пользу школяров-иезуитов - со всякого еврея, который проезжал мимо костела или церковной школы. Были городские налоги: с домов и площадей на городской территории, за пользование городскими пастбищами, на содержание стражи и полиции, за право торговли и прочее. И были чрезвычайные налоги на военные нужды. Кроме обязательных налогов, существовали и всевозможные поборы, которые невозможно было заранее планировать. Это были расходы на подарки воеводам, владельцам городов, их служащим, духовным лицам, писарям, депутатам сеймов и сеймиков, музыкантам воеводы, палачу и даже "гицелю" - истребителю собак. Платили вымогателям, чтобы они не возбуждали ложные обвинения, например, обвинение в употреблении христианской крови: проще было откупиться от такого человека, но не доводить дело до суда, результаты которого могли привести к трагедиям. В Опатуве платили "кантору костела, чтобы он не расхаживал по еврейской улице" и не подстрекал толпу к нападению на евреев. Платили иезуитам, чтобы они не захватывали еврейских детей для насильственного крещения. Платили некоему пану Лисовскому из Кракова, у которого были полномочия от воеводы "чинить все возможные на свете притеснения и задерживать мужчин, женщин и детей". В Кракове воевода прислал приказ, чтобы евреи сделали ему "большое подношение", а в Виннице староста наложил на кагал крупную дань, объясняя это тем, что "евреи распяли Христа". До середины семнадцатого века кагалы Польши и Литвы более или менее справлялись с выплатой всех этих налогов и поборов. В каждой общине существовала специальная комиссия, которая определяла - кому сколько платить. Старшины и члены кагалных комиссий обязаны были первыми уплачивать налоги, а за неуплату подвергали различным наказаниям, вплоть до отлучения от общины.

В Польше и Литве существовала ступенчатая система еврейского самоуправления. Община с ее кагалом. Округи с их окружными сеймиками. И общий еврейский сейм - Ваад (в переводе с иврита - "комитет"), на котором решали межобщинные проблемы. Поначалу депутаты Польши и Литвы съезжались на общий Ваад, но затем произошло разделение. Литовские евреи организовали свой самостоятельный центральный Ваад Литвы. Общины Великой Польши, Малой Польши, Червонной Руси и Волыни образовали "Ваад четырех земель" или "Ваад евреев Короны".

Ваад польских евреев собирался два раза в год во время больших ярмарок в Люблине и Ярославе, и на него съезжались делегаты из округов. Каждый округ составлял наказ для своих депутатов, чтобы они не допускали повышения старых налогов и введения новых - для своего округа. Община того города, в котором происходило очередное заседание Ваада, должна была позаботиться о безопасности всех депутатов, чтобы можно было "заседать там в спокойствии, мире и безопасности". Депутаты Ваада избирали исполнительный орган, который выполнял свои обязанности круглый год. В него входили "парнас" Ваада, казначей и несколько секретарей. "Парнас" Ваада - это был высший административный пост, которого мог достигнуть еврей в Польше, и на него выбирались влиятельные люди, чаще всего "парнасы" округов или главы крупных общин.

Перед польским правительством Ваад был ответствен за выплату налога со всех евреев, проживавших на территории Польши и Литвы. Правительство ежегодно назначало определенную сумму, и Ваад обязан был внести ее в государственную казну. Эта сумма могла быть временами больше, временами меньше - в зависимости от нужд королевства; были общины, которые из-за неблагоприятных условий не могли уплатить свою долю, но правительство это не интересовало. В любом случае Ваад обязан был уплатить все сполна. Для этой цели рассылали по стране особых уполномоченных, "людей благонравных, богобоязненных, правдивых и бескорыстных, людей мудрых и известных, одного от каждой главной общины - с тем, чтобы они объехали всю страну вдоль и поперек", исследовали экономическое состояние еврейского населения и установили для каждого округа сумму налогового обложения, чтобы никто не мог уклониться от своей доли в выплате общего налога. Ваад запрещал уполномоченным принимать какие-либо подарки и напутствовал их такими словами: "Итак, да предшествует им правда, чтобы творили они суд справедливый и чтобы поступали благоразумно повсюду, куда ни пойдут".

Практически не было ни одной серьезной еврейской проблемы тех времен, которой бы не занимался Ваад. На одном из съездов депутаты пожаловались на плохой шрифт учебников и Талмуда, от которого у молодежи портятся глаза, и Ваад тут же постановил "выровнять дорогу, очистить путь от камней, укрепить древо жизни" (то есть печатать хорошо и исправно). Особенно следили за нравственностью и запрещали еврейским женщинам - разносчикам товаров ходить в одиночку или даже группами по помещичьим усадьбам и монастырским дворам. Разносчицу должны были сопровождать два еврея, один из которых, ее муж, обязан был находиться при ней неотлучно. Запрещали еврею отдавать нееврею в качестве залога свою жену, сына или дочь. Сохранилась такая запись в документах Ваада: "Как только он (некий Яков из Клецка) передал свою дочь за свой долг пану, мы его тотчас отлучили при звуках труб и тушении свечей и постановили, чтобы то же самое сделали во всех синагогах области, и чтобы преследовали его до последней крайности".

Постановления Ваада подробно регламентировали одежду, увеселения евреев и особые правила скромности, чтобы не вызывать зависти у окрестного христианского населения. С постепенным всеобщим обнищанием постановления против роскоши становились все суровее, чтобы сохранить платежеспособность общин. Многие предметы обихода совершенно исключали из пользования - дорогие наряды, жемчуг на шляпах, шелковые и бархатные платья. Не пользовалась снисхождением "ни одна еврейская душа - ни богатый, ни бедный, ни мужчина, ни женщина, ни юноша, ни девица".

Евреи были пришельцами из других стран, они жили в окружении, чаще всего к ним не расположенном, и Ваад постоянно следил за тем, чтобы не возникали напряженные отношения с местным населением. Первый литовский Ваад вынес, к примеру, такое постановление: "Если еврей берет деньги или товар у пана или купца нееврея, то в случае, когда можно предположить, что этот еврей имеет нечестные намерения, руководители общины обязаны предупредить об этом нееврея". Чтобы не навлекать нарекания со стороны христиан, Коронный Ваад ввел в 1580 году самоограничительные законы, запрещавшие евреям заниматься откупными государственными пошлинами и податей. Было указано, что нарушившего это постановление "должна постигнуть следующая кара: да будет он отлучен и отвержен в обоих мирах (этом и будущем), да будет устранен и отделен от всякой святости израильской, его хлеб будет считаться хлебом язычника, его вино - оскверненным, его мясо - трепным, его супружеский союз - прелюбодеянием; хоронить его следует как осла (без религиозных обрядов), и ни один раввин или иное духовное лицо не должны сочетать браком его сыновей или дочерей; никто не должен родниться с ним... пока он не свернет со своего дурного пути и не подчинится приказанию учителей". Но этот самоограничительный закон не всегда соблюдали.

Ваад заботился также о девушках-бесприданницах, которые нанимались в домашнюю прислугу. Их годовое жалованье - десять злотых - выплачивалось вперед казначею общины, а тот берег эти деньги до дня свадьбы. Когда девушке исполнялось пятнадцать лет, община выдавала ее замуж и выплачивала ей при замужестве двадцать пять злотых из общественного фонда. Каждый большой город обязан был ежегодно выдать замуж определенное количество девушек-бесприданниц. На Брест-Литовск приходилось в году по двенадцать таких свадеб, на Гродно - по десять, на Пинск - по восемь. Не забывали и про евреев, что жили в Святой Земле, и в самые трудные времена посылали им часть своих скудных средств.

Чтобы защитить свои материальные интересы, Ваад Литвы установил жесткие правила для въезда в Литву евреев из других стран и для контроля за этим назначал в пограничные области специальных сторожей. За каждого нового пришельца должен был поручиться его родственник из Литвы, чтобы при необходимости он мог оказать тому материальную поддержку. Приезжим меламедам - учителям разрешали оставаться в стране не более двух лет, чтобы не отбивать доход у местных учителей, а бездомных бродяг, "наводняющих литовско-белорусские общины, занимающихся темными делами и отягчающих страну, жадно поедаая ее добро", просто не пускали в общины. Однако, когда на евреев Украины и Волыни обрушились бедствия времен хмельниччины, были позабыты все ограничительные постановления Ваада. Беглецов из пострадавших районов распределяли по литовским общинам, им выдавали еженедельное пособие; многими своими постановлениями Ваад пытался облегчить жизнь несчастным скитальцам, которые "слоняются босыми и нагими, не имея чем прикрыться и во что одеться... Число их все более увеличивается: они прибывают сотнями и тысячами; потрясенные бедствием, они с воплями и рыданием взывают о милосердии и помощи; кто слышит это, у того сердце сжимается от боли. Видя их горе великое, прониклись мы состраданием и решили взять их под попечение наше".

Еврейские общины Польши и Литвы имели собственные автономные суды, которые разбирали все внутренние дела. В королевской привилегии по этому поводу было сказано: "Тяжбы между одним евреем и другим не должен разбирать никто, кроме их же старшин, и только в том случае, если они не могут разобрать дело, оно переходит в ведение воеводы". Во главе суда каждой общины стоял раввин, и при нем были, как минимум, еще двое судей. Судьи избирались одновременно с членами кагалных комиссий; должность судьи была почетной, и вознаграждение он получал лишь за некоторые свои функции. Судейские коллегии заседали поочередно, в одном и том же месте и в определенные часы. Всякий обязан был явиться в суд по вызову под угрозой отлучения от общины и заочного решения дела. Решения суда записывались тут же, немедленно.

В Кракове, к примеру, существовали три коллегии суда: высшая, средняя и низшая. Высшей коллегии подлежали гражданские дела на сумму более ста польских злотых, средней коллегии - от десяти до ста злотых, и низшей коллегии - дела на сумму до десяти злотых, мелкие дела о клевете, обмане, споры между продавцами на рынке и дела о товарах, отпущенных в кредит. Штраф, который налагали на виновных, шел на ремонт местной синагоги. Доказательством служила присяга и свидетельские показания. Иногда присяга принималась у ворот синагоги, но в более серьезных случаях - в самой синагоге перед свитком Торы. Судья обязан был вынести решение в течение двух дней, а по сложным делам - максимум через пять дней, и если он задерживался с решением, то стороны могли пожаловаться кагалному старшине, а тот налагал на судью штраф. Стороны выступали перед судьями лично. Вдовы, сироты и лица, которые по какой-либо причине не могли вести свое дело, получали от суда особого поверенного, который защищал их интересы. Судебные прения велись на разговорном языке - идиш, протокол же записывали на иврите, и на нем излагались судебные решения.

Были еще так называемые ярмарочные - или выездные - суды, которые приезжали на ярмарки из ближайших крупных городов. На ярмарки съезжались торговцы, там возникали разные проблемы купли-продажи-кредита, которые и разбирал на месте ярмарочный суд. Во время заседаний Ваада на ярмарках собирался также съезд главных раввинов, который считался верховным судом и разбирал споры между различными общинами. Решения этого суда подписывал "парнас" центрального Ваада, и только тогда они получали законную силу.

На своих заседаниях еврейские суды разрешали все дела по законам Талмуда и по кодексам законов таких авторитетов, как Рамбам (Маймонид), рабби Яков бен Ашер, рабби Йосеф Каро и рабби Моше Иссерлес. Но бывали сложные ситуации, когда местные суды затруднялись вынести решение, бывали случаи, когда стороны не соглашались с решением своего суда, и тогда начиналась переписка между общинами. Местный раввин излагал письменно доводы сторон и посылал их самым авторитетным раввинам, иногда даже в другие страны, - из Кракова, к примеру, обращались в Прагу, а то и в Италию, - и дело разрешалось в соответствии с поступавшими от них ответами. Такие письма с изложением решений или мнений по проблеме еврейского законодательства называются на иврите "шейлот утшувот" - вопросы и ответы (по латыни - респонсы).

В большинстве случаев еврейский суд наказывал денежным штрафом, хотя он имел право применить и телесное наказание, а также подвергнуть виновного тюремному заключению на срок до трех месяцев. Во Львове такая камера для заключенных находилась при местной синагоге. По королевским привилегиям еврейские суды имели даже право выносить смертные приговоры, но такие случаи в Польше и Литве неизвестны.

Особо серьезно еврейские суды рассматривали дела о клевете. Самые авторитетные раввины Польши занимались этими делами, и наказания за клевету назначались суровые. Клеветник должен был встать в синагоге, в черном облачении, с двумя черными свечами в руках и заявить во всеулышание:

"Я

согрешил перед Богом Израиля и против чести такого-то лица; я провинился, сошел с праведного пути; все то, что я говорил или писал о таком-то лице, есть сплошная ложь и выдумка. За это я заслужил тяжкое телесное наказание, но суд сжалился надо мной и заменил его выкупом". Затем виновный должен был в течение четырех недель сидеть в синагоге за дверью, исполнять траурные обряды и выплатить пострадавшему выкуп, который тот жертвовал на дела благотворительности. Еще суровее карали за слухи, оскорбительные для женской чести. В таких случаях запрещали есть хлеб клеветника, пить его вино, хоронили его без религиозных обрядов - "как осла". Бывали случаи, когда кто-либо составлял (песню оскорбительного содержания, и тогда раввины обязывали этого человека публично в синагоге произнести повинную в такой форме: "составленная мною песня равноценна собачьему лаю".

В шестнадцатом веке в Калише возникло ложное обвинение против одного синагогального служителя, который, будто бы, издевался над христианской религией. Власти потребовали, чтобы община отдала его на суд воеводе, и грозили в случае ослушания наказать всех поголовно. Такой сложный вопрос местная община не могла решить сама и обратилась за советом к видным раввинам, чтобы те указали, следует ли всем жертвовать собой ради одного или нет. Раввины решили вопрос на основании Талмуда, где сказано: "Когда насильники встречаются на дороге группу путешественников и требуют у них выдать им одного, чтобы его убить, угрожая в противном случае убить всех, путешественники обязаны умереть все вместе, но не выдать еврейскую душу". Из этого правила делалось одно исключение: если насильники требуют выдачи определенного лица, которое на самом деле заслуживает смертной казни. С этой точки зрения раввины и рассматривали данный случай: действительно ли, виновен синагогальный служитель или же его оклеветали. В конце концов, они пришли к такому заключению: "Пусть ухудшится наше положение в стране, но мы не дадим на поругание и издевательство невинную душу".

В конце пятнадцатого века центр еврейской духовной жизни переместился постепенно на восток, к немецко-польскому еврейству. Первые центры талмудической учености в Польше были основаны выходцами из Германии и Чехии, и одним из них был рабби Яков Поллак. Он учился в Германии, был раввином в Праге, затем переехал в Краков и основал там школу для изучения Талмуда. В 1503 году польский король Александр назначил рабби Поллака раввином Малой Польши и дал ему право разбирать всякие споры между евреями, карать преступления и исправлять нравы. Рабби Яков Поллак знаменит тем, что он применял в своей школе метод изучения Талмуда, который называется "пилпул". Именно этот метод способствовал развитию раввинской учености в Польше.

Слово "пилпул" образовано от существительного "пилпел" - что означает "перец", и от глагола "пилпел" - "приправлять пряностями". Отсюда и "пилпул" - это острый спор, остроумные доводы и контрдоводы спорящих. Этот метод применялся еще в древности в талмудических школах, и были у него тогда свои сторонники, но были и противники, которые считали, что чем остроумнее аргументы, тем легче они могут привести к ложным выводам. "Мудрствующий человек, - говорили тогда, - часто бывает легкомысленен". Рабби Яков Поллак развил этот метод преподавания Талмуда. Характерная его черта - тонкий анализ, умение при помощи изощренных построений остроумно сближать самые отдаленные понятия. Например, приводилось какое-нибудь талмудическое положение, в нем отыскивались всевозможные

внутренние противоречия, его оспаривали различными цитатами из Талмуда, приводили множество относящихся к этому комментариев и, когда вопрос казался уже неразрешимым, опытный учитель или ученик разрешал его самым неожиданным образом, разрушая им же самим созданный лабиринт противоречий и затруднений. Этот метод преподавания развивал у учеников гибкость мышления, и иешива рабби Поллака вскоре приобрела известность по всей Европе. Если раньше юноши уезжали из Польши в Германию для продолжения обучения, то теперь уже из Германии ехали учиться в Польшу.

Рабби Яков Поллак воспитал в своей иешиве много учеников, среди которых самый выдающийся - рабби Шалом Шахна. Он пользовался исключительным авторитетом среди раввинов своего времени, основал иешиву, куда стекались "со всех концов мира", и воспитал своих учеников, среди которых самым выдающимся был рабби Моше Иссерлес - Рамо. Рабби Моше Иссерлес тоже основал иешиву, куда съезжались юноши из разных стран изучать Талмуд, и такая преемственность - от учителя к ученику, и от ученика к его ученику - способствовала тому, что в Польше и Литве в те времена было много ученых, пользовавшихся всеобщим авторитетом. Это - рабби Шломо Лурье, рабби Авраам Горовиц, рабби Мордехай Яффе, рабби Шмуэль Эйдельс, рабби Меир из Люблина, рабби Шабтай Коэн - и многие, многие другие.

Рабби Моше Иссерлес прославился главным образом как автор многочисленных респонсов и как комментатор кодекса законов "Шулхан арух". "Шулхан арух" (в переводе означает "Накрытый стол") написал в Эрец Исраэль рабби Йосеф Каро. Этот составленный в виде кратких предписаний полный свод еврейского религиозного и гражданского права состоит из четырех частей: законы о богослужении, субботе и праздниках; законы о пище, убое скота и домашнем обиходе; бракоразводное право; гражданское и уголовное право и судопроизводство. "Шулхан арух" сразу же приобрел широкое распространение во всех еврейских общинах мира. Рабби Йосеф Каро, сефардский еврей, как правило, учитывал обычаи сефардов и не включил в книгу многие религиозные обычаи германо-польских евреев. И для того, чтобы "Шулхан арух" мог стать и для них практическим руководством, рабби Моше Иссерлес снабдил кодекс Каро своими добавлениями и замечаниями, которые известны под названием "Мапа" - "Скатерть". В 1578 году появилось в Кракове первое издание кодекса Каро-Иссерлеса, и с этого момента ашкеназское еврейство стало принимать свод законов рабби Каро только с добавлениями рабби Иссерлеса, отдавая предпочтение последнему, если существовало какое-либо расхождение между двумя авторитетами. Этот кодекс стал регламентировать образ жизни еврея Центральной и Восточной Европы, определяя каждый его шаг и каждый поступок. На первый план рабби Иссерлес выдвигал авторитет обычая: "никто не должен поступать вопреки обычаям", "нельзя отменять обычай", "таков обычай" - это было для него высшей инстанцией. Его авторитет был так велик, что к нему постоянно обращались за решением спорных вопросов, а его респонсами и теперь пользуются в необходимых случаях. Его личность была окружена легендами, и польские евреи ежегодно, в день его смерти, приходили на его могилу, которая цела и по сей день. Надпись на могильной плите гласит: "От Моше (Рамбама) до Моше (Иссерлеса) не было равного Моше".

В начале шестнадцатого века литовский еврей Авраам Езофович брал на откуп таможенные доходы, арендовал монетный двор, назначен был подскарбием, то есть министром финансов великого княжества Литовского. Он был очень богат, владел огромными имениями в Литве и однажды дал в долг королю огромную по тем временам сумму - десять тысяч червонцев, а под залог король определил город Ковно и дворец в нем. Человек энергичный и одаренный. Авраам Езофович сделал многое для улучшения финансового положения Литвы, и, как писали о нем историки, был "заметной величиной среди литовской служилой шляхты". Крестившись, Авраам Езофович получил от короля дворянство и герб с прибавкой к фамилии "Ястжембец". Его потомство дало род Абрамовичей, к которым и перешел этот герб, но в последующие века все они тщательно скрывали свое еврейское происхождение.

Михель Езофович, брат Авраама, был одним из крупнейших откупщиков своего времени. В его ведении были города - Брест, Могилев, Витебск, Гродно, Луцк, Минск, Владимир Вольнский, Новогрудок. Это был человек выдающейся предприимчивости и редкой деловитости, благодаря чему он и нажил огромное состояние. В 1514 году король Сигизмунд особым указом назначил Михеля Езофовича старшиной над всеми литовскими евреями - в виду его больших заслуг перед королем. Если Авраам Езофович стал польским дворянином только лишь после

крещения, то его брат, Михель, получил дворянство, оставаясь правоверным евреем. Это случилось в 1525 году: король пожаловал ему дворянство и особый герб, и это был единственный случай в истории Польши - возведение еврея в польское дворянство. В шестнадцатом веке некий Шауль Валь из итальянского города Падуи переехал в Польшу, женился и поселился в Брест-Литовске. Там он преподавал Талмуд, а затем разбогател и стал откупщиком. Известно, что король Стефан Баторий выдал ему привилегию на добывание соли и на ее продажу по всей Литве, а Сигизмунд III дал ему почетное звание "королевского слуги". Он много помогал евреям Брест-Литовска и был их поверенным в переговорах с королем и с духовенством. С именем этого человека связана легенда о том, что будто бы он, Шауль Валь, стал королем Польши на одну ночь. Это случилось в 1587 году. В Польше было междуцарствие. Незадолго до этого умер король Стефан Баторий, и паны собрались в Варшаве для избрания нового короля. Сразу же возникли разногласия. Одни хотели избрать эрцгерцога Максимилиана Австрийского. Другие - шведского принца Сигизмунда. Третья партия стояла за Федора, сына московского царя Ивана Грозного. В сейме ожесточенно спорили, кричали и ругались. И тогда - гласит предание - встал с места Николай Радзивилл и сказал: "Успокойтесь, господа, перестаньте спорить! Изберем королем Шауля". Вероятно, это была шутка, чтобы успокоить делегатов, и паны согласились разойтись по домам, избрав до утра, на одну только ночь, королем Польши Шауля Валя. В другом варианте этой легенды сказано, что у панов не было выбора: по закону они обязаны были в тот же день избрать нового короля, - вот они и избрали Шауля Валя на одну ночь, чтобы наутро продолжить свои споры. Как бы там оно ни было, но Шауль Валь, став королем, тут же велел занести в книги разные льготы евреям. На другое утро он пришел в сейм и уговорил всех избрать истинным королем принца шведского. Тот и был избран и благополучно потом царствовал целых сорок шесть лет под именем Сигизмунда III. Народная фантазия создала не одну легенду о Шауле Вале, и в каждой из них он даровал в ту ночь разные права евреям, чтобы они могли жить счастливо и безбедно на польской земле. И многие еврейские дети, засыпая под эту историю, которую им рассказывали мама или бабушка, видели себя во сне польскими королями. И многие евреи - в тяжелые минуты своей жизни - утешались поговоркой тех времен: "Счастье так же непрочно, как и царствование Шауля Валя".

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ

Школьное обучение в Польше и Литве. Хедеры и ишивы. Брачный договор и свадебный обряд. Семейная жизнь. Строительство синагог. Религиозные и благотворительные братства.

Школьное обучение мальчиков в Польше и Литве являлось неременной обязанностью родителей, опекунов и всей общины, и поэтому практически все евреи-мужчины умели читать и писать, отличаясь этим от окружающего населения, которое в массе своей было неграмотным. "Шулхан арух", свод религиозных предписаний, так определяет обязательность обучения: "Каждый человек обязан обучать своего сына Торе; если же отец не обучал сына, то сын (впоследствии) сам обязан учиться... Если отец не нанимает учителя для своего сына, то его принуждают к этому, а в случае необходимости забирают часть его имущества - для покрытия расходов по найму учителя. Начальные школы должны быть в каждом городе; если же где-нибудь их нет, то жителей этого города предают херему (отлучению), пока не пригласят учителя". "Шулхан арух" определяет также возраст обучения и порядок: "С трех лет знакомят мальчика с буквами Торы, чтобы он научился ее читать. На шестом или на седьмом году мальчика отдают в учение к меламеру. Успевающего мальчика переводят от одного меламеда к другому, более сведущему в Танахе и грамматике... На двадцать пять мальчиков полагается один учитель; если

же учащихся больше двадцати пяти, и число их доходит до сорока, то к учителю следует приставить помощника".

Все еврейские школы Польши и Литвы делились на два вида: хедеры и иешивы (ешиботы). Обучение в хедерах было обязательным для всех мальчиков от шести и до тринадцати лет. Каждый учитель - меламед - мог открыть хедер и получать от родителей вознаграждение за свою работу. Во всяком городе было такое количество хедеров, которые могли бы вместить всех учеников. Бывали еще хедеры для бедных детей и сирот, которые оплачивала община: эти школы называли "талмуд-тора". Дети учились в хедере с утра до вечера; только по пятницам и в первый день каждого месяца их отпускали домой пораньше, и, выходя из школы, они прыгали "как телята по улицам города, поднимая ужасный шум".

Высшими учебными заведениями того времени были иешивы. Там изучали Талмуд и комментарии к нему, своды законов "Мишне Тора", "Шулхан арух" и другие. Туда поступали после хедеров самые способные юноши, в которых никогда не было недостатка, и каждый отец не жалел средств, - если они у него, конечно, были, - чтобы его сын поступил в иешиву и стал ученым. Иешивы существовали в тех общинах, где были авторитетные раввины, и лишь в крупных городах - Львове, Кракове, Люблине - бывало по две-три иешивы. Они содержались за счет общин; учились там, в основном, юноши старше тринадцати лет, пришедшие прямо из хедера, но попадались и взрослые, порой женатые люди. Иногда иешива имела свое собственное здание, но чаще она размещалась в одной из синагог города: именно поэтому в польских и русских документах синагогу обычно называли "школой". В иешивах учились семестрами: был летний семестр, был зимний, - а в промежутках каждый ученик имел право учиться там, где он хотел. Учение начиналось с утренней молитвы, продолжалось весь день и затягивалось после перерыва до поздней ночи. Учились старательно, с воодушевлением и громко произносили слова текста, чтобы закрепить их в памяти.

Летописец семнадцатого века Натан Гановер писал: "В каждой общине здесь существовали иешивы, и их главы - рош-иешивы - хорошо оплачивались, чтобы они могли без забот руководить этими школами и всецело отдаваться Торе... Каждая община содержала "бахурим" - юношей, чтобы они учились у рош-иешивы, а при каждом юноше - двух мальчиков, которых он обучал... Если община насчитывала в своей среде пятьдесят семей, то она содержала не менее тридцати юношей и мальчиков. В каждой такой семье столовались юноша и два мальчика, но, во всяком случае, один юноша наравне с родным сыном. Хотя содержание юноше отпускалось общиной, тем не менее семья кормила его за свой счет и снабжала его всем необходимым, а некоторые то же самое делали и по отношению к мальчикам и круглый год кормили трех лиц. И почти не было дома во всей Польше, где не занимались бы Торой..."

В промежутках между семестрами главы иешив и ученики уезжали на ярмарки - во Львов, Люблин, Заслав. Там каждый ученик мог заниматься с любым ученым по своему выбору. Там же руководители иешив набирали себе способных и усердных учеников. "На каждой ярмарке, - писал Натан Гановер, - находилось несколько сот руководителей иешив, несколько тысяч юношей с десятками тысяч мальчиков-учеников. И торговцев бывало там несметное число, словно песок морской, ибо стекались сюда со всех концов света. И каждый, кто имел взрослого сына или дочь-невесту, приезжал на ярмарку, и всякий находил там себе пару. И на каждой ярмарке заключались сотни и тысячи помолвок".

Семейная жизнь евреев Польши и Литвы определялась законами Торы и обычаями, восходящими к далекой древности. Библейское благословение "плодитесь и размножайтесь" является обязательной религиозной заповедью для евреев, и законоучители смотрят на супружескую жизнь, как на наиболее естественное и наиболее нравственное состояние: "Холостой человек живет без радости, без благословения и без счастья". Законоучители советовали быть осторожным при выборе жены: "Торопись в покупке земли, но медли в выборе жены". Они не одобряли женитьбу ради богатства, советовали жениться на девушке из хорошего дома и обязательно обращать внимание на характер и поведение братьев невесты: считалось, что характер будущих детей очень часто похож на характер братьев их матери. "Продай последнее, что имеешь, - говорили законоучители, - и женись на дочери ученого человека". Они не советовали брать жену из более родовитого дома, чем дом мужа, и старая поговорка напоминала на этот счет: "Я не желаю сапога, который слишком велик для моей ноги". Законоучители не поощряли браки между стариками и молодыми женщинами, между старухами и молодыми людьми. Говорили в древности: "Добрая жена - драгоценный дар,

выпадающий на долю богобоязненного; злая жена - проказа для мужа. Красивая жена - счастье для мужа, дни его жизни удваиваются". И еще предупреждали: "Мужчина высокого роста не должен жениться на высокой женщине, а кто низок ростом - на невысокой женщине; смуглый мужчина не должен жениться на смуглой, белолицый - на белолицей", потому что эти качества могут потом усилиться в потомстве до уродливых размеров. И еще говорили мудрецы: "Украшение лица - борода. Радость сердца - жена. Наследие Божие - сыновья". И еще: "Вот трое, которым жизнь не в жизнь. Ожидающий своего пропитания от других. Одержимый телесными недугами. И находящийся под началом своей жены".

В Польше и Литве юноша вступал в брак в возрасте от тринадцати и до двадцати лет, но лучше всего - в восемнадцать: этот возраст признавали идеальным. Если мужчине минуло уже двадцать лет и он еще не женился без уважительных причин, то еврейский суд имел право заставить его это сделать. Однако, как отмечал рабби Моше Иссерлес, "в настоящее время обыкновенно не прибегают к принудительным мерам". Брачный возраст девушки совпадал с наступлением половой зрелости, но ее отец мог обручить свою дочь и до этого, не спрашивая ее согласия. Закон признавал только желательным, чтобы родители не торопились с обручением, пока дочь не подрастет и сама решит, нравится ей жених или нет. Ранние браки в те времена были частым явлением. Отец невесты, скопив с трудом приданое для дочери, торопился поскорее выдать ее замуж, чтобы не потерять накопленное во время очередного погрома. Таким образом, судьба девушки зависела от того, обручат ли ее в малолетнем возрасте или уже после двенадцати-тринадцати лет, когда ее согласие считалось обязательным.

Первым делом между родителями жениха и невесты заключался письменный договор. В нем указывались размеры приданого и время свадьбы. Почти во всех договорах было неперемное условие, что родители жениха или невесты должны после свадьбы дать молодым в своем доме квартиру и стол - в течение двух лет, а половинное содержание - только квартиру - еще два или четыре года. В договоре определялась неустойка - штраф для той стороны, которая нарушит его без уважительной причины. Договор подписывали в присутствии родных и друзей и затем устраивали празднество. Этот договор легко можно было нарушить; свадьба в таких случаях отменялась, а жених и невеста снова становились чужими друг другу. Но если жених вручал или посылал невесте подарки незадолго до венчания, то договор приобретал силу закона. По еврейскому закону для акта обручения достаточно, чтобы мужчина вручил женщине при двух свидетелях монету или кольцо со словами: "Ты посвящена мне". При такой упрощенности обряда бывали порой недоразумения: иногда комические, а иногда и печальные. Известен случай, когда пятнадцатилетний мальчик закричал во время игры: "Кто хочет взять мое кольцо?" Девочка двенадцати лет попросила кольцо, мальчик надел ей его на палец и сказал: "Ты посвящена мне". Таким образом эта девочка стала по закону женой незнакомого ей мальчика, и Люблинский раввин отметил по этому поводу, что этот шуточный брак может быть расторгнут только лишь путем официального развода. Подобные случаи происходили время от времени, и тут же поднималась суматоха, писали раввинские послания, и бывало даже так, что на ярмарках, при большом стечении народа, объявляли в синагоге, что такую-то девушку - по решению раввинов - следует считать необрученной и свободной.

"Ктуба" - брачный договор - определял обязанности мужа по отношению к жене и количество приданого с каждой стороны. Было принято не обозначать в договоре полный размер приданого, потому что во время свадьбы этот договор зачитывали вслух, при гостях, и оглашение малой суммы могло смутить жениха или невесту из бедной семьи, чье приданое было крохотным. Писали в договоре только обязательный минимум приданого - двести злотых, а на остальное заключали дополнительный договор - "тосфот ктуба", который вслух не зачитывали. Бедные родители часто ограничивались тем, что содержали молодых два года после свадьбы, а одна бедная вдова подарила своему зятю - в виде приданого - место в синагоге, которое принадлежало ее покойному мужу. Бывало и так, что обиженный жених, не получив установленную сумму перед самым венчанием, отказывался идти под "хупу" - свадебный балдахин, когда в доме уже играла музыка, было полно гостей, и толпа во дворе синагоги дожидалась свадебного зрелища. Тогда вмешивались сваты и улаживали все к обоюдному согласию.

В брачном договоре часто указывали нестандартные обязанности мужа по отношению к жене: например, выкуп ее из плена. Жена теряла право на приданое, если она, к примеру, проклинала родителей мужа или скрыла от мужа до женитьбы какие-либо серьезные физические

недостатки. То же самое касалось и мужа: брак можно было расторгнуть из-за хронической болезни, которую он скрыл до свадьбы, или из-за его дурного поведения. Тексты брачных договоров отличались друг от друга, но примерно они выглядели таким образом - в сокращенном варианте: "В такой-то день недели, в такой-то день месяца, в год такой-то от сотворения мира... господин такой-то, сын господина такого-то, сказал девице такой-то, дочери господина такого-то: "Будь моей женой по закону Моисея и Израиля, и я буду для тебя работать, тебя чтить, кормить и содержать по обычаю мужей иудейских..., и я дам тебе и пищу, и одежду, и буду жить с тобой, как принято на всей земле"... И согласилась такая-то девица сделаться его женой. И приданое, которое она принесла ему из дома отца своего, как серебром, так и золотом, драгоценностями, платьем, домашними и постельными принадлежностями, принял на себя господин такой-то - жених..."

В Польше свадебный обряд совершали вне синагоги, на синагогальном дворе или на прилегающей площади, под открытым небом, чтобы потомство жениха и невесты было "многочисленно, как звезды небесные". Родные, близкие и толпа любопытных сопровождали жениха и невесту к месту свадьбы. Играл еврейский оркестр - скрипки, лютни, цимбалы и фубны. Под "хупой" жених надевал на палец невесте кольцо и произносил традиционную формулу: "Этим кольцом ты посвящаешься мне согласно вере и закону Моисея и Израиля". Раввин или кантор громко читали "ктубу"

- брачное обязательство и семь свадебных благословений, а затем жених разбивал стакан в память о разрушении Иерусалимского Храма, - и на этом свадебный обряд заканчивался. Свадьбы обычно справляли с большой роскошью, приглашали много гостей, даже из других городов, и подавали обильное угощение. Кагалы боролись против этой роскоши, которая вела к обнищанию общины, даже ограничивали количество гостей, приглашенных на свадьбу, но все эти запреты плохо действовали. Как писали тогда: "Пиршества по случаю свадьбы или обряда обрезания подчас обходятся евреям в такие суммы, на которые иные могут прожить полгода и более... Часто на такие пиршества приглашается большая часть жителей города, и всех их принимают широко... На устройство пиров тратят сколько возможно, и не один еврей закладывает ради этого последние свои одежды".

Обособленное положение евреев ограждало их от внешнего влияния, и их семейная жизнь выделялась чистотой и крепостью. Оберегая честь своих жен и дочерей, родители и мужья не останавливались ни перед какими жертвами. В городе Остроге дочерью раввина Авраама Кагана заинтересовался местный вельможа, и, узнав об этом, раввин немедленно, посреди ночи, покинул город со всей своей семьей и отправился в далекий и опасный путь, чтобы избежать бесчестия. Во избежание соблазна старались женить своих детей в раннем возрасте, особенно сирот, чтобы их тесть или свекор стал их опекуном и кормильцем.

Конечно же, изредка встречались и у евреев случаи нарушения супружеской верности, но они немедленно вызвали всеобщее суровое осуждение, да и сам согрешивший испытывал немедленную потребность в покаянии. В еврейских документах отмечен случай, когда один человек согрешил с замужней женщиной, а после этого немедленно явился к рабби Меиру из Люблина, который и предписал ему строгое искупление. Прежде всего, грешник должен был публично исповедаться в своем проступке в Люблине, Кракове и Львове, где его многие знали. После каждой исповеди в синагоге служка наказывал его тридцатью девятью ударами плетью по спине. После этого он должен был поститься целый год подряд за исключением праздничных дней, есть только по вечерам - без мяса, вина и водки, ежедневно после молитвы с плачем исповедоваться перед Богом и принимать от служки удары - но уже без свидетелей. Но и это еще не все! Рабби Меир из Люблина предписал ему спать на голом полу или на жесткой скамье, носить на теле грубый мешок вместо рубахи, мыться только накануне праздников, причесывать волосы раз в месяц, одеваться в черное, сидеть в синагоге возле двери, не смотреть на женщин, не слушать их пения и смеха - в течение трех лет. После этого срока он искупал свой грех, и никто не имел права напоминать ему потом о случившемся.

Другой еврей, согрешивший с замужней женщиной, тоже явился с повинной к двум раввинам и в точности исполнил весь обряд покаяния, который они ему предписали. Затем он переехал в Краков, но там в это время начались гонения на евреев. А если евреев постигают несчастья, то, наверняка, за грехи. Но существует ли больший грех, чем тот, который он совершил? И этот грешник принимает вину на себя, снова идет к раввинам и снова выполняет обряд покаяния.

Потому что человек, нарушивший чистоту семейных отношений, совершает огромное преступление: "он является разрушителем ограды всего мира".

Во время раздоров в семье раввинский закон очень часто брал под свою защиту обиженную жену. Рабби Шломо Лурье даже пригрозил отлучением одному влиятельному и ученому еврею, который плохо обращался со своей женой. Заботой о судьбе женщины объяснялся и старый обычай "условного развода". Когда муж уезжал по делам в далекие края и на долгое время, он оставлял жене разводное письмо, чтобы она была свободна в случае, если он не вернется домой к крайнему сроку. При тогдашних постоянных войнах и разбоях на дорогах, когда путники часто пропадали без вести, такая предосторожность была очень необходима: иначе бы сотни женщин оставались "агунами" (буквально - "связанными"), которые по закону не имели права вторично выйти замуж из-за отсутствия точных сведений о смерти пропавших мужей. Бывали случаи, когда турки или татары уводили в плен еврейских женщин, а затем их возвращали за денежный выкуп. Возникал вопрос: может ли муж жить со своей женой, которая побывала в плену и могла там стать жертвой насилия? Краковский раввин Йосеф Кац разрешил мужьям жить с женами, вернувшимися из плена, и строго запретил даже напоминать им о постигшей их беде.

Распространение слухов, порочивших честь женщины, сурово наказывалось. Измены случались чрезвычайно редко, считались почти невероятными, и один только слух об этом вызывал волнения в общине и немедленное вмешательство раввинов. Рабби Шломо Лурье приговорил к суровому наказанию одного молодого человека из Новогрудка, который оскорбил замужнюю женщину. Он должен был встать в синагоге во время службы с двумя зажженными свечами в руках и громко просить прощения сначала у Бога, а затем у оскорбленной женщины и у ее мужа. Еврейский суд был очень суровым, когда факт супружеской измены считался доказанным, но он же бывал снисходителен, когда существовали хоть малейшие сомнения. Раввины руководствовались в таких случаях талмудическим принципом, который гласит: "Дочери израильские должны считаться честными".

Еврейское население Польши и Литвы делилось тогда на три категории. Одни занимались торговлей и ремеслами. Для других религиозные занятия служили профессией: это были раввины, канторы, проповедники. А третьи занимались учением ради самого учения. Этим, последних, содержала община, или родители, или жена, которая вела торговлю, в то время как ее муж изучал Талмуд в бейт-мидраше или у себя дома. Раввины и проповедники обыкновенно приводили в пример два колена Израиля - Звулуна и Иссахара, которые в древности заключили между собой соглашение: колено Звулуна, занимаясь мореходством, не могло регулярно изучать Тору и содержало поэтому тех мудрецов из колена Иссахара, которые занимались только изучением Закона. Тем самым колено Звулуна получало свою долю в будущем мире: долю от тех благ, которые причитались Иссахару за его усердные занятия Торой. Такой вариант рекомендовался тем, кто не имел особых способностей к изучению Торы, а вместо этого работал, отдавал часть своего заработка ученому и мог рассчитывать на часть тех благ, которые получал этот ученый в будущем мире.

Евреи Польши и Литвы строили много синагог, и католическая церковь постоянно жаловалась, что "евреи понастроили себе в королевских городах синагог каменных и обширных красивее костелов и домов". Прежде всего надо было получить разрешение у короля, у местного епископа, у магистрата и у частного владельца, на чьей земле строили синагогу. И если крупные общины могли заплатить за это большие деньги, то евреям мелких общин часто приходилось ютиться в крохотных избах, которые не вмещали всех молящихся. Община не забывала заслуг того, кто добивался успеха в этом богоугодном деле, и в городе Луцке на надгробном камне Блюмы, дочери Песаха, скончавшейся в 1595 году, особо отметили, что она добилась разрешения на переделку и расширение местной синагоги.

В разрешении на строительство непременно оговаривались размеры синагоги, ее оформление, вид строительного камня, а для синагоги в городе Жолква было поставлено дополнительное условие: чтобы "впереди синагоги на той же площади возвести избу, которая заслоняла бы синагогу с улицы". Часто синагоги не разрешали строить выше окружающих домов, и чтобы зал для молитв получился высоким, опускали пол на несколько метров.

Здания синагог служили и для защиты жителей от нападения врагов, и их часто строили в виде крепостей с мощными стенами, за которыми можно было отсидеться в минуты опасности.

Синагога львовского предместья неоднократно служила убежищем во времена набегов,

грабежей и осад. Синагога города Острога выдержала обстрел русской артиллерии в 1792 году, когда нападавшие приняли это здание за крепость. (Легенда сообщает, что пули и ядра, попадавшие внутрь синагоги через окна, не причиняли никакого вреда тем, кто там прятался.) Казимежская синагога "в продолжение многих лет была единственным защищенным каменным зданием". Луцкая синагога была снабжена бойницами "для обороны со всех четырех сторон", пушкой и "людьми, способными к обороне", а синагоги в Жолкве, Тарнополе и Шаргороде стали пограничными постами на пути казацких и татарских набегов.

Евреи усердно заботились об украшении своих синагог. В люстрах тончайшей работы горели свечи, стоял семисвечник - в память храмовой "меноры", висела лампада с семью ветвями для фитилей, в которой постоянно горел огонь. Прихожане заказывали богато украшенные свитки Торы и дарили их синагогам. Особенно заботились о красоте "арон га-кодеш" - хранилища свитков Торы. В синагогах были драгоценные бокалы для обряда благословения, вышитые золотом покрывала для стола, на который клали свиток Торы при чтении, серебряные тазы для мытья рук. В Виленской синагоге "все было из серебра или золота, из парчи, шелка и бархата... Кресло для обряда обрезания было осыпано жемчугом, оковано серебром, с золотыми шариками, и на нем подушка, шитая золотом, а также шитое покрывало из шелка. На полу лежали персидские ковры, а все сосуды и чаши были серебряные, с позолотой". Невзрачные снаружи деревенские избы-синагоги были разрисованы изнутри по стенам и потолку тонкими затейливыми рисунками: листовым узором, молитвенными надписями, пейзажами Иерусалима, знаками зодиака, орлами, львами, тиграми и оленями, которые иллюстрировали изречение из Талмуда: будь отважен, как тигр, легок, как орел, быстр, как олень, и храбр, как лев - при исполнении воли Отца твоего Небесного.

Даже в домашнем обиходе каждый старался обзавестись серебряными бокалами для благословения, красивым покрывалом для субботней халы и подсвечниками из меди или серебра, в которых по субботам и праздникам зажигали свечи. Богатые люди заказывали свитки Торы и хранили их у себя дома. Было принято дарить молодоженам пару субботних подсвечников, а когда в семье рождался очередной ребенок, прибавляли по одному подсвечнику и по одной свече в канун субботы, чтобы ребенок рос здоровым.

Сохранились до наших дней имена нескольких еврейских мастеров. Хаим бен Ицхак Айзик Сегал расписывал деревянную синагогу в Могилеве. Арье Иегуда Лейб расписал миниатюрами пергаментный молитвенник, посвященный "старой и святой синагоге в Погребите". "Арон га-кодеш" в синагоге местечка Узляны вырезал из дерева искусный резчик Бер, чей отец, Израиль, тоже занимался столярными работами. Деревянную синагогу в Насельске строил Симха Вайс, сын строителя Шломо из Луцка; Вышгородскую синагогу строил Давид Фридлендер, а Лютомирскую и Злочевскую - Биньямин из Ласка. Бедный ремесленник Барух долгие годы мечтал о том, как синагога в Погребнице будет освещаться канделябрами его изготовления. Восемь лет подряд он собирал и скупал мелкие обрезки желтой меди, и еще шесть лет занимался этой работой. Его ханукальный светильник и светильник на четырнадцать свечей удивляли своей красотой еще в начале двадцатого века.

Евреи в своих общинах утверждали братства - религиозные и благотворительные. Были братства, члены которых после утренней и вечерней молитвы под руководством знатока изучали Талмуд; члены другого братства следили за тем, чтобы постоянно горели светильники перед "арон га-кодеш". "Существовало братство, - писал Натан Гановер, - члены которого вставали до зари и молились, проливая слезы по поводу разрушения святыни (Храма). А когда всходило солнце, вставали члены другого братства и читали псалмы целый час до начала молитвы... В каждой синагоге имелись "братства мудрецов", члены которых после утренней и вечерней молитвы публично обучали народ".

В каждой общине непременно существовало погребальное братство - "хевра кадиша", которое заботилось о местном кладбище. Члены этого братства посещали умирающих, читали возле них псалмы, молились за них в последние их минуты и затем совершали все погребальные обряды. В некоторых общинах это же братство заботилось о бедных больных, снабжало их лекарствами, ухаживало за ними во время болезни. Были еще братства для обучения бедных детей, для выдачи беспроцентных ссуд беднякам, для сбора приданого бедным невестам и для выдачи их замуж.

Профессиональные цехи ремесленников - портных, сапожников, мясников - имели свои свитки Торы, своих раввинов или проповедников, которые обучали их по субботам, а иногда и в будни.

И подобное существовало у польских евреев до двадцатого века. "Однажды на стоянке, - писал христианский ученый, который посетил Варшаву во время Первой мировой войны, - я заметил множество повозок, но ни на одной из них не было кучера. Если бы это случилось в моей родной стране, я бы точно знал, где их искать. Еврейский мальчик указал мне, как их найти. Во дворе был дом, на втором этаже которого находился "штибл" - помещение при синагоге для занятий и молитвы у еврейских возниц... Одна группа рьяно там училась, другая - горячо спорила по какому-то религиозному вопросу. Позже я обнаружил, что у ремесленников всех профессий... в еврейском районе есть свой "штибл". Я убедился также, что каждую свободную минуту, которую удастся урвать от работы, они посвящают изучению Торы. Когда они собираются в своем кругу, один просит другого: "Зог мир а штикл Тойре" (Расскажи мне немного из Торы)".

И как доказательство этого - хранящаяся в нью-йоркской библиотеке Еврейского научного института старая книга, на которой стоит штамп: "Общество дровосеков Бердичева для изучения Мишны".

В первой половине семнадцатого века некий еврей по имени Айзик построил за свой счет синагогу в Казимеже, и во время ее освящения толпа решила устроить погром. Среди евреев поднялась паника, но местный раввин предложил выход из положения: отобрать группу сильных и храбрых мужчин, одеть их в саваны, дать в руки длинные жерди и горящие свечи и в таком виде поставить их в полночь у кладбищенской ограды. При виде этих стражников погромщики решат, что мертвецы встали из своих могил, чтобы помочь своим братьям, и испугаются. И на самом деле, когда толпа подошла к еврейскому кварталу и увидела "мертвецов" в белых саванах, все с перепугу разбежались, и погром не состоялся.

С этой же самой синагогой связана легенда о том, как в городе Казимеже жил в конце шестнадцатого века рабби Айзик, сын рабби Иекеля. Однажды во сне ему было приказано отправиться за сокровищем в Прагу и отыскать его под мостом, который ведет к царскому дворцу. Когда сон повторился трижды, рабби Айзик собрался в путь и отправился в Прагу. Но мост день и ночь охраняла стража, и поэтому копать он не мог. Тем не менее он приходил к мосту каждое утро и бродил возле него до вечера. Наконец, начальник стражи заметил его и спросил, не ищет ли он чего-нибудь. Рабби Айзик рассказал ему о сне, который привел его сюда из Польши. Начальник стражи захохотал: "И ради этого ты притащился в такую даль?! Да если бы я верил снам, мне пришлось бы отправиться в Краков, потому что во сне я получил указание пойти туда и копать под печкой в комнате у еврея Айзика, сына Иекеля. Да, так его звали: Айзик, сын Иекеля!" И он снова захохотал... Рабби Айзик поклонился ему, вернулся домой, откопал из-под печки сокровища и на эти деньги построил молитвенный дом, который и по сей день стоит в Кракове и называется "синагога Айзика".

Раввин и общинный судья в Познани рабби Шабтай Шефтель Горовиц написал завещание своим детям в середине семнадцатого века и приказал хранить "эту тетрадь", но в то же время давать ее всякому, кто пожелает переписать для себя, потому что, как он говорил, "она содержит нравственную проповедь и жизненные истины". Он писал в завещании: "Следите тщательно за честным ведением дел и отдавайте, ради Бога, одну десятую часть своих доходов на нужды бедных... Гнев - источник скверны. Единственный результат гнева - вред здоровью. Все поступки человека в гневе глупы и сумасбродны. Остерегайтесь этого, не вредите своему телу, тем более - своей душе. Будьте приветливы с людьми. Высокомерие - дурное свойство, причиняющее человеку зло... Далее предостерегаю вас от ссоры. Сторонитесь ее, ибо она гнусна. Ссора - зло, губящее душу, тело и деньги. Она приносит гибель миру. Я в течение своей жизни успел убедиться, что люди, живущие в раздоре, беднеют и подвергаются многим бедствиям, которые не исчислить тут..."

"Также я вам завещаю не ссориться со своими женами, потому что жена - половина вашей плоти, а всякое сочетание совершается по воле Неба. Если жена слишком требовательна, скажите ей мягко: "Милая, ну что же мне делать? Большого я не могу заработать. Или ты хочешь, чтобы я, упаси Бог, крал или грабил?" Нет сомнения, что жена тут же послушается... А вы, дочери и невестки мои, а также ваши дочери и внуки! Держите своих мужей в почете и большой любви и не причиняйте им неприятностей. Если мужья рассердятся, удаляйтесь из дома, а когда пройдет гнев, возвращайтесь и укоряйте их, напоминая о моем завещании".

В пятнадцатом веке И.Гутенберг начал печатание книг наборными буквами, и евреи с восторгом встретили это изобретение, потому что рукописные книги стоили очень дорого и их

вечно недоставало. Первые еврейские типографы слагали в честь книгопечатания гимны и оды и основывали типографии лишь для того, чтобы распространять книги Священного Писания. В одной из книг итальянской типографии семьи Сончино был напечатан такой эпиграф: "Я, Гершом, сын Моше, печатник народа, владелец замечательной типографии. Имя мое вспомнится во все века. Я присмотрелся к волнениям изгнания, и видел я волны страданий. И усмотрел я, что Тору забыли, нет читающих Святое Писание, ибо нет средств для приобретения книг... Посвятивший себя Торе находится постоянно в нужде, к тому же ему тяжело во время постоянных гонений нести многие книги из города в город, из царства в царство. Посему я, Гершом бен Моше Сончино, энергично взялся за Божье дело и напечатал двадцать четыре книги Священного Писания в миниатюрном размере, чтобы были они у каждого человека днем и ночью..., чтобы читал он их лежа и стоя, чтобы без них не ночевал, чтобы он изучал их постоянно".

В шестнадцатом веке братья Шмуэль, Ашер и Эльяким Галич, научившись в Праге типографскому делу, поселились в Казимеже, открыли там свою типографию и с 1534 года стали печатать книги на иврите. В их же типографии была издана первая из дошедших до нас печатных книг на идиш - "Книга рабби Аншела". Вскоре братья приняли католицизм, но продолжали печатать еврейские книги. Евреи объявили им бойкот и отказались покупать их книги, но король Сигизмунд I особым декретом обязал кагалы Казимежа, Познани и Львова закупить у братьев весь запас книг - 3550 еврейских религиозных книг. Впоследствии Шмуэль Галич вернулся в иудаизм, поселился в Стамбуле и работал там простым печатником в еврейской типографии.

Кроме Кракова другим центром еврейского книгопечатания был Люблин, где в 1557 году напечатали Пятикнижие, а в 1559 году - Талмуд. Книгопечатание считалось у евреев "венцом всех наук", труд печатника - "святым ремеслом", и в издании книг видели путь к осуществлению пророчества Исаяи: "Полна будет земля знанием Господа". В конце семнадцатого века появилась типография в Жолкве, а в восемнадцатом веке - новые еврейские типографии в Олексинице, Кореце, Поричке, Межирове, Полонном, Славуте, Остроге, Дубно, Шклове, Гродно, Варшаве и Вильно.

В 1620 году еврей из Познани Ицхак бен Эльяким написал для своей дочери небольшую книжку, которая тут же стала чрезвычайно популярной среди еврейских женщин и многократно переиздавалась в семнадцатом веке. Называлась эта книга "Доброе сердце" и содержала, среди прочего, десять заповедей хорошей жены.

1. Будь осторожна, когда твой муж сердится. В этот момент не будь ни веселой, ни сварливой - улыбайся и говори тихо.
2. Не заставляй мужа ждать еду. Голод - отец гнева.
3. Не буди его, когда он спит.
4. Будь осторожна с его деньгами. Не скрывай от него свои денежные дела.
5. Храни его секреты. Если он хвастает, держи и это в тайне.
6. Не одобряй его врагов и не ненавидь его друзей.
7. Не возражай ему и не утверждай, что твой совет лучше, чем его.
8. Не ожидай от него невозможного.
9. Если ты будешь внимательна к его просьбам, он станет твоим рабом.
10. Не говори ничего такого, что задевало бы его. Если ты будешь обращаться с ним, как с царем, он будет относиться к тебе, как к царице.

ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ

Евреи на Украине. Ужасы времен хмельниччины. Война России с Польшей. Польское восстание против шведов - и разгром еврейских общин. Начало переселения на запад.

В первой половине семнадцатого века подходил к концу "золотой период" польского и литовского еврейства. У королей не было уже полноты власти, и духовенство поэтому могло диктовать свои условия, да и мещане, жители городов, при первой же возможности добивались от королей и от сеймов новых ограничительных законов против евреев. В конце шестнадцатого века им запретили жить в Витебске, в начале семнадцатого - в Киеве. В королевской грамоте было сказано: "Чтобы место пограничное не жидами, но людьми украинскими купеческими расширялось и множилось... ни один жид в городе Киеве чтобы не жил, дворов для жительства не покупал и не строил, и чтобы ни одного жида никто в городе Киеве к себе не принимал... и квартирую стоять у себя жиду не позволял". Там же, где не удавалось изгнать евреев из города, начинались погромы, избиения, ограбления лавок - испытанные средства в борьбе с конкурентом.

В первой половине семнадцатого века были погромы в Вильно, Бресте, Кракове, Люблине, Перемышле; ритуальные процессы - в Ленчице, Сандомире, Сельце, Сохачеве, Бохне, Кракове, Люблине, Перемышле. Все начиналось с антисемитской агитации, а заканчивалось выступлением мещан против еврейских купцов и ремесленников. Польско-литовское еврейство поневоле шло на уступки и подписывало невыгодные для себя договоры с магистратами городов, которые урезывали ее права в торговле и ремеслах, но это не ослабляло ненависти городского населения. Некий писарь при солеварне Ян Кмита писал в подстрекательской книжке "Ворон в золотой клетке, или жида в свободной Короне Польской": "Никто не живет в таком довольстве, как еврей в Польше: у еврея на обед всегда есть жирный гусь, жирные куры, а убогий католик макает кусок хлеба в слезы, которые льются из его глаз".

К этому времени шляхта и крупные магнаты уже всю использовали польских евреев для заселения украинских земель. До четырнадцатого века на Украине правили удельные русские князья, а затем ее территория отошла к Литве. Население преимущественно состояло из православных крестьян, которые жили на просторных и плодородных землях, вдалеке от центральной власти, и были воспитаны в духе вольностей. Великий князь литовский раздавал земли своим приближенным, но они не притесняли крестьян, потому что те могли в любой момент сняться с одного места и перейти на другое. Земли тогда было много, населения мало, и владельцы этих земель были рады и тому, что крестьяне уделяли им часть своих продуктов. В остальном никто не вмешивался в их жизнь и не посягал на их свободу.

По Люблинской унии 1569 года Южная Русь административно была присоединена к Польше, и польское господство распространилось на территорию Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств. Сразу же изменились условия жизни. Земля перестала принадлежать тем, кто ее обрабатывал, а стала собственностью землевладельцев. Польские короли дарили своим сановникам обширные поместья на плодородных землях по обеим сторонам Днепра, и колонизация Украины пошла быстрыми темпами. Паны привлекали поселенцев, обещая им на первых порах свободу от повинностей и платежей. На этих просторах с их огромными природными богатствами тут же возникли имения магнатов и шляхты, выросли города, замки, местечки. Крестьяне, поначалу соблазненные чрезвычайными льготами, дали привязать себя к земле и постепенно превратились в холопов, работавших на панов.

Среди колонистов появились и евреи. В городах Польши и Литвы, в перенаселенных еврейских кварталах, под постоянным враждебным давлением мещан и духовенства было трудно, неудобно и опасно порой жить, а на украинских просторах они могли сразу же применить на деле свои знания, опыт и деловые качества. Новые помещики жили в столице и в больших городах и не занимались хозяйством. Они охотно сдавали евреям в аренду свои имения, королевские старосты предоставляли им право собирания налогов, пошлин и крестьянских повинностей. Вскоре в их руках сосредоточились различные промыслы: производство селитры и поташа, ловля рыбы, дичи и питейное дело. Они брали в аренду корчмы, молочное хозяйство и мельницы. Численность евреев на Украине сразу же возросла. Разрослись общины в Луцке, Владимире Волынском, Ковеле, Остроге, Баре, Брацлаве, Виннице, Немирове, Тульчине. Прявились совсем новые общины в Белой Церкви, Богуславе, Переяславе, Стародубе, Чернигове и в других городах. Кардинал Коммендони, путешествуя по тем краям, оставил описание быта евреев: "В этих провинциях встречается большое количество евреев; они не внушают презрения, как в других местах. Они не перебиваются здесь постыдными заработками, ростовщичеством и исполнением всевозможных поручений, хотя и не отказываются от такого рода прибыли; владеют землей, занимаются торговлей и посвящают себя даже изучению

изящной словесности, медицины и астрологии. Они почти повсюду держат на откупе таможенный и провозной сбор. Они довольно состоятельны и не только принадлежат к числу уважаемых людей, но часто даже имеют таковых под своей властью. Они не носят никакого знака, отличающего их от христиан. Им разрешается даже носить саблю и быть вооруженными. Наконец, они пользуются правами прочих граждан".

К середине семнадцатого века уже определились те обстоятельства, которые и привели к страшной катастрофе. Паны были католиками, крестьяне - православными. Православие считалось у католиков "хлопской верою", его старались уничтожить путем насильственных церковных уний. На крестьян паны смотрели как на низшую расу. Они не только задаром обрабатывали панскую землю, но и платили множество податей - за пастбища, за мельницы, за рыбную ловлю, за каждый улей и за каждого вола. "Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного холопа все, что он зарабатывает, - писал иезуит Скарга, - но и убивает его самого, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова". Антагонизм был чудовищным, ничего общего не было у угнетаемого с угнетателем - ни веры, ни языка, ни народности. Ничто не могло смягчить отношения между паном и холопом, между католиком и православным, между поляком и украинцем. Но пан или магнат чаще всего был далеко, а непосредственно крестьяне сталкивались с евреем-арендатором. Формально он становился на место пана, в известной мере он получал ту власть над крестьянином, которая принадлежала землевладельцу, и должен был - по поручению пана - извлекать из крестьянина максимальный доход. Как писал один поляк, "мы сами (шляхта) обдирали крестьян только еврейскими когтями". Поэтому ненависть крестьянина была и против пана - ляха и католика, и против арендатора - чужака-еврея.

Впоследствии евреям приписывали самые невероятные злоупотребления против православного крестьянства, вплоть до того, что польские помещики, будто бы, отдавали евреям в аренду даже православные сельские церкви, и потому украинцы должны были просить у арендаторов-евреев права крестить своих детей, венчать новобрачных и отпевать покойников. В действительности же нет ни одного документального подтверждения, что евреи арендовали церкви, и только лишь поздние историки, знакомые по преданиям с теми временами, повествуют о "преступлениях" евреев. Но крестьяне тех времен не разбирались в том, кто больше виноват в их угнетении, а кто меньше. Украина взбунтовалась, и евреев истребляли наравне с ненавистными народу панами. Выхода не было нигде. Из Центральной Европы евреи бежали когда-то в Польшу - от ужасов крестовых походов, преследований времен "черной смерти" и ритуальных наветов. Из Польши они пришли на Украину - под давлением мещан и духовенства, которые вытесняли их из городов. Везде чужие, везде принимаемые для королевской и панской выгоды и везде притесняемые и истребляемые в периоды народных волнений. Так это случилось и на Украине. Год 1648. Восстание казаков во главе с Богданом Хмельницким, которого евреи называли "Хмель-злодей".

Центром крестьянской вольности была казацкая республика под названием Сечь, в степях, за днепровскими порогами. Туда часто убегали крестьяне, которые не дали себя закабалить и привязать к земле, и там они объединялись в дружины, во главе которых стояли атаманы. Эти вольные казацкие полки отражали набеги татар из Крымского ханства, а польское правительство пыталось организовать из них пограничное войско, что не всегда получалось. Это было полувойсковое, полукрестьянское сословие, которое не желало подчиняться кому бы то ни было, и в определенный момент оно и выступило, чтобы освободить Украину от власти "ляхов и жидов".

Еще в 1637 году казацкий атаман Павлюк пошел из Запорожья в Полтавщину и поднял крестьян против панов и евреев. "Повелеваем вам и убеждаем вас, - призывал он народ, - чтобы вы все единодушно, от мала и до велика, покинувши все свои занятия, немедленно собрались ко мне". В городах Лубны и Лохвица восставшие разрушили костелы и синагоги, убили ксендзов и около двухсот евреев. Бунт подавили польские войска, Павлюка казнили, всю дорогу от Днепра и до Нежина устали трупам посаженных на колы холопов. Права и вольности казаков ограничили, многих из них прикрепили к земле и обязали работать на панов, а за малейшую попытку к восстанию беспощадно наказывали. "И мучительство фараоново, - записано в малороссийской летописи, - ничего не значит против их тиранства. Ляхи детей в котлах варили, женщинам выдавливали груди деревом и творили иные неисповедимые мучительства". Эти

репрессии еще больше озлобили крестьян и казаков, и нужен был только повод для всеобщего народного восстания.

Весной 1648 года бывший Чигиринский сотник Богдан Хмельницкий заручился поддержкой крымских татар, собрал вокруг себя запорожских казаков, которые провозгласили его гетманом, и двинулся на поляков. Совместное казацко-татарское войско победило поляков при Желтых Водах и у Корсуни, и восстание тут же охватило все восточное Приднепровье. Отряды крестьян, горожан и казаков под предводительством атаманов Кривоноса, Гани, Морозенко, Тимофея Хмельницкого, старшего сына Богдана, громили польские поместья, убивали католиков и евреев, оскверняли и уничтожали без пощады костелы и синагоги. Даже "православные ремесленники и торговцы, - писал современник, - гибли за то единственно, что носили польское платье, и не один щеголь заплатил жизнью за то, что, по польскому обычаю, подбривал себе голову".

Евреи были для восставших польскими ставленниками, которые отвечали теперь за своих хозяев, и расправы сопровождалась чудовищными зверствами. Еврейский летописец Натан Гановер писал: "С одних казаки сдирали кожу, а мясо кидали собакам; другим наносили тяжелые раны, но не добивали, а бросали их на улицу, чтобы они медленно умирали; многих же закапывали живьем. Грудных младенцев резали на руках матерей, а многих разрывали как рыбу. Беременным женщинам распарывали животы, вынимали ребенка и хлестали им по лицу матери, а иным вкладывали в живот живую кошку, зашивали живот и обрубали несчастным руки, чтобы они не могли вытащить кошку. Иных детей прокалывали пикой, жарили на огне и подносили матерям, чтобы они отведали их мяса. Иногда сваливали кучи еврейских детей и делали из них переправы через речки для проезда... Татары же брали евреев в плен; их жен они насиловали на глазах у мужей, а красивых забирали себе в качестве слуг или наложниц. Подобные жестокости казаки творили повсюду, также над поляками, в особенности над их священниками". Русский историк девятнадцатого века Н. Костомаров писал: "Самое ужасное остервенение показывал народ к иудеям: они осуждены были на конечное истребление, и всякая жалость к ним считалась изменою. Свитки Закона были извлекаемы из синагог: казаки плясали на них и пили водку, потом клали на них иудеев и резали без милосердия; тысячи иудейских младенцев были бросаемы в колодцы и засыпаемы землею... В одном месте казаки резали иудейских младенцев и перед глазами их родителей рассматривали внутренности зарезанных, насмехаясь над обычным у евреев разделением мяса на кошер (что можно есть) и трэф (чего нельзя есть), и об одних говорили: это кошер - ешьте, а о других: это трэф - бросайте собакам!" Спаси могло только принятие православия, но евреи - в массе своей - шли сознательно на мученическую смерть, но не соглашались изменить своей вере. Десятки городов стали местом их гибели: Переяслав, Пирятин, Лохвица, Лубны, Немиров, Тульчин, Полонное, Заславль, Острог, Староконстантинов, Бар, Кременец и многие, многие другие. Бывало порой так, что некоторые города осаждали с одной стороны казаки, а с другой - татары, и евреи убегали к татарам, чтобы не попасть в руки к казакам, а те брали их в плен и отправляли в Стамбул. Для спасения пленных евреев Стамбула, Салоник, Венеции и Ливорно собирали большие суммы денег и выкупали несчастных.

С восточного берега Днепра восстание перекинулось в центральную Украину, к Киеву, а затем и в западную Украину, на Волынь и Подолию. Боясь оставаться в деревнях и местечках, евреи убегали в укрепленные города и попадали там в ловушку. В городе Баре, в Подолии, было шестьсот еврейских семей, и туда же из окрестных мест сбежались еще многие. Несмотря на отчаянное совместное сопротивление поляков и евреев, казаки сделали подкоп, взяли город, и атаман Кривонос "со всех жидов живьем шкуры посдирает". А в южнорусской летописи об этом сказано более конкретно: "Кривонос, Хмельницкого советник, у Батурина (то есть в Баре) ляхов да жидов больше пятнадцати тысяч выколочил".

В городе Полонном, на Волыни, около двенадцати тысяч евреев укрылись за стенами города и вместе с поляками защищались двое суток. Но из-за измены панских слуг, украинских гайдуков, казаки ворвались в город и истребили там около десяти тысяч евреев: кровь лилась потоками через окна домов. Известный кабалист рабби Шимшон и с ним еще триста евреев вошли в синагогу, надели на себя саваны и с молитвой встретили смерть. Спасшихся от резни татары увели в плен.

В Остроге, городе на Волыни, казаки убили в первый свой набег шестьсот евреев. На следующий год, когда евреи вернулись в город и начали заново отстраивать свои жилища,

казаки напали еще раз и убили оставшихся - триста человек. Спаслись только трое. Колодцы были наполнены убитыми младенцами. Большую синагогу превратили в конюшню. Еврейские дома разрушили до основания: казаки искали сокровища, будто бы закопанные в подвалах. Еще в начале двадцатого века возвышались на окраине города четыре холма: по преданию - места общего захоронения евреев тех времен.

В Заславле, городе на Волыни, осталось около двухсот евреев, больных и стариков, которые не смогли убежать. Они попросили, чтобы их убили на еврейском кладбище, что казаки и сделали. Всех загнали в кладбищенский дом, убили, дом затем сожгли, а синагогу разгромили и превратили в конюшню. В Погребище, местечке Киевского воеводства, вырезали "всех евреев, стариков, молодых, женщин и детей, всех, находившихся в нашем старом храме Божьем, в тот момент, когда происходило венчание молодой пары".

В Немирове, городе на Подолии, шесть тысяч евреев спрятались за крепостными стенами. 20 июня 1648 года казаки во главе с атаманом Ганей подступили к городу с польским флагом, чтобы обмануть защитников. Перед ними открыли ворота, казаки ворвались в город, и резня там была одной из самых ужасных в страшные дни хмельнитчины. Женщин насиловали, детей живьем кидали в колодцы, пытавшихся переплыть реку и спастись убивали в воде, которая на большом протяжении окрасилась кровью. Немировского раввина Иехиэля-Михеля нашли на кладбище и убили дубиной: сначала раввина, а затем и его старуху-мать. Казаки отбрали себе молодых евреек, крестили их насильно и брали в жены. Одна девушка попросила устроить венчание в церкви за рекой, и когда свадебная процессия двигалась по мосту, она бросилась в воду и утонула. Другая девушка уверила казака-жениха, что она умеет заговаривать пули, и уговорила выстрелить в нее, чтобы убедиться, что пуля не причинит ей вреда; таким образом она избавилась от крещения и от насильственной женитьбы.

В городе Тульчине Брацлавского воеводства шестьсот польских солдат и полторы тысячи евреев заперлись в укрепленной крепости. Поляки и евреи дали друг другу клятву отстоять город и не вступать в переговоры с казаками. Вместе с солдатами евреи стреляли с городской стены и даже бросались в атаку, преследуя врага. И тогда казаки, убедившись, что они не могут взять город, обещали полякам пощадить их, если те выдадут им деньги и имущество евреев. Евреи, узнав о предательстве, хотели перебить поляков, но глава местной иешивы рабби Аарон удержал их от этого, чтобы не навлечь на евреев ненависть всего польского народа. "Лучше погибнем, - говорил он, - как погибли наши немировские братья, но не подвергнем опасности наших братьев во всех местах их рассеяния". Войдя в город, казаки сначала забрали имущество евреев, а затем загнали их в сад, поставили знамя и объявили: "Кто хочет принять крещение, пусть станет под это знамя и останется жив!" Никто не согласился на измену, и казаки перерезали полторы тысячи человек, оставив в живых только десять раввинов - для выкупа. После этого они заявили полякам: "Как вы поступили с евреями, так и мы с вами поступим". И перерезали всех. С этого момента, говорит еврейский летописец, поляки уже держались союза с евреями, временными братьями по страданию, и не изменяли им.

Вести о передвижении казацко-татарского войска передавались из города в город и повсюду вызывали панику среди евреев. Ни на пощаду врага, ни на помощь православных соседей рассчитывать было нельзя. Оставалось только бежать с места на место, прятаться в лесах, искать спасения там, куда казаки еще не пришли. Натан Гановер писал: "И вот опять началось бегство. Кто имел лошадь и повозку - уезжал, остальные брали жену и детей и убегали, бросая дом с имуществом... Лошади с повозками шли в три ряда по всей дороге от Острога до города Дубно, на протяжении семи верст... По пути нас нагнали трое верховых и сказали: "Что вы тащитесь так медленно? Ведь враги догоняют нас, сейчас они в Межиричах, откуда мы едва спаслись". Тогда началась небывалая паника среди наших братьев..., многие женщины и мужчины растеряли детей в суматохе и убежали в леса и пещеры".

Евреи могли рассчитывать только на заступничество польских начальников, но восстание украинцев было повсеместным, а польские руководители народного ополчения - слабы и нерешительны. Лишь один из поляков, князь Иеремия Вишневецкий, успешно боролся с казаками и приходил на помощь евреям. Это он казнил немировских мещан за соучастие в резне, и евреи говорили о нем, что он "как отец о детях" заботится о них. Но этого было недостаточно. Закаленные в боях казаки побеждали поляков на поле боя, и уже ничто не могло остановить их. Десятки цветущих еврейских общин на Украине были разгромлены, и тысячи беженцев хлынули в польско-литовские общины, не затронутые бедствием.

А восстание охватило уже часть Белоруссии и Литвы. В Чернигове была уничтожена вся еврейская община, затем в Стародубе, оттуда казаки пошли на Гомель. В этом белорусском городе "враги совершили страшное избиение; били несчастных кольями, чтобы медленно умирали. Кучами падали мужья, жёны, дети. И не было им погребения, и псы и свиньи поедали валявшиеся трупы". По официальным донесениям в Гомеле "было побито жидов с женами и детьми больше двух тысяч, а ляхов с шестьсот человек; из белоруссов же никого не побили и не грабили". По местным преданиям из всей гомельской общины спаслась только одна еврейка, родоначальница семьи Бабушкиных.

Осенью 1648 года отряды казаков и татар стали совершать набеги на внутреннюю Польшу. Шляхта и евреи спасались в укрепленных городах. Общий враг сплотил их, и даже мещане-католики забыли на время свою вражду к конкурентам-евреям. Сообща сражались, сообща переносили все тяготы осады и сообща вели переговоры с неприятелем. Осадив Львов, Хмельницкий пообещал пощадить город, если ему выдадут евреев. Но магистрат ответил ему, что он не вправе распоряжаться евреями, которые подвластны королю и несут службу наравне с мещанами, не уступая им в мужестве. Кончилось тем, что Хмельницкий снял осаду, получив контрибуцию со всего населения, и евреям пришлось для этого продать серебро и ценную утварь из львовских синагог. Зато в Белограе, Грубешове и Томашове казачьи отряды вырезали всех евреев, и в еврейском сочинении тех лет под названием "Бедствия времен" сказано: "В Томашове сидели мальчики еврейские за учебным столом; враги, прибывши туда, придавили их столом к стене, так что ни один не остался в живых". Типичная картина того времени определена одной фразой в письме поляка-современника: "Жиды все вырезаны, дворы и корчмы сожжены".

Летом 1649 года на границе Волыни и Галиции стояли друг против друга огромные армии: польская и украинско-татарская. Казаки одолевали и чуть было не забрали в плен короля Яна Казимира, но татарский хан неожиданно перешел на сторону поляков. Из-за этого Богдан Хмельницкий вынужден был согласиться на ограниченные условия Зборовского договора, по которому из состава Польского королевства выделили казацкую Украину с территориями Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. Эта часть Украины признавалась автономной, охранялась казацкими войсками, управлялась православными чиновниками, а иезуитам и евреям было запрещено там жить. В договоре было сказано, что евреи не могут быть "ни владетелями, ни откупщиками, ни жителями в украинских городах, где казаки имеют свои полки... А которые жиды объявятся за Днепром, тех жидов в запорожском войске грабить и отпускать назад за Днепр".

С заключением мира жизнь стала на время спокойной. Король Ян Казимир разрешил евреям, насильно обращенным в православную веру, вернуться к вере отцов. Еврейские женщины, силой повенчанные с казаками, убегали от них и возвращались к своим семьям. Многие разыскивали своих мужей, не зная, погибли они или проданы в рабство. Коронный Ваад специально обсуждал вопрос о судьбе жен пропавших без вести евреев и принял постановление, облегчающее их участь, чтобы эти женщины могли вторично выйти замуж. В знак траура по мученикам Ваад запретил в течение трех лет носить шелковую, бархатную и шитую золотом одежду. Во всех общинах Польши и Литвы был установлен ежегодный пост с траурным богослужением в день Немировской резни - двадцатого сивана, и этот день совпал с давно установленным постом в память мучеников крестовых походов.

Но облегчить жизнь евреям в общинах Ваад был не в состоянии. Люди возвращались на старые свои места, но не было уже их домов и не было никаких средств к существованию. Был голод, болезни, моровая язва в тех краях - все это только усугубляло и без того тяжелое положение. Как сказано в сочинении "Бедствия времен": даже "старшины и прежние благодетели поступали в услужение, чтобы только иметь заработанный кусок хлеба". И тем не менее евреи благодарили Бога, радуясь наступлению мира.

Но казаки продолжали волноваться. Многие из них должны были расстаться со свободой и вновь стать холопами, а возвратившиеся шляхтичи мстили им теперь за прежние обиды. Вскоре между польским войском и казацкими отрядами произошло крупное столкновение. На стороне поляков сражался еврейский отряд в тысячу человек. Поляки победили, и тогда по новому договору в 1651 году евреям снова разрешили селиться на казацкой Украине, территория которой была уменьшена: "Жиды, как и прежде были жителями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских, так и ныне должны быть". Часть казаков ушла за Днепр, в пределы

Московского государства, и там возникли казацкие слободы - Харьков, Сумы и другие, составившие Слободскую Украину. Богдан Хмельницкий пытался сохранить свою автономную территорию, но в 1654 году отдал себя под защиту царя Алексея Михайловича, и под власть России отошла вся казацкая Украина. Тут же началась война между Москвой и польско-литовским государством, а с ней и новые несчастья.

Русские войска вошли в Белоруссию, Литву и в самую Польшу, и это принесло евреям огромные бедствия. Их снова грабили, убивали и изгоняли из завоеванных городов. Раввин Моше Ривкес писал: "Шайки русских и казаков рассыпались по всей Литве, завоевали Полоцк, Витебск и Минск и разоряли города. Казаки истребляли евреев массами и грабили их имущество. Когда страшное войско подошло к воротам Вильны... бежала оттуда почти вся еврейская община, одни на лошадях и повозках, другие пешком, неся малых детей на плечах. Далеко разносились вопли плачущих, и из моих глаз слезы текли ручьем". Не успевших убежать из Вильно перебили, и в пожаре, который бушевал семнадцать суток, сгорел весь еврейский квартал. Когда же беглецы вернулись, в городе свирепствовали эпидемии и голод, и многие от отчаяния покончили жизнь самоубийством. Местные мещане просили русского царя окончательно изгнать евреев из города, и царь Алексей Михайлович в своей грамоте предписал: "жидов из Вильны выслать на жительство за город".

Затем был взят город Люблин - после долгой осады. В праздничный вечер казаки подожгли синагогу, когда в ней было много молящихся, и во время пожара в еврейском квартале убили сотни человек. Произошла эта резня в праздник Суккот, и долгие годы затем этот праздник для люблинских евреев был днем памяти и плача. В городе Быкове в Белоруссии убили триста евреев, затем "огнем и мечом" разорили Пинскую общину и весь Пинский округ. Богдан Хмельницкий снова осадил Львов и потребовал выдать ему евреев. "Евреи, - писал он магистрату, - как враги Христа и всех христиан должны быть выданы нам со всем своим имуществом, с женами и детьми". И опять магистрат города отказался выдать евреев и откупился огромной контрибуцией.

В Витебске евреи вместе с поляками обороняли город от осаждавших его русских войск: копали рвы вокруг крепости, укрепляли стены, ходили в разведку и сражались. "Во время осады, - свидетельствовали польские дворяне, - евреи постоянно отправляли стражу, каждый из них имел вооружение и свое ружье для защиты; они имели у себя собственный порох и, не жалея здоровья, защищались и отражали неприятельские штурмы... Они позволили разбирать их дома и брать из них материалы, необходимые во время осады... и вообще во всем хорошо себя вели и оказывали помощь". Когда город взял московский боярин Шереметьев, казаки ограбили всех евреев и насильно окрестили; часть из них вместе с поляками отправили в ссылку - в Псков, Новгород и Казань, и многие пленные замерзли по дороге.

Когда русское войско взяло Могилев на Днепре, местные жители попросили московского царя выселить из города всех евреев, своих давних конкурентов. На это было получено согласие Алексея Михайловича: "а жидам в Могилеве не быти и жития никакова не имети". Не успели еще выполнить это распоряжение, как к городу подошло польское войско, и Константин Поклонский - православный шляхтич на русской службе - "принудил насильно" евреев "выступить из города для уменьшения многолюдства, вредного во время осады", и обещал дать им проводников в Литву. Но когда они собрались за городом, он выехал к ним со своим войском и перебил всех - мужчин, женщин и детей. Заупокойную молитву в день их гибели читали в синагогах Могилева еще в двадцатом веке.

Война России с Польшей продолжалась до 1667 года, и по Андрусовскому договору левобережная Украина - Малороссия, часть Киевщины вместе с Киевом, а также Смоленская и Чернигово-Северская земли перешли к Москве.

Но полоса бедствий на этом не закончилась. В 1655 году шведы вторглись в Польшу и быстро овладели страной, благодаря полной анархии, которая там царила. Они захватили весь центр государства, Великую и Малую Польшу, Познань, Калиш, Варшаву и Краков. Шведы относились к евреям терпимо и не истребляли их, а еврейские общины выплачивали им чрезвычайные военные налоги, которые те могли бы взять и так, путем реквизиции. Это и поставило евреям в вину, когда в Польше поднялось народное восстание против Швеции, во главе которого встал Стефан Чарнецкий, вожь партизанских отрядов. Летом 1656 года отряды Чарнецкого отвоевывали у шведов город за городом и громили еврейские общины под предлогом того, что евреи сочувствовали или помогали шведам. Были уничтожены общины

Бреста, Гнезно, Лешно, Плоцка, Ленчице и Калиша, многие синагоги разрушены, убитые насчитывались тысячами, а свирепствовавшие тогда голод и чума довершили опустошение. Улицы были завалены трупами, некому было их хоронить, и псы пожирали их. В еврейских летописях Стефана Чарнецкого называли "злодеем", "врагом" и "палачом в Великой Польше". Этот страшный период с 1648 по 1656 год наконец-то закончился, и евреи стали подсчитывать свои жертвы. Количество их исчислялось десятками тысяч человек, и число этих жертв за такой короткий период превысило еврейские жертвы всех крестовых походов и преследований во времена "черной смерти" в Западной Европе. Около семисот общин были разгромлены. В левобережной Украине не осталось ни одного еврея, и казаки запрещали им туда возвращаться. В больших еврейских общинах сохранилось по несколько семей, а мелкие общины совсем исчезли. Дома стояли разрушенными или пустыми, потому что прежние их обитатели либо бежали, либо были убиты или угнаны в плен татарами. Для выкупа пленных в Стамбуле был создан особый комитет, который собирал деньги в Турции и по городам Европы. Эта катастрофа произвела на европейских евреев ужасающее впечатление. "Такое бедствие не случалось с тех пор, как Израиль лишился своего государства", - писал один итальянский раввин. А Натан Гановер в своем сочинении с благодарностью вспоминал о том, как евреи выкупали из плена своих собратьев и помогали беженцам, попавшим "в Моравию, Австрию, Богемию, Германию, Италию, где их приютили, кормили, поили и одевали". Вернувшись на старое место в один из городов Польши, еврейский торговец, арендатор или ремесленник должен был начинать жизнь заново, на пустом месте, среди коренного населения, также разоренного войной. Именно поэтому некоторые евреи эмигрировали на запад: в Вену, Прагу, Амстердам, Гамбург и другие города, и об их польском происхождении напоминают и по сей день фамилии их потомков во всех частях света - Поляк, Полак, Полячек, Полякко, Поликер, Ляховер, Лехно. Укоренившись, казалось бы, прочно на польской земле, после очередного поворота событий евреи снова стали изгнанниками, на новом месте, в очередном враждебном окружении, и теперь они уже оглядывались назад, на Польшу, где оставили родные могилы, и оплакивали - уже издали - ту трагедию и те жертвы страшного времени. "Глаза мои истекают слезами над жестокой гибелью тех, кто прославлял единство Божие дважды в день, - писал рабби Шабтай Шефтель Горовиц, оказавшись беглецом в Вене. - Губил их меч на улице и ужас в домах. Мужчины и женщины, юноши и девушки, как овцы, подставляли шею под нож, не желая спасти свою жизнь служением чужим богам. Горько плачут плакальщики над растерзанными Священными книгами и свитками Торы, из которых враги изготовляли сандалии".

Этот трагический период стал поворотным моментом в истории передвижения евреев Европы. Если раньше шла эмиграция с запада на восток, то теперь она поменяла направление: в Германию, Моравию, Чехию и Голландию. Многие выдающиеся польские раввины и ученые, что бежали в Западную Европу от ужасов тех лет, вскоре стали раввинами и главами талмудических школ в крупнейших городах Европы. Раввинская наука, перенесенная некогда из Германии и Чехии в Польшу и Литву и достигшая там расцвета, перекочевала обратно на запад. Лучшие раввины Польши погибли в те годы или эмигрировали; талмудические школы пустовали в течение нескольких лет. Не случайно один из беженцев, рабби Моше Кац из Нароля, переселившись в Лотарингию, в город Мец, из которого евреи убежали когда-то в Польшу, писал: "Польша, ты была раем, средоточием учения и знания... ты славилась возвышенной ученостью, - но теперь ты покинута, овдовела и осталась одинокой". Еврейство Польши переживало тяжелые времена. "Тяжко согрешили мы перед Господом, - говорилось в воззвании Коронного Ваада. - Смута растет с каждым днем; все труднее становится нам жить; наш народ не имеет никакого значения среди других народов. Удивительно даже, как это, невзирая на все бедствия, мы еще существуем. Единственное, что нам остается делать, это объединиться в один союз, в духе строгого послушания заветам Божьим и предписаниям наших благочестивых учителей и вождей".

Рабби Шимшон из Полонного был убит казаками Хмельницкого 15 июля 1648 года вместе с десятью тысячами евреев того города. Еврейский летописец писал о нем: "И был между ними (жителями Полонного) муж разумный и проникательный, божественный кабалист по имени Шимшон из Острополя, к которому ежедневно являлся ангел-вещатель и обучал его тайной мудрости... И сказал ангел-вещатель Шимшону еще задолго до катастрофы, чтобы евреи взяли на себя великое покаяние, дабы смягчить роковой приговор неба. И проповедовал он много раз

в синагоге, призывая народ к покаянию, - и действительно было великое покаяние во всех городах, но было уже поздно, ибо приговор был уже подписан".

ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ

Надежды на освободителя. Ожидание прихода Мессии. Субботая Цви -лжемессия. Вера в него. Предмессианские приготовления. Переход Субботая Цви в ислам.

В жизни еврейского народа в странах рассеяния было много гнета, преследований, страхов перед завтрашним днем. Такая жизнь давала мало радости и спокойствия, и люди искали утешения в надеждах, что скоро наступят мессианские времена, придет избавитель Мессия - Машиах, и тогда все сразу же изменится к лучшему. Вера в Мессию - это тысячелетняя вера еврейского народа. Она помогала преодолевать гонения и изгнания, погромы и преследования, большие катастрофы и катастрофы малые.

Вера в избавителя, вера в идеальное будущее стала характерной чертой еврейского сознания. Каждый день читают евреи молитву о пришествии Мессии. Он будет из рода Давида. Он освободит Иерусалим, соберет со всех концов света народ Израиля, распределит его по коленам в Святой Земле и установит царство мира. Исполненный духом Божиим и справедливостью, Мессия заставит грешников силой своего слова отказаться от греха; у него не будет войска, и единственной его надеждой станет Бог. В таких идеальных условиях страна начнет процветать, другие народы придут к Мессии на суд и на совет, и плодами его справедливого правления будет мир и порядок в его владениях. "И волк будет жить рядом с ягненком, - говорил пророк Исайя, - и леопард будет лежать с козленком; и телец, и молодой лев, и вол будут вместе; и маленький мальчик будет водить их... Не будут делать зла и не будут губить на Моей святой горе, ибо полна будет земля знанием Господа, как полно море водами".

Существуют разные толкования будущих мессианских времен, но все они сходятся в одном: еврейский народ вернется на свою землю и заживет спокойно и счастливо под властью Мессии. "И будет в тот день, - говорил пророк Исайя, - Господь снова, во второй раз (протянет) руку Свою, чтобы возвратить остаток народа Своего, который уцелеет... И подаст Он знак народам, и соберет изгнанников Израиля, и изгнанных из Иудеи соберет от четырех концов земли... И будет жить народ мой в обители мира, и в жилищах безопасных, и в покоях тихих". Евреи верили в это везде и всегда; верили в это и евреи Польши. Но когда разразилась страшная катастрофа, и казаки Хмельницкого уничтожили сотни еврейских общин и оставили за собой неисчислимые жертвы, в сознании оставшихся в живых, истерзанных, осиротевших, отчаявшихся и обезумевших от ужаса созрела мысль: "Так жить нельзя!" Что-то должно свершиться теперь, немедленно, чтобы положить конец этим бесконечным народным страданиям. Один из беглецов писал в те страшные дни - в страстной мессианской тоске: "Боже, когда же наконец наступит время последних чудес? Ты видишь: Твои сыновья и дочери отданы в руки чужого народа. Покажи же нам чудеса, как во дни нашего исхода из Египта!" По удивительному совпадению 1648 год - начало ужасов хмельнитчины - был определен заранее, как год пришествия Мессии. По еврейскому летосчислению это был S408 год от сотворения мира, а в кабалистической книге "Зогар" имелось такое предсказание: "В шестое тысячелетие, по истечении 408 лет (S408), все подземные обитатели воскреснут, ибо сказано: в этот юбилейный год каждый из вас вернется в свой удел". Но вместо освобождения пришла гибель в тот год - многим и многим, одна из величайших катастроф Израиля, и это заставило задуматься над тайным смыслом подобного совпадения. Рабби Шабтай Шефтель Горовиц

писал: "В 408 году шестой тысячи, когда я надеялся выйти на свободу, злоумышленники решили искоренить Твой народ". Талмудист Шабтай Коэн вторил ему: "В год, когда моему воображению рисовался первосвященник из потомков Аарона, входящий в святилище Иерусалимского Храма, моя радость превратилась в печаль".

Потрясение было велико, но оно не уничтожило мессианских ожиданий. Наоборот, стали говорить, что эта катастрофа только подтверждает близость прихода Мессии. Ведь его пришествию, как известно, должны предшествовать великие потрясения, чудовищные кровопролития, нашествие варваров Гога и Магога, - все то, что в еврейской мистике называется "муками рождения Мессии". Казацкая резня на Украине - это и есть первый приступ родовых мук, начало того мучительного процесса, из которого выйдет очищенный и спасенный Израиль. Рабби Йехиэль-Михель, убитый казаками в Немирове, определил незадолго до своей гибели, что буквы имени Хмель (Хмельницкий) - это первые буквы слов такого выражения «а иврите: "Муки рождения Мессии наступят в мире". Некий польский раввин Эфраим высчитал, что числовое значение слов "хевлей Машиах" - "муки рождения Мессии" - равно числу 408. Так возник в глубинах народа новый мессианский порыв, и эта вера распространилась по всему еврейскому миру. Везде ждали спасения - с нетерпением, с глубокой верой в Мессию, который наконец-то освободит свой народ и приведет его в Святую Землю. И он должен был появиться, этот избавитель, которого так страстно ожидали, он не мог не появиться. Звали этого человека, которого приняли за Мессию, Саббатай Цви. Он настолько всколыхнул еврейские умы, так ему поверили, так пошли за ним беззаветно по пути к освобождению, так потом запутались, растерялись и раскаялись, - поистине, только время великих народных бедствий могло родить веру в подобного "освободителя".

Этот человек родился в турецком городе Измире, в бедной семье, в 1626 году, в девятый день месяца ав - в день национального еврейского траура по разрушенному Иерусалимскому Храму (в этот день по еврейской традиции должен родиться и Мессия). С детства Саббатай (Шабтай) Цви изучал Талмуд и кабалистические книги, и вскоре у него появились ученики, его ровесники. Вместе с ними он ходил к берегу моря, молился, распевал псалмы, и в городе быстро узнали о необычном поведении этого юноши. Отец женил его на молодой красавице, дочери купца, но Саббатай Цви избегал близости с женой, и родители жены заставили его дать ей развод. Его женили вторично, но он снова развелся. Он проводил ночи в пении и молитвах в окрестностях города, периодическими постами доводил себя до состояния экстаза, и все это привлекало к нему толпы почитателей. Его отец, став маклером английской фирмы, быстро и неожиданно разбогател, и это тоже приписали поведению его сына, Саббатая Цви.

Это было время ожидания прихода Мессии. По кабалистической книге "Зогар" делали заключение, что это произойдет в 5408 (1648) году. Христиане, со своей стороны, выводили из разных стихов Апокалипсиса, что в 1666 году должен произойти великий переворот в жизни еврейского народа: или же все евреи перейдут в христианство, или на самом деле появится еврейский Мессия и восстановит их государство на Святой Земле. И в душе молодого мистика, которого толпа уже давно считала святым, зарождается невероятная мысль: а не он ли тот самый, всеми ожидаемый Мессия, приход которого предсказывают кабалистические книги? В 1648 году началась кровавая резня евреев на Украине, и Саббатай Цви усмотрел в этих событиях наступление "предмессианских мук" Израиля. Он открыл свою тайну ученикам, и те с ним, конечно же, согласились: он, Саббатай Цви, призван освободить свой народ! И тогда он решился на смелый шаг: публично, в синагоге, он произнес четырехбуквенное имя Бога, которое разрешалось произносить одному лишь первосвященнику, да и то лишь раз в году, в день Йом-Кипур, во время богослужения в Иерусалимском Храме. Раввины города, естественно, возмутились, предали его анафеме и заставили покинуть город, и вместе со своими учениками и почитателями он отправился в Салоники, а оттуда в Стамбул. Жил он там роскошно, у его отца были деньги, и он не жалел их для сына.

В Стамбуле к нему примкнул местный проповедник, переписчик и знаток старинных рукописей Авраам Яхйини. Многие считают, что именно этот человек принес Саббатаю Цви некую старинную рукопись, якобы найденную в пещере, с одним удивительным пророчеством: "И родится сын у Мордехая Цви, в 5386 году, и назовут его Саббатай Цви, и он победит великого крокодила и лишит силы змею лютую. Он и есть истинный Мессия... Его царство будет вечным, и кроме него нет избавителя у Израиля... О нем пророчествовал Хавакук: "Праведник верой своей жить будет"... Современники будут его преследовать и оскорблять... хотя они -

равнины и вожди поколений. Он будет творить великие чудеса и пожертвует собой для прославления имени Господа".

Эта рукопись произвела на Саббатая Цви ошеломляющее впечатление. Он не допускал и мысли, что она поддельная. Он хотел верить, и он в это поверил. Ведь из первых букв слов пророчества, написанного на иврите, - "Праведник верой своей жить будет", - получалось имя Цви, его имя. Ведь за ним действительно шли почитатели, и его действительно преследовали равнины - все подтверждало пророчество из "старинной" рукописи. И, воодушевленный, он поехал из Стамбула в Каир. Там жил очень богатый еврей Рефаэль Йосеф Челеби, откупщик государственных пошлин и государственный казначей. Его дом был центром кабалистов Египта, он окружал себя мистиками и гадалателями, и он сразу же стал последователем Саббатая Цви и предоставил в его распоряжение все свое огромное состояние. Чтобы привлечь к Саббатаю Цви внимание евреев всех стран, было решено избрать Иерусалим центром движения, и Саббатай Цви отправился туда.

Ему было уже тридцать семь лет. Он жил в Иерусалиме, посещал гробницы великих людей, молился, плакал, ночами, при свете луны, пел грустные гимны. Проходя по улицам, он раздавал детям сладости и своей святой жизнью завоевал доверие многих жителей Иерусалима. В то время турецкий паша потребовал от иерусалимских евреев огромную сумму денег и пригрозил жестоким наказанием в случае неуплаты. Взять деньги было негде, и тогда Саббатай Цви поехал в Каир просить помощи у Рефаэля Йосефа. Тот сразу же выдал нужную сумму, и вся иерусалимская община благословляла Саббатая Цви - избавителя от серьезной опасности. Популярность его росла. Когда он приехал в город Хеврон, местные евреи окружили дом, в котором он остановился, и всю ночь смотрели через окно в освещенную комнату, как этот святой человек ходил взад-вперед по комнате и распевал гимны. Местный кабалист так описал его внешность: "С трепетом взглянул я на этого рослого, как кедр ливанский, человека с румяно-черноватым красивым лицом, с круглой черной бородой, одетого по-царски, с внушительным видом. Я не мог оторвать глаз от него во все время, когда он молился в синагоге и у гробниц праотцев". Когда Саббатай Цви был в Каире, еще одно событие привлекло к нему всеобщее внимание. Задолго до этого, еще во времена казацкого восстания на Украине, в одном из разгромленных местечек была взята в плен красивая девочка семи лет по имени Сарра. Ее родителей убили казаки на ее глазах, а ее отдали в монастырь, где она и прожила десять лет. Однажды ночью она убежала из монастыря через окно и спряталась на еврейском кладбище на окраине города. Наутро евреи нашли ее там - без платья, в одной только ночной рубашке. Сарра рассказала им, что ее покойный отец явился ей во сне и унес ее из монастыря на кладбище. Ее тайно переправили в Амстердам, чтобы она могла без помех вернуться в иудейство, и там она случайно встретила своего брата, которого давно уже считала убитым. Все эти события повлияли на ее психику, она стала истеричной и все время внушала себе, что предназначена к чему-то великому и небывалому. Узнав о появлении Саббатая Цви, она объявила себя будущей невестой Мессии. Слухи о странной девушке дошли до Саббатая Цви, и он заявил, что и ему свыше указано жениться на ней. Специальные послы поехали за Саррой, привезли ее в Каир, и в доме Рефаэля Йосефа была отпразднована их свадьба. Святой праведник и красавица-мученица - в глазах толпы это выглядело чудом.

Очевидно, Саббатай Цви был психически неуравновешенным человеком, и это проявлялось у него в чередовании приступов подавленности с необузданным возбуждением и веселием. Его последователи объясняли это его переходами от "озаренности" к "падению" или "покинутости", от восторженного "пребывания на высочайших ступенях" к духовной "бедности и нищете".

Именно в состоянии возбуждения он и совершал поступки, которые противоречили еврейским религиозным законам, а затем, когда "озарение" покидало его, "он вел себя как нормальный человек, - писал один из его почитателей, - и сожалел о странных поступках, совершенных им, ибо он переставал понимать их причину, как он понимал ее, совершая их". Возможно, Саббатай Цви так бы и остался одним из многих мистиков, которые после преследований времен хмельниччины грезил о своем мессианском призвании, не привлекая к себе всеобщего внимания, если бы не один из его самых блестящих последователей - Натан из Газы.

Этот человек родился в Иерусалиме в бедной семье, и звали его Натан Ашкенази. Его отец был разъездным сборщиком пожертвований в пользу бедняков Святой Земли, и от него Натан услышал много печальных рассказов из жизни евреев Европы, а особенно - евреев Польши. Он женился на дочери купца из Газы, поселился в этом городе, и его стали называть Натан из Газы

- или Натан Газати. Он изучал кабалу, увлекался мессианскими идеями, и когда появился Саббатай Цви, сразу признал в нем истинного Мессию - освободителя народа. По еврейской традиции предтечей Мессии должен быть Илья-пророк, и Натан из Газы стал уверять всех, что душа Ильи-пророка вселилась в него. Он исцелял беснующихся, изгонял из людей злых духов, пророчествовал, - и это он, двадцатилетний юноша, окончательно убедил Саббатая Цви в истинности его мессианского посланничества и предложил ему подробный план действий: организовать евреев всех стран, отправиться в Стамбул, свергнуть с престола султана и стать еврейским ца'рем на Святой Земле. Во все еврейские синагоги мира Натан разослал свое послание, которое наделало много шума: "Братья, сыны Израиля! Да будет вам ведомо, что родился Мессия наш в городе Измире по имени Саббатай Цви, царство которого скоро наступит. Он сорвет корону с главы султана и наденет на свою главу, а султан последует за ним, как раб-ханаанец, ибо ему принадлежит власть... И поедет верхом на льве наш Мессия и поведет всех евреев в Иерусалим... Так говорит Натан-Биньямин Ашкенази".

Вести о Мессии и послания его пророка Натана произвели переполох в Иерусалиме. Местные раввины опасались преследований со стороны турецких властей, и Саббатаю Цви пригрозили отлучением, если он будет продолжать свою агитацию. И тогда он переехал на родину, в Измир, откуда его когда-то изгнали. Теперь его встретили там с восторгом. За ним шел преимущественно простой люд: рабочие, рыбаки, мелкие торговцы. Несколька сот человек, мужчины и женщины, составили гвардию Саббатая Цви, которая охраняла его дома и на улице. Появилось много пророков и пророчиц, стариков, женщин и детей, которые в припадках и конвульсиях говорили о пришествии Мессии. Английский консул в Измире писал: "Там было более четырехсот мужчин и женщин, которые пророчествовали о наступающем царстве Саббатая. Даже еле лепетавшие дети повторяли его имя. Люди постарше падали сначала в изнеможении, изо рта у них текла пена, затем они говорили об избавлении и будущем счастье евреев, передавали свои видения о Сионе и торжестве Саббатая". Один из его противников, с которым толпа хотела расправиться, прибежал домой и увидел, что две его дочери бьются в истерике и пророчествуют о новом Мессии; после этого он смирился, попросил прощения у Саббатая Цви и стал его последователем. Это был массовый психоз, который действовал и на здоровых людей.

В Измире начались предмессианские приготовления. Люди бросали свои дела, проводили дни и ночи в синагогах, молились, постились, калялись; были даже такие, что зарывали себя по пояс в землю и стояли так целыми сутками, выдумывали самые невероятные покаяния, "подобных которым, - по словам современника, - никто не видел и никогда не увидит, пока не наступит истинное Избавление". Но люди не только калялись, но и ликовали, потому что появились, вроде бы, первые симптомы освобождения после шестнадцати веков рассеяния и страданий. Повсюду веселились, пировали, ходили по улицам города шумными процессиями, пели псалмы и специальные гимны в честь Мессии. Саббатай Цви ходил вместе со всеми и громко пел стих из псалма: "Десница Бога поднялась, десница Бога побеждает!" Теперь уже общий психоз влиял на его решения, и осенью 1665 года, в день еврейского Нового года, в синагоге города, при трубных звуках Саббатай Цви торжественно объявил себя Мессией. Он возвестил еврейскому народу, что чаша страданий переполнилась, день искупления настал, и он призван избавить народ от притеснений. "Ваша грусть и печаль, - объявил он, - должны превратиться в радость, и посты ваши да станут днями веселья, ибо вы не будете больше плакать. Радуйтесь, пойте и веселитесь, и дни, которые вы раньше проводили в печали, превратите в дни ликования, ибо я явился к вам!" Присутствовавшие ликовали: "Да живет наш царь, наш Мессия!"

Это были тяжелые и беспросветные годы для евреев всего мира. Народ жаждал избавителя, и потому с такой легкостью пошли многие за Саббатаем Цви. Саббатанское движение перешло границы Турции, захватило Ливорно, Венецию, Амстердам, а оттуда пошло по Германии, Венгрии, Италии, Австрии, Богемии, Моравии, Польше. Евреи заявляли христианам, что пришел их избавитель, и что отныне они не рабы. Самые нетерпеливые продавали дома и все свое имущество и со дня на день ожидали избавления и долгожданного сигнала, чтобы отправиться в Святую Землю. Некоторые кабалисты заявили, что для облегчения прихода "геулы" - избавления надо "проявить души, имеющиеся в потенции", то есть дать телесную оболочку тому запасу душ, которые имеются на небе. Для этой цели немедленно стали устраивать свадьбы, и в одних только Салониках обвенчали семьсот пар мальчиков и девочек.

Были, конечно, и противники этого движения, но их не хотели слушать, да и бороться против "целого народа" было невозможно. Все были уверены, что стоят на пороге удивительных событий. "В Амстердаме волновались и шумели, - писал современник. - На площадях и на улицах двигались толпы народа с веселой пляской под звуки барабанов; плясали и в синагоге, вынимали из ковчега свитки Торы в красивых покрывалах и выносили на улицу. Не обращали внимания на зависть и неприязнь христианского населения и всюду громко выкрикивали новые вести, не боясь насмешек христиан". Натан из Газы разослал по общинам специальные молитвы, и их тут же включили во вновь изданные молитвенники: "Тот, Кто дает спасение царям и власть сановникам..., пусть охранит, благословит и возвеличит нашего господина и царя Саббатай Цви, Мессию Бога Якова... и народы всех стран да поклонятся ему... Аминь". По еврейской традиции прежде должен прийти Мессия из рода Йосефа, который обречен на гибель в борьбе с воинством Гога и Магога, и только лишь затем придет истинный Мессия из рода Давида. Чтобы не было никаких сомнений, Саббатай Цви объявил в измирской синагоге, что он - настоящий Мессия из рода Давида, а его предтеча - Мессия из рода Йосефа - уже совершил свой подвиг в образе какого-то польского еврея, который погиб мучеником за веру во время казацкой резни. Это еще больше укрепило веру в него: в синагогах плясали со свитками Торы в руках, пели, играли на инструментах, удивленным христианам без страха отвечали: "Наш царь-Мессия пришел". Некая Гликель из немецкого города Хамельна писала в своих мемуарах: "Как велика была наша радость, когда стали доходить до нас письма о Саббатае Цви, - рассказать невозможно!... Мой тесть... прислал нам из Гамбурга две большие бочки со всякими продуктами и холстами; там были горох, копченое мясо, компоты из слив и сушеных плодов и другие припасы, которые могут сохраняться. Добрый человек полагал, что мы прямо поедем в Святую Землю. Больше года стояли у нас эти бочки, и только потом... мы вскрыли бочки и вынули все съестное; холст же хранился еще три года, ибо старик надеялся, что это пригодится ему в дороге".

Даже христиане заинтересовались этими известиями и перепечатывали сенсационные слухи о Саббатае Цви, которые приходили с Востока. Лондонские пуритане ожидали в 1666 году наступления апокалиптического "нового царства" и в спорах держали пари, станет ли Саббатай Цви в этом году царем в Иерусалиме.

Православный священник из Киева Иоанникий Голятовский написал для христиан специальную книгу под названием "Мессия праведный", чтобы слухи о Саббатае Цви не поколебали христиан в их вере. "Я написал эту книгу, - сказано в предисловии, - потому что на Вольни, в Подолии, в Литве и в Польше жидовское нечестие слишком высоко подняло рога свои, явился на Востоке, в Измире, какой-то плут Саббефа (Саббатай) и назвался жидовским мессиею, прельстив жидов ложными чудесами; он обещал им восстановить Иерусалим и Израильское царство, возвратить им их отечество и вывести из неволи. Глупые жида торжествовали, веселились, надеялись, что мессия возьмет их на облака и перенесет в Иерусалим, и где бы ни явилось облако, евреи похвалялись перед христианами, говоря, что облако пришло за ними... Иные по целым дням постились, не давали есть даже малым детям, и во время суровой зимы купались в прорубях, читая какую-то вновь сочиненную молитву... и много жидов умерло от суровой стужи, купаясь в холодной воде подо льдом. Тогда жида смотрели на христиан высокомерно, угрожали им своим мессиею и говорили: вот мы будем вашими господами. Ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы будут нашими пастухами, пахарями, жнецами: будут дрова рубить, печи нам топить и делать все, что жида им прикажут; вы должны будете принять иудейскую веру и поклониться нашему мессии. В то время некоторые малодушные и бедные христиане, слыша рассказы о чудесах ложного мессии и видя крайнее высокомерие жидов, начали сомневаться о Христе: точно ли он был действительный мессия; стали склоняться к вере в ложного мессию, напуганные угрозами о его строгости. Для того, чтобы христиане не тревожились вестями о ложном мессии и, не сомневаясь, верили, что Иисус Христос был истинный мессия, - я написал книгу эту". В январе 1666 года Саббатай Цви вместе со своей свитой отправился на корабле из Измира в Стамбул, чтобы свергнуть с престола турецкого султана и стать царем на Святой Земле. Весть об этом разнеслась по всем странам, и народ замер в ожидании перемен. Перед отъездом Саббатай Цви разделил весь мир между своими двадцатью шестью ближайшими приближенными и назначил их царями над этими областями. Говорят, что одним из кандидатов в цари оказался и некий измирский нищий Авраам Рубио. Общая вера в победу избавителя была

так велика, что многие богачи Измира даже предлагали этому нищему огромные деньги в обмен на его будущее царство, но он ни за что не соглашался.

Главы стамбульской общины опасались, что турецкий султан усмотрит в этих событиях начало еврейского восстания, и чтобы снять с себя всякие подозрения, они отправились к великому визирю и сообщили ему, что в столицу Турции прибывает человек, который называет себя избавителем еврейского народа. И когда корабль пристал к берегу, его уже ожидала там турецкая полиция. Саббатая Цви арестовали, допросили, и на вопрос: "Кто ты?" он ответил: "Я ученый из Иерусалима, уполномоченный для сбора пожертвований в пользу бедняков". После этого его заковали в кандалы и отвезли в крепость Абидос возле Дарданельского пролива, на полуострове Галлиполи. Некоторых его последователей смутило такое развитие событий, но заключение в крепость тут же объяснили таким образом: грехи народа еще недостаточно очищены, и Мессия должен их искупить своими страданиями. Это вызвало новый взрыв покаяния, и в синагогах не прекращался плач кающихся. А секретарь Саббатая Цви писал из Стамбула в дальние страны, что Саббатая приняли там с почетом, что он въехал во дворец султана верхом на льве, и что султан надел на него царскую корону и сделал своим помощником.

Сторонники Саббатая Цви подкупили коменданта крепости, и тот отвел ему несколько комнат и разрешил жить вместе с ним его жене, секретарю и приближенным. Его комната в крепости была устлана роскошными коврами и обставлена золоченой мебелью. Тысячи евреев приезжали со всех концов Европы поклониться царю-Мессии; приезжали делегаты из Египта, Германии, Голландии, Италии, Турции, Персии, Северной Африки и Эрец Исраэль. И когда они попадали к нему на аудиенцию, им казалось, что они видят перед собой еврейского царя в его дворце. Пышная обстановка, свита, теснящиеся в приемной люди со всех концов света - все это производило впечатление на посетителей, и рассказы об этом они разносили по своим общинам. Говорили о том, что это всего лишь краткая остановка на пути в Иерусалим, и крепость в Галлиполи стала как бы временной столицей Саббатая Цви. Начальник крепости брал с каждого посетителя деньги и разбогател на этом; цены за проезд на кораблях резко повысились; пустынный городок очень оживился к удовольствию местных жителей, которые получали хорошие доходы с приезжавших. Сама крепость Абидос была переименована верующими в "Мигдал Оз" - мистическую "Башню могущества", и даже самые непоколебимые противники Саббатая Цви засомневались и запросили стамбульских раввинов, правильны ли слухи о предстоящем избавлении. Это письмо попало в руки саббатрианцев, и они - из опасения перед турецкими властями - ответили в аллегорической форме: "Вы спрашиваете о молодом ягненке, которого купил Израиль Иерусалимский, сын Авраама, и по поводу которого возникло разногласие между родственниками, выгодна ли сделка, - то знайте, что товар лучшего качества, имеет сбыт во всех странах, и горе тому, кто в этом сомневается. По мнению опытных купцов, прибыль предстоит громадная. Надо только ждать большой ярмарки". Это письмо переходило из рук в руки, с него снимали копии и зачитывали вслух во многих синагогах Европы.

Из крепости Абидос рассылались декреты от имени "Саббатая Цви, Мессии Бога Яакова" - об отмене всех дней национального траура, а девятого ава 1666 года, в день своего сорокалетия, Саббатай Цви отменил даже пост в память разрушения Иерусалимского Храма. По этому поводу было разослано особое послание:

"Я

приказываю вам наступающее девятое ава праздновать торжественно, дорогими яствами и приятными напитками, иллюминацией и пением, ибо это - день рождения Саббатая Цви, вашего царя, наивысшего из царей земли..." Во многих общинах соблюдалось это распоряжение, несмотря на запреты раввинов. Каждая община разделилась на верующих и отрицающих, дело доходило порой до драк, а в Венеции даже убили одного еврея за то, что он не захотел встать во время чтения молитвы во здравие узника крепости Абидос. Сам Саббатай Цви разрешал убивать своих противников: "Кровь их разрешена, и убивающий таких людей даже в день субботний наследует рай".

Польские раввины, наиболее строгие ревнители еврейских законов, тоже послали в Стамбул своих представителей, двух уважаемых ученых, чтобы убедиться в том, действительно ли

Саббатай Цви обладает теми качествами, которые должны быть у истинного Мессии. В крепости их встретили с большим почтением, потому что придавали важное значение приезду послов из крупнейшего центра еврейства. Они стали рассказывать Саббатаю Цви о бедственном их положении и об ужасах времен хмельничины, но он прервал их, указав на книгу "Бедствия времен": "Не рассказывайте, - сказал он. - Вы видите эту книгу? Она не сходит с моего стола. Я одет в красное облачение, и свитки Торы одеты в красное, ибо близок день мести, и год избавления настал. Сообщите эту радостную весть всем нашим братьям". Затем Саббатай Цви молился, пел гимны, на словах "Вспомни, Боже, что стало с нами" - заплакал, и послы плакали вместе с ним. На прощание он передал им записку, в которой было написано: "Скоро я отомщу за вас и утешу вас, как утешает мать", и послы ушли от него очарованными, а их рассказы об этом визите производили повсюду огромное впечатление. "Эти двое ученых, - писал один из противников Саббатай Цви, - своими рассказами и писаниями затуманили всем головы в Германии и Польше".

Затем в крепость Абидос приехал из Польши известный кабалист Нехемия га-Коэн и принят был с большим почетом. Три дня и три ночи Нехемия провел наедине с Саббатаем Цви и спорил с ним о тех моментах, которые должны предшествовать появлению истинного Мессии. Доводы Саббатай Цви не убедили Нехемию, и спор закончился скандалом. Нехемия назвал его лжепророком, совратителем народа, который достоин смерти по библейским законам о лжепророке. Сторонники Саббатай Цви возмущались, хотели его даже убить, но Нехемия выбежал из крепости на площадь, объявил себя мусульманином и сообщил местным властям, что Саббатай Цви - самозванец, который вводит евреев в заблуждение и призывает к восстанию. Вероятнее всего, Нехемия прикинулся мусульманином только лишь для того, чтобы положить конец этому движению, - известно, во всяком случае, что затем он вернулся в Польшу, был правоверным евреем и вел жизнь бедного странника.

Об этом деле доложили султану Мехмету IV, и тот распорядился привезти к нему Саббатай Цви. Это вызвало тревогу и надежду у стамбульских евреев: одни из них верили, что он "идет сорвать венец с головы султана", другие опасались репрессий турецких властей. Советники султана посоветовали ему не казнить Саббатай Цви, чтобы тому не поклонялись потом как мученику, а попробовать обратить его в ислам: это бы лучше всего оттолкнуло от него его приверженцев. 14 сентября 1666 года к Саббатаю Цви явился придворный врач Гидон - еврей, перешедший в ислам, и объяснил, что за подстрекательство к мятежу его ожидает страшная и мучительная казнь, и что только принятием ислама он сможет спасти свою жизнь. Трудно сказать, что в тот момент повлияло на решение Саббатай Цви: боязнь ли казни, вера ли в необходимость еще одного тяжелого испытания, или же попытка внешним принятием ислама сохранить свою жизнь для иных подвигов, назначенных ему свыше. Когда его привели к султану, Саббатай Цви еще на пороге бросил на пол свою шляпу и надел на голову поданный ему турецкий тюрбан, что означало его немедленную готовность перейти в мусульманскую веру. Султану понравилась его покорность, и он возвел Саббатай Цви в чин придворного привратника и назначил ему жалованье. Его жена Сарра и близкие приближенные тоже стали мусульманами. Через девять дней после этого он написал в Измир: "Кончено. Господь сделал меня исмаильянином. Он повелел - и то свершилось. Брат ваш Махмет Капиги-Баши. В девятый день моего перерождения".

Дальнейшая его жизнь мало интересна. То он ревностно изучал Коран, то целыми ночами, рыдая, распевал псалмы Давида. Возле него опять сосредоточилась группа почитателей, и тогда султан сослал его в далекую и дикую Албанию. В день Йом-Кипур 1676 года, больной и одинокий, он скончался в захолустном балканском городке Дульциньо. Было ему тогда пятьдесят лет, и место его захоронения неизвестно.

Переход Саббатай Цви в ислам вызвал смятение среди евреев. Подавляющее большинство с ужасом отшатнулось от ренегата. Но многие не могли примириться с такой развязкой. Говорили, что он сделал это для того, чтобы войти в доверие к султану и выведать его финансы и силу. Говорили, что сделал он это для того, чтобы обратить в еврейскую веру многих мусульман. Говорили, что сам султан надел ему на голову тюрбан с царской короной и поставил во главе большой турецкой армии, которая пойдет в Польшу и отомстит за еврейских мучеников. Говорили, что это не он принял ислам, а его призрак, а сам Саббатай Цви вознесся на небо и скоро вновь появится для избавления еврейского народа. Надо только подождать. Он скоро вернется. Он закончит начатое дело. Его пророк Натан из Газы рассылал письма в разные

общины мира: "Крепитесь в вашей вере. Пусть вас не смущают странные слухи о нашем господине, ибо все его дела - чудесные опыты, и человеческий разум не может постичь их глубины. Скоро все выяснится, и по последствиям вы все поймете. Блажен тот, кто дожидется спасения от истинного Мессии, царство которого скоро откроется!" И некоторые продолжали в это верить. Когда народу плохо, обязательно должна быть хоть какая-то надежда на освобождение. Надежда на освободителя. Но Саббатай Цви не оправдал этой надежды. Современница событий, Гликель из Хамельна писала: "О, Владыка Небесный! Надеялись мы тогда, что Ты, Боже милостивый, сжалишься над своим несчастным народом Израильским и освободишь его; так надеялись мы, как надеется женщина, что после целого дня страданий и после ночи ужасных мучений придет избавление, и счастливые роды принесут и облегчение, и радость, - но наступило утро, и она родила лишь ветер. И так же Отец наш. Царь наш, случилось и с нами: рабы Твои, сыновья Твои, где бы они ни жили, исповедовались, молились, раздавали милостыню; весь народ Израиля снова и снова будто к великим родам готовился, но родился лишь ветер..."

Лжемессии появлялись в еврейской истории в разные времена и в разных странах, и все они заявляли, что их цель - восстановление еврейского царства. И всякий раз появление очередного лжемессии порождало многие надежды, а затем и горькие разочарования, раздоры в общинах, возникновение новых сект, а временами и отпадение от иудаизма.

Иосиф Флавий писал о появлении лжемессий за сто лет до разрушения Второго Храма, когда римляне все больше и больше теснили Иудею, и народ видел свое спасение только в приходе Мессии. "Появились люди... - писал Флавий. - Они обманывали и вводили в заблуждение народ... Народ действовал под их влиянием, как безумный, и шел за ними в пустыню, думая, что Господь удостоит их лицедреть предзнаменования свободы". Иосиф Флавий упоминает лжемессию по имени Теудас, который звал народ к Иордану и обещал, что река расступится перед ними; римская конница разогнала толпу, а его самого взяли в плен. Был некий еврей из Египта, который собрал тридцать тысяч человек, привел их к Масличной горе и обещал, что стены Иерусалима падут перед ними: римские солдаты рассеяли толпу, а лжемессия бежал. Был еще один мнимый избавитель, который повел многих в пустыню, где их перебили римские воины. И был даже лжемессия, который во время падения Иерусалима увлек за собой людей в горящий Храм - навстречу чудесам, где они и погибли в пламени.

Приход Мессии ожидали и в середине пятого века, и на острове Крит объявился некий Моше, который пообещал провести евреев в Святую Землю - пешком по морю. В назначенный им день его последователи собрались на берегу моря, по его сигналу бросились в волны, и многие утонули.

В конце одиннадцатого века, во времена Первого крестового похода, еврейские общины Византии ожидали пришествия Мессии. Беглецы с севера рассказывали о пережитых мучениях - предмессиянских страданиях и о том, что будто бы из-за "темных гор" уже двинулись к ним на помощь несметные полчища десяти исчезнувших колен Израиля, к ним присоединяются войска из Хазарии, и как только крестonosцы придут в Палестину и "наполнятся гумно", вот тут-то еврейские отряды и набросятся на них и начнут "молотить": так было обещано у пророка Михи - "Поднимись и молоти, дочь Сиона!" В Салониках уже говорили, что появился Илья-пророк, предтеча Мессии, что в него поверили даже христиане, и что будто бы салоникский епископ укорял местных евреев: "Чего вы ждете? Продавайте дома и вещи и идите в Палестину, потому что ваш Мессия уже выступил". Люди бросали все свои дела и собирались в синагогах, чтобы в посте и молитвах дожидаться того момента, когда их позовут в путь, в Святую Землю. В тот период лжемессии появлялись во Франции, в Испании и в Германии.

В двенадцатом веке, в Йемене, когда арабы насильно заставляли евреев принимать мусульманство, явился мнимый избавитель, который уверял, что подошли мессиянские времена, и призывал евреев разделить свое имущество среди бедных. Брожение среди евреев Йемена вызвало известное послание Рамбама, чтобы укрепить их в вере, - и это послание зачитывали во всех йеменских общинах. Рамбам писал об этом: "Меня беспокоила судьба тамошних евреев, и я написал им три послания по вопросу о царе-Мессии, его признаках и о знаменьях времени, когда он может появиться, причем внушил им, чтобы они предостерегли этого человека, чтобы он сам не погиб, а с ним не пострадали бы общины. Кончилось все это тем, что через год его схватили, а все приверженцы его разбежались. Один из арабских царей, схвативших его, сказал ему: "Что же ты наделал?!" А тот ответил: "Господин мой, царь, все это

я сделал по слову Божию". "Чем ты это докажешь?" - спросил царь. И тот сказал: "Отруби мне голову, а я тотчас же оживу и встану в прежнем виде". "О, это действительно большое чудо! - воскликнул царь. - И если ты его совершишь, то и я и весь мир поверим, что твои слова истинные, и что наши предки завещали нам пустые, бесполезные верования". Царь приказал подать меч, этому несчастному отрубили голову, и он погиб. Да будет его смерть искуплением для него и для всего Израиля! Евреи же во многих местах были наказаны денежными штрафами. Однако и теперь еще (спустя двадцать лет) там есть неразумные люди, которые говорят, что этот человек скоро воскреснет и встанет из гроба".

После отступничества лжемессии Натан из Газы продолжал утверждать, что именно "странные действия" Саббатая Цви служат доказательством истинности его мессианства: "Ибо если бы он не был Избавителем, он не знал бы этих отклонений. Когда Богу угодно засветить над ним Свой свет, он совершает многие странные в глазах людей поступки, и это доказательство его истинности". Радикально настроенные саббатрианцы полагали, что поступки Мессии служат для них образцом, и потому приняли ислам вслед за Саббатаем Цви. В отличие от них умеренные саббатрианцы считали, что не следует принимать ислам, потому что только Мессия достиг границ нового мира, в котором старые законы утрачивают свою силу. Впоследствии многие из умеренных отошли от саббатрианства и стыдились своего прошлого. Происхождение от предков-саббатрианцев считалось величайшим позором, особенно в девятнадцатом веке, и в некоторых общинах даже уничтожили все документы, которые могли бы указать на такое происхождение.

Поначалу пропаганда за отступника Саббатая Цви проводилась совершенно открыто, но когда прошли годы, и не сбылась надежда на его триумфаль^е возвращение из мира зла и нечистоты, саббатрианство ушло в подполье. Появились мелкие секты, во главе которых стояли ученики и родственники Саббатая Цви, выдававшие себя за Мессию.

Ссылаясь на указания Талмуда, что "Сын Давида придет только в такой век, который будет или совсем порочным или совсем невинным", саббатрианцы делали вывод: если уж невозможно стать святыми, то станем тогда грешниками. В саббатрианских сектах считалось, что зло может быть побеждено только лишь злом: все должны сойти в царство зла, чтобы победить его изнутри; что чем грязнее тело, тем чище душа, и потому идеалом святого является та степень, о которой сказано в кабалистической книге "Зогар": "Хорош внутри, но покров его плох".

Еще в начале двадцатого века в Салониках существовала саббатрианская секта "дёнме", что в буквальном переводе с турецкого означает - обращенный, перевернутый. В секте было около десяти-пятнадцати тысяч членов, они жили замкнуто, вступали в брак только между собой, выдавали себя за правоверных мусульман, но тайно исповедовали свою веру. Члены секты верили в единого Бога и в его пророка Саббатая Цви; верили, что настанет время, когда все евреи признают его и станут "мааминим" - "верующими" (в Саббатая Цви), а до этого нельзя вступать с ними в брак; верили, что загробная жизнь существует только для "мааминим"; во внутренней жизни соблюдали законы Моисея и имели свой суд, который разбирал дела между "мааминим" по законам еврейского права; запрещали кровавую месть, многоженство, разводы и употребление спиртных напитков. Каждый член секты имел два имени: одно для этой жизни, другое - для рая, и все они отмечали день девятого ава - день рождения своего учителя. Некоторые мусульмане в Турции и по сей день помнят о своей причастности к саббатрианской секте "дёнме".

ОЧЕРК ДВЕНАДЦАТЫЙ

Саббатрианские секты в Подолии и Галиции. Яков Франк и новое движение "франкизм". Диспут франкистов с раввинами и сожжение Талмуда. Второй диспут - и переход франкистов в католичество. Ева Франк и конец "франкизма".

После смерти Саббатая Цви мессианские идеи продолжали волновать польских евреев. Время тому способствовало: притеснения, угрозы, ритуальные процессы и погромы с их жертвами порождали к жизни прежние мечты об избавлении народа, мечты о достойной жизни на собственной земле. Особенно это проявилось в Подолии, которая в конце семнадцатого века почти тридцать лет находилась под властью Турции. Турецкие еврей-купцы приезжали туда на ярмарки и распространяли среди невежественной и суеверной массы учение саббатианцев. А из Подолии их влияние перешло уже и в соседнюю Галицию. Евреи этих областей отправлялись специально в Салоники, в саббатианские секты, и возвращались обратно с верой в новое пришествие Мессии, который в облике Саббатая Цви потерпел поражение только лишь за "грехи поколений".

В конце семнадцатого века некий еврей из Гродно по имени Цадок, "удостоившись озарения", разъезжал по городам, совершал чудеса и предсказывал, что Мессия явится в 1695 году. Современник писал о нем: "Это был простака и невежда. Рассказывали, что раньше он занимался винокурением и был даже неграмотен. Нечистая сила пристала к нему, и он вдруг стал пророчествовать, подкрепляя свои пророчества разными кабалистическими выражениями и выкладками". Но более известным провозвестником нового пришествия Мессии стал польский саббатианец Хаим Малах. Он долгое время провел в Салониках, Измире и Стамбуле в кружках саббатианцев, а воротившись в Польшу, стал учить в тайных кружках, что Саббатай Цви снова явится в 1706 году, то есть через сорок лет после своего вынужденного перехода в ислам, и освободит свой народ подобно Моисею, который сорок лет провел в земле мидиан, прежде чем Господь повелел ему освободить евреев из египетского плена.

Другой польский кабалист Иегуда га-Хасид тоже поверил в скорое наступление начала чудес и основал группу "хасидим" - благочестивых. Он путешествовал из города в город и в синагогах, со свитком Торы в руках, призывал народ к плачу, покаянию и непрерывным постам, чтобы ускорить пришествие Мессии. У него оказалось много последователей, и один из них, как сообщал современник, "известный своим благочестием еврейский ученый по имени Шимшон... шесть лет подряд почти ничего не ел... и кроме того совершал "голус", то есть вечное скитальчество, при котором нельзя оставаться два дня на одном месте и нужно носить волосяной мешок на голом теле... Когда Шимшон по вычислениям нашел, что число его грехов слишком велико для того, чтобы этим путем он мог добиться прощения, то он решил заморить себя голодом... Это сделалось известным во всем крае, и евреи стали почитать покойного как святого".

Вскоре Хаим Малах вместе со своими последователями вошел в группу "хасидим", их количество значительно возросло, и тогда они решили переселиться в Эрец Исраэль, чтобы там уже дожидаться пришествия Мессии. В начале 1700 года несколько сот человек отправились в путь. Они шли пешком, останавливались в городах и местечках, и их предводитель рабби Иегуда га-Хасид, одетый в белый саван, бил себя в грудь, рыдал, призывал евреев к духовному очищению для скорейшего избавления гонимого народа. В пути к ним присоединялись новые последователи, и скоро их количество возросло до полутора тысяч человек. Это было организованное шествие людей, поглощенных одной идеей, которые шли в Святую Землю для встречи со своим освободителем. Только тяжкая, беспросветная и неприкаянная жизнь могла дать толчок к такому походу. Около пятисот человек погибли в пути, Иегуда га-Хасид скончался через три дня после прихода в Иерусалим, а его последователи стали бедствовать, живя подаянием, пока не разбрелись постепенно по разным странам. Одни из них приняли ислам в Турции и примкнули к тайным саббатианцам, другие вернулись в Польшу, и лишь малая их часть осталась в Иерусалиме. Хаим Малах некоторое время жил в Эрец Исраэль, в его кружке тайно совершали символические богослужения, даже плясали, вроде бы, перед деревянным изображением Саббатая Цви, - но потом его изгнали из Иерусалима, и он умер в Польше.

В Подолии и Галиции существовало много тайных саббатианских кружков, и последователей этой ереси называли в народе "шабсицивники" или "шабси": по имени Шабтай - Саббатай. Одни из них постоянно каялись, постились и "скорбели о Сионе", а другие, наоборот, позволяли себе разные излишества и распутства. "Были между ними и такие, - писал современник, - которые доходили до крайней степени преступности и перевернули вверх дном всю веру, считая Божественные заповеди грехами, а грехи - богоугодными делами. Они разрешали себе прелюбодеяние, воровство, ложные клятвы и делали это с намерением, чтобы насытить

нечистую силу и тем ускорить пришествие Мессии". Против "шабсицивников" выступили раввины главных общин Польши, и в 1722 году в торжественной обстановке - при трубных звуках и потушенных свечах - был провозглашен "великий и страшный херем" против всех саббатанцев, которые к определенному сроку не сообщат публично о своем раскаянии. Через несколько лет после этого снова провозгласили отлучение "всех верующих в Саббатай Цви, да сотрется имя его!" - во Франкфурте, Праге и Амстердаме. В воззвании амстердамских раввинов было сказано: "Когда-то из Польши исходила Тора, а теперь оттуда разносится зараза по другим странам". А еврейский летописец того времени писал: "Нет страны, где евреи занимались бы так много мистическими бреднями, чертовщиной, талисманами, заклинанием духов, как в Польше".

Некоторые сектанты публично покаяться в синагогах - с воплями и плачем, ходили затем в черном и исполняли все обряды траура, но многие продолжали придерживаться этой ереси, только теперь они стали еще больше прятаться и скрывать свои убеждения. В глухих углах Подолии, Галиции, Буковины, Валахии и Венгрии существовали группы людей, которые втайне исполняли саббатанские обряды. Они утешали друг друга, что когда наконец-то придет долгожданный освободитель, все паны немедленно отдадут евреям своих лошадей с каретами, сами сядут на облучки и повезут их к Мессии. Рассказывали, что в галицийском городке Надворная польский пан, услышав про это, велел поставить всех своих лошадей во двory к сектантам, чтобы те кормили их. "Если вы хотите уехать на моих лошадях, - сказал он, - то кормите их пока что овсом и сеном". Сектанты чуть не разорились от этой проделки будущего своего "кучера" и с трудом откупились от него.

В этой среде и в этой атмосфере ожиданий и появился в восемнадцатом веке человек по имени Яков Франк и дал начало новому движению, которое известно в еврейской истории под названием "франкизм".

Он родился в 1726 году в маленьком местечке в Галиции, и настоящее его имя Яков Леибович, или Яков бен Лейб. Его отец был тайным саббатанцем и подвергался преследованиям за это, а Яков еще в детстве выделялся необузданным характером, неохотно учил Талмуд и навсегда остался, как сам говорил, "простаком". Сначала он был приказчиком в лавке, а затем сопровождал странствующего еврейского торговца, который развозил по городам и местечкам ювелирные и галантерейные изделия. Во время поездок в Турцию Яков познакомился с саббатанцами, и свобода их нравов пришлась ему по душе. В Измире он изучал практическую кабалу и учение саббатанцев, и там же он получил прозвище Франк, или Френк, - так обычно называли на востоке выходцев из Европы. Франк торговал драгоценными камнями и восточными материями, разбогател и в Никополе женился на четырнадцатилетней красавице Хане, дочери местного купца. Его богатство и умение подчинять себе людей привлекали к нему многих последователей, и это обстоятельство, возможно, пробудило его честолюбие. Франк задумал стать во главе турецких саббатанцев, и для этой цели перешел в магометанство, но те его не приняли, и ему пришлось вернуться в Польшу. В 1755 году он образовал в своем родном местечке первую группу франкистов, двенадцать человек, и стал завязывать связи с тайными саббатанскими группами Польши.

Яков Франк учил, что единый Бог состоит из трех начал: Первопричина или Святой старец, Святой Царь и Святая Владычица-Шехина. Самое доступное миру начало - это "царственное", или Святой Царь, который воплощается время от времени в человека - Мессию. Сначала это был Саббатай Цви, а затем, после нескольких последовательных превращений, им стал Яков Франк. Вера в этого Мессию и создает гармонию между мужским началом - Первопричиной и началом женским - Святой Владычицей: к этому и сводится, собственно, весь смысл человеческого существования. Еще учил Франк, что человеческие страсти являются искрами Божьими и томятся в человеке, не находя выхода, потому что, якобы, Талмуд и раввинское законодательство их осуждают. Поэтому необходимо устранить все, что препятствует проявлению в человеке Божественных сил для установления окончательной гармонии в Божестве. В сущности, и Саббатай Цви еще до Франка провозглашал веру в свое мессианское призвание и борьбу с талмудическими и раввинскими предписаниями. Но Саббатай Цви и его последователи верили в политическое восстановление Израиля, а Франк это отрицал. "Мессия, - говорил он, - о котором возвещается у пророков, никогда не придет, и Иерусалим веками не возродится". "Все, что делалось до сих пор, - учил он, - имело целью сохранение еврейского народа; теперь же больше надобности в этом нет".

На первых порах франкисты действовали с большой осторожностью, собирались тайком, по ночам, за наглухо закрытыми дверями и окнами и совершали свои мистические обряды, возбуждая себя плясками, пением и эротическими движениями. Часто это заканчивалось попойками и превращалось в оргии. Все это оправдывалось учением Франка о "бездне, в которую мы все должны сойти"; путь к избавлению видели в "попирании стыда" и в моральной деградации человека, потому что тот, кто опускался на самое дно, считали они, скорее других может увидеть свет. Ведь недаром Франк провозглашал: "Я пришел избавить мир от всяких законов, существовавших до сих пор".

Одно из тайных сборищ во главе с самим Франком было обнаружено случайно в подольском местечке Ланцкорон во время ярмарки 1756 года. Любопытные подглядели через щель, как сектанты танцевали обнаженными и выкрикивали имя Саббатая Цви, а некоторые уверяли, что обнаженной была только одна женщина, изображавшая, очевидно, Святую Владычицу. Разразился скандал. Сбежались на шум евреи, пан-владелец со слугами, местный судья, раввин с синагогальными служками. Полиция арестовала восемь сектантов, остальные в страхе разбежались, а Якова Франка, как турецкого подданного, на другой день выслали из Польши. Возмущение среди евреев было всеобщим. Провели следствие, на котором выявились чудовищные подробности. Женщины сознавались, что во время сборищ отдавались чужим мужчинам в присутствии своих мужей, так как им было внушено, что этого требует закон. Франкисты уже не могли надеяться на пощаду, и в Бродах, на заседании раввинов крупнейших польских общин, их предали отлучению: "Пусть они будут выделены из всякого еврейского общества, пусть их жены и дочери считаются блудницами, их дети - незаконнорожденными, чтобы они не смешались с нами". Это отлучение подписали четырнадцать раввинов, и под заглавием "Острый меч" оно было отпечатано и разослано по всем еврейским общинам, где его зачитывали в синагогах - при трубных звуках и потушенных свечах.

Сторонников Франка преследовали повсюду, домовладельцы выселяли их, купцы не хотели вступать с ними в торговые отношения, в синагоги их не впускали, а на улицах часто оскорбляли и били. Бывали случаи, когда франкистам даже отрезали бороды и в таком виде водили по улицам. И тогда Франк и его последователи пошли на сближение с католическим духовенством. Они заявили подольскому епископу юдофобу Дембовскому, что отрекаются от раввинского иудаизма, ведут борьбу против Талмуда, признают кроме Библии священной книгой только книгу "Зогар", и что их учение о трех началах единого Бога близко к христианскому учению о троице, а их вера в божественность души Мессии близка вере христиан в богочеловека.

Духовенство заинтересовалось этой сектой. Епископ Дембовский освободил арестованных франкистов, разрешил им поселиться в окрестностях Каменец Подольского и распространять среди евреев новую свою веру. Чтобы упрочить свое положение, франкисты предложили Дембовскому провести диспут между ними и учеными раввинами. Они даже представили епископу свой манифест, манифест "контргалмудистов" из девяти пунктов, который должен был послужить темой для диспута. Там были, к примеру, такие пункты: Талмуд наполнен богохульством и его следует отвергнуть; Бог может принять облик человека и подвержен всяким страстям, кроме греха; Иерусалим никогда не будет восстановлен, и Мессия больше уже не придет. Раввины попытались уклониться от этого религиозного спора, но Дембовский распорядился привезти их принудительно, - и тогда раввины подчинились, приехали в Каменец Подольский, и диспут состоялся.

Диспуты евреев с иноверцами известны еще со времен Римской империи, но особенно много их было в период раннего христианства. Христианская литература тех времен полна вымышленными диалогами христианина с евреем, каждый из которых заканчивался одной и той же фразой: "Еврей, не имея ответа на поставленный ему вопрос, уступил и обнял христианина". Но на деле часто случалось совсем не так, потому что евреи были блестящими знатоками Священного Писания, и с ними было нелегко спорить. В тринадцатом веке появились миссионеры из ордена доминиканцев, которые навязывали диспуты по вопросам веры, и в частных беседах с ними евреи позволяли себе невероятно смелые ответы. Один священник спросил: почему у вас, у евреев, нет колокольного звона в синагогах? Еврей повел его на рынок, где они слышали крики торговцев дешевой рыбой, которые зазывали покупателей в свои лавочки. Потом они подошли к тому ряду, где продавали дорогие сорта рыбы, и там зазывал не было. "Вот видишь, - сказал еврей, - владельцы хорошего товара не

зывают к себе, потому что сам товар говорит за себя, и поэтому у нас нет колокольного звона". Такие ответы нередко возмущали христиан и подталкивали их на расправы, но во времена инквизиции евреи уже побаивались высказывать вслух свои доводы. Папа Григорий IX вообще запретил христианам вступать в споры с евреями, чтобы простодушные католики не запутались в сетях неверия, а французский король Людовик Святой даже сказал однажды такую фразу, которая была специально записана для потомства: "Никому, - сказал Людовик, - за исключением людей весьма ученых, не следует разрешать вступать в спор с евреями; если, однако, кто-либо услышит речи, поносящие христианскую веру, то он должен защищать ее мечом и вонзить его в тело еврея как можно глубже". В 1239 году Людовик Святой приказал четырем видным раввинам Франции ответить монаху Николаю Донену, крещеному еврею из Ла-Рошели, который утверждал, что в Талмуде содержатся выражения, оскорбительные для Христа и христиан, а также всякие безнравственные высказывания. Раввины опровергли во время диспута все обвинения Донена, но особый трибунал вынес приговор - сжечь Талмуд. И на одной из площадей Парижа в торжественной обстановке были сожжены еврейские книги - двадцать четыре воза книг. По этому поводу рабби Меир из Ротенбурга написал элегию, которая начиналась такими словами: "Спроси, спаленная огнем, что случилось с теми, кто рыдает о страшном жребии твоём!" Были затем диспуты между евреями и христианами (чаще всего крещеными евреями) в Испании, Португалии, Италии и Германии; некоторые из них заканчивались гонениями или даже изгнанием; и в восемнадцатом веке подольский епископ Дембовский снова заставил евреев ответить на вызов, и снова их обвинителями стали бывшие их единоверцы.

Диспут проходил в июне 1757 года в городе Каменец Подольском, но Франк на нем не присутствовал. Франкисты выставили восемнадцать ораторов: Лейба Крысу из Надворной, Элишу и Шломо Шора из Рогатина и других. Им возражали двадцать шесть раввинов, среди которых были рабби Мендель из Сатанова, рабби Лейб из Меджибожа, рабби Йосеф из Могилева в Подолии и рабби Бер из Язловца. Диспут проходил в течение восьми дней, "с утра до вечера, день за днем, исключая праздники". Раввины плохо говорили по-польски, боялись откровенно высказываться по поводу христианских догм, опасаясь будущих гонений, а на стороне сектантов были умелые переводчики из католических богословов и симпатии судьи диспута епископа Дембовского. Раввины доказывали, что Талмуд не содержит в себе оскорбления для христиан, но исход дела был заранее предreshен. Епископ объявил франкистов победителями на диспуте; жителей местечка Ланцкорон приговорил к крупному штрафу в пользу "пострадавших", зачинщиков нападения на сектантов - к телесному наказанию, а Талмуд - к сожжению. В постановлении было сказано: "Экземпляры Талмуда конфискуются, привозятся в Каменец и публично сжигаются рукой палача". Этим же постановлением мужья-франкисты силой могли вернуть себе прежних своих жен, которые самовольно ушли от них. Раввины пытались напомнить о своих привилегиях, об автономии в религиозных вопросах и о неприкосновенности священных книг, но это не помогло.

18 октября 1757 года в Каменец Подольском франкисты передали палачу полный экземпляр Талмуда, а тот уложил книги в мешок, привязал его к хвосту лошади и поволок на рыночную площадь. "Там горел большой костер, - писал современник, - палач вытаскивал из мешка один том за другим, раскрывал его, показывал народу еврейские листы и бросал в огонь. Раввин и прочие евреи разразились громким плачем". По всей Подолии полицейские в сопровождении торжествующих франкистов врываются в дома раввинов, в синагоги и школы и конфисковывали экземпляры Талмуда. Обозы с книгами шли по дорогам Подолии в Каменец, а там их кидали в ров и сжигали.

Казалось, уже ничто не спасет священные книги, но неожиданно произошло "чудо": епископ Дембовский вдруг заболел и умер через три недели после первого сожжения Талмуда. Суеверные священники усмотрели в этом событии Божие наказание и сразу охладели к сектантам, а те горько оплакивали смерть своего покровителя, потому что для них тут же наступили тяжелые времена: "евреи берут верх над нами", писали они в своей хронике. И действительно, правоверные евреи, ожесточенные гонениями на Талмуд, яростно обрушились на отступников. Один из них - Элиша Шор, почитаемый франкистами за "святого", был убит, многие бежали в турецкую Молдавию, но и там евреи их преследовали. Так они и скитались по деревням вдоль польско-турецкой границы, пока не выхлопотали у короля Августа III

охранную грамоту с разрешением вернуться в Польшу тем, которые "отреклись от богохульного Талмуда и дошли до познания Бога в трех лицах".

Яков Франк избрал своей резиденцией деревню Ивань в Подолии, и туда вместе с ним переселились его последователи из Венгрии, Валахии и Молдавии. Он образовал там "братство" и выделил двенадцать наиболее преданных ему лиц - "апостолов", "двенадцать сыновей Якова", которые управляли всеми делами. Туда съезжались к нему из разных мест, привозили подарки, и Франк жил богато, в свое удовольствие, разыгрывал роль святого и пророка, - уверяли даже, что у него был гарем.

К этому времени он решил принять католичество вместе со своими последователями. Ведь еще Саббатай Цви перешел когда-то в ислам, веру окружающего народа; саббатяны в Турции тоже считали необходимым прятаться в "скорлупе" магометанства, чтобы сохранить неприкосновенности "ядро" саббатянизма, - Франк в качестве "скорлупы" выбрал теперь католичество. Примириться с правоверными евреями не было уже никакой возможности, а католическая церковь могла стать для отверженных надежным убежищем: под "скорлупой" христианства они надеялись прятать мессианские надежды и тайно соблюдать свои обряды. В начале 1759 года франкисты подали королю и львовскому архиепископу заявления с просьбой принять крещение, но только просили при этом разрешить им поселиться вместе, пятнадцати тысячам сектантов на участке земли в Галиции "между Буском и Глинянами", где они могли бы "мирно жить среди христиан и заниматься полезными и честными промыслами". Еще они просили дозволения носить там платье еврейского покроя, не брить бороду и не есть свинину, называться двойными именами - еврейским и христианским, брать жен только из своей среды, отдыхать в субботу и в воскресенье и почитать кабалистические книги. Король не ответил на их послание, а архиепископ написал в ответ, что церковь никаких других обещаний, кроме царства небесного, дать заранее не может. Но в том же самом заявлении франкисты просили разрешения провести еще один диспут с раввинами, на котором они докажут, что Талмуд учит евреев употреблять христианскую кровь, и духовенство тут же на это согласилось. Второй диспут начался во Львове 17 июля 1759 года, и дамы из высшего польского общества продавали у входа билеты в пользу нуждающихся франкистов. Диспут проходил в кафедральном соборе города Львова в присутствии многих польских сановников. Со стороны правоверных евреев в нем участвовали сорок раввинов и - по утверждению хасидов - сам основатель хасидизма Баал Шем Тов. Франк не владел польским языком, и поэтому ораторами со стороны сектантов были "апостолы" Лейб Крыса и Шломо Шор, а помогали им католические священники, особенно некий Пикульский, автор книги под названием "Злость жидовская". Франкисты представили для обсуждения семь тезисов, среди которых были и такие: все предсказания пророков о Мессии уже исполнились; все обряды иудейства прекращены с момента прихода Мессии; веру в царя-Мессию можно усвоить только путем крещения; Талмуд учит, что христианская кровь нужна для обрядов, и тот, кто верит в Талмуд, должен употреблять эту кровь. Раввины не осмеливались оспаривать основные христианские догмы, опасаясь преследований, и очень хотели, чтобы франкисты как можно скорее оставили еврейство. С этим, по преданию, не соглашался один лишь Баал Шем Тов, который сказал: "Пока пораженный член еще связан с телом, остается хоть некоторая надежда когда-либо излечить его; когда же его отрезали, он уже пропал навсегда".

Страстную речь против обвинения в употреблении христианской крови произнес львовский раввин Хаим Коэн Раппопорт, избличивший противников в грубом невежестве и в извращении текстов. Среди его потомков сохранилось воспоминание, что перед своим выступлением раввин облачился в белые одежды, словно собирался перейти в мир иной, и что евреи своей победой обязаны "богатой мудрости" их предка, которая вызвала даже "похвалу князей": "не иначе, говорили князья, дух Божий почиет на этом человеке". Суд признал победу франкистов по всем пунктам кроме обвинения в ритуальных убийствах, а этот вопрос передали на дополнительное рассмотрение в церковный суд. Но франкисты сумели отомстить и тут, и их стараниями был возбужден ритуальный процесс в местечке Войславицы, где казнили двух раввинов и двух кагальных старшин. Не случайно один из франкистов сказал раввину Хаиму Раппопорту: "Хаим, ты хотел пить нашу кровь (отлучением от общины), так вот тебе кровь за кровь!" После диспута священники потребовали, чтобы франкисты немедленно крестились, иначе их всех объявят еретиками. В первой группе крестившихся во Львове были жена Франка и его дети. Сам Франк перешел из магометанства в католичество в Варшаве в присутствии

королевской семьи и всего двора; его крестным отцом был сам король Август III, и при крещении он получил имя Иосиф. Всего крестилось около тысячи франкистов, и многие из них поменяли не только имена, но и фамилии. Нахман из Буска стал Петром Якубовским, Шломо Шор получил имя Лука Франциск Воловский, а Лейб Крыса - Ян Доминик Крысинский. Но польское духовенство недоверчиво относилось к новообращенным. За ними придирчиво следили, вскрывали письма Франка к жене, и вскоре стало известно, что Франк окружен неподобающим почетом, а его последователи продолжают свои обряды по "предписаниям братства" и допускают многоженство. В 1760 году Якова Франка арестовали, допросили и заключили без срока в крепость при монастыре города Ченстохова - за создание секты и за приписывание себе божественного происхождения. Вместе с ним заключили в крепость и приговорили к тяжелым работам многих его сторонников. В крепости Франк провел тринадцать лет, и его не казнили, возможно, только лишь потому, что его крестным отцом был сам король. Связь между Франком и его сторонниками не прекращалась, и многие из них даже переселились в Ченстохов, чтобы быть поближе к своему духовному вождю. Жена Франка и несколько приближенных навещали его, и из крепости Франк рассылал воззвания к евреям, чтобы они переходили в католичество: "Слушайте, жесткие сердцем, далекие от спасения, идущие кривыми путями... Горе будет вам, когда проснется великий лев и вспомнит о серне..." На самом же деле Франк имел в виду не католичество, а свою религию под названием "дас", в которой не будет никаких стеснительных законов и к которой можно прийти только через христианство. Тем самым он сулил избавление от "великого презрения и унижения, в котором находятся евреи среди народов".

Когда усилилось в Польше русское влияние, трое представителей Франка отправились в Варшаву к православному архимандриту и сообщили ему, что глава их секты после долгого размышления пришел к выводу, что православная вера - самая истинная, а католики за это заключили его в крепость. По рекомендации архимандрита делегаты поехали в Москву, попали на прием к одному "высокому духовному сановнику" и сообщили, что двадцать тысяч евреев готовы перейти в православие, но для этого надо освободить Франка из тюрьмы и взять всю секту под покровительство России. Об этой миссии узнали раввины и нашли способ разъяснить русскому правительству, что сектанты уже исповедывали прежде четыре религии - иудейство, саббатанство, магометанство и католичество, готовы теперь принять пятую - православие, и что Франк на самом деле объявил себя Богом и "разрешил своим последователям прелюбодеяние". И попытка франкистов не имела успеха.

В конце 1772 года русские войска взяли Ченстохов, и Франк был освобожден. В особом воззвании ко всем евреям он писал: "Проснитесь, о дремлющие, спящие в своих норах и ничего не замечающие, что делается вокруг... Доколе будете вы еще ходить в потемках и пребывать в своем упорстве?... Горе, горе этому времени, которое наступит для вас и для ваших детей! Кто будет в доме, тот погибнет в доме, и могильщики не успеют похоронить громадное количество мертвых; а кто будет в поле, тот погибнет в поле, и собаки разбросают его кости повсюду..." После этого Франк уехал в город Брно, столицу Моравии, и окружил себя пышным двором и вооруженной гвардией. За годы его заключения многие его последователи хорошо устроились в Польше после крещения, получили дворянство, разбогатели и посылали ему крупные суммы денег. В Брно его "братство" было реорганизовано в "лагерь", который состоял из улан, гусар и казаков. Там они обучались стрельбе, фехтованию и иным военным упражнениям, и Франку даже казалось, что с этой своей армией он сможет отвоевать у Турции небольшой участок земли. У него было семьдесят гвардейцев, секретари, письмоводители, прислуга. Он носил платье и шляпу из красного шелка, выезжал в закрытой карете с четверкой лошадей; кучер сидел на облучке в зеленом мундире, а карету окружали двенадцать гусар с длинными, разукрашенными пиками. Карета выезжала в поле, на траве расстилали ковер, Франк молился на нем, а все стояли вокруг в молчании. Затем он поднимался, ковер скатывали, это место поливали водой из кожаного меха: никто не знал, для чего эта постоянная церемония, а Франк не объяснял. Он мало кому показывался тогда и внушал страх своим видом.

Временами он наезжал в Вену, где у него был отдельный отель, катался по городу вместе со свитой в роскошных экипажах, и когда полиция обращала на него внимание, Франк намекал, что находится под покровительством одной "могущественной северной царицы". Вместе с ним в Брно жила его дочь Ева, красавица, которую франкисты боготворили; сам Франк неоднократно заявлял, что Ева является олицетворением женского начала Божества. При Еве

была свита - четырнадцать девушек, она еще реже показывалась людям, чем ее отец; поговаривали, что она была фавориткой императора Иосифа II, и поэтому власти благосклонно относились к франкистам. В "лагере" в Брно существовали строгие законы послушания Франку, которые формулировались таким образом: если вы девяносто девять раз будете слушаться, а на сотый раз не послушаетесь, то все прежние послушания вам не зачтутся; и если я вам говорю, что земля состоит из одного золота, вы должны верить этому и не возражать.

В 1778 году Франк купил в Германии замок возле города Оффенбаха на Майне и получил титул барона Оффенбахского. Там он жил со своими детьми и с приближенными, и среди местного населения распространялись слухи, что будто бы он российский император Петр III, а Ева - дочь русской императрицы Елизаветы Петровны. Рассказывали даже, будто в его замке на золотой посуде стоят инициалы E.R., что означает "Eva Romanowa". В замке жило около пятисот человек, вместе с паломниками - временами до тысячи: ехали туда из Австрии, Польши, Богемии и Моравии. Богатые франкисты привозили подарки, а бедным давали щедрые милостыни. Раз в неделю Ева выходила из замка и раздавала деньги больным и бедным, которые собирались туда из окрестных мест, а те уже разносили по всей Германии слухи о богатом и щедром "бароне".

Яков Франк умер 10 декабря 1791 года, был похоронен на католическом кладбище, но духовенство в его похоронах не участвовало. Его смерть вызвала шок у франкистов: многие до этого думали, что он никогда не умрет. После его смерти Ева продолжала жить в Оффенбахе, содержала богатый двор и говорила время от времени, что у нее бывают ночные видения, она слышит голоса и общается с духом отца. Сыновья Франка разыгрывали роль пророческих и святых, и памяти Якова Франка воздавались божеские почести. Франкисты рассылали по еврейским общинам особые письма, написанные красными чернилами, потому что красный цвет имел для них символическое значение. Они призывали евреев принять христианство, а своих единомышленников просили немедленно присылать им деньги. В марте 1800 года двадцать четыре таких письма были перехвачены русскими властями в городах юго-западной России и немедленно пересланы в Петербург. В этих письмах не нашли "ничего возмутительного или к нарушению тишины клонящегося", но тем не менее царь велел наблюдать за евреями, не скрывают ли они "под видом закона иных вредных сношений". Вскоре после этого из Литвы сообщили в Петербург, что франкистов у них нет, и что Франк "состоит у здешних евреев в общем омерзении".

В конце концов Ева запуталась в долгах и к успокоению кредиторов распорядилась вывесить в городе такое объявление: "По высочайшему приглашению Его Величества русского императора наш любезный брат отправится в июне этого года в Петербург, откуда - после шестимесячного там пребывания - возвратится сюда и под военным конвоем привезет такую значительную сумму денег, что мы удовлетворим всех наших кредиторов. Те же, что набрасывают тень на наше имя, получат за это должное наказание потом, после выплаты им долга". Кредиторы на время успокоились, но когда долг Евы Франк превысил три миллиона гульденов, ее подвергли домашнему аресту. В замок должны были приехать представители власти для проведения расследования, но за день до этого было объявлено, что Ева неожиданно скончалась.

Современники же утверждали, что она бежала за границу с одним отставным чиновником. Многие франкисты после крещения приобретали имения, становились помещиками или крупными чиновниками. Это вызывало сопротивление шляхты, и на коронационном сейме в 1764 году депутаты жаловались, что "во всей Польше размножилась порода неофитов (новообращенных), которые с прирожденной ловкостью и жадностью к шляхетским преимуществам добиваются государственных должностей и приобретения сельских имений - в ущерб родовой шляхте". Сейм даже принял некоторые ограничительные законы, по которым новообращенные не могли быть чиновниками и не могли владеть имениями, но эти ограничения были впоследствии смягчены под давлением церкви, которая желала поощрять переход в католичество.

Как религиозная секта франкизм исчез полностью, не оставив никаких следов в иудаизме. Но в польском обществе его следы сохранились и по настоящее время. Многие польские фамилии ведут свое происхождение от тех франкистов, которые приняли когда-то католичество: Бжезинские, Ясинские, Крысинские, Маевские, Пиотровские, Воловские, Заводские, Зелинские. Мать великого польского поэта Адама Мицкевича родилась в семье крещеных франкистов Маевских.

ОЧЕРК ТРИНАДЦАТЫЙ

Рабби Исраэль Баал Шем Тов. Детство. Годы уединения и созерцания. Баал Шем Тов-исцелитель, праведник, святой человек. Его ученики и последователи. Основы его учения.

Восемнадцатый век принес с собой очередные ограничительные законы, кровавые погромы, разрушения и убийства. Ежедневная жизнь евреев в польских и украинских местечках и городах становилась все более невыносимой. Народ не мог жить без надежды - хотя бы временами, хотя бы изредка. Людям нужна была радость жизни - немедленно, ежедневно, радость в рамках их религии, в рамках всего того жизненного уклада, который складывался столетиями. Субботой Цви, лжемессия, не принес избавления. Более того, когда он принял ислам, евреи с негодованием отшатнулись от ренегата. Франкизм тоже не мог увлечь за собой большинство народа, преданного своей религии и своему прошлому. И тогда возникло новое религиозное движение среди украинских евреев, которое оказало глубочайшее влияние на всю еврейскую жизнь. Это движение называется хасидизм, буквальный перевод - "учение благочестия", от слова "хасид" - "благочестивый". Суббатанство и франкизм порывали с иудаизмом и потому не могли сохраниться. Хасидизм оставался на базе традиционной веры, и - что самое главное - внес в ту беспросветную жизнь радость и восторг. Хасиды изгнали грусть из сердец людей и наполнили их восторгом сознания, что они евреи. А с этим сознанием уже можно было прожить в мире жестокостей, унижений и преследований. Как писал один из хасидов: "Тот еврей, который не испытывает радости от самого факта, что он еврей, неблагодарен Небесам; значит, им не постигнут смысл того, что он рожден евреем". Не случайно это движение сразу же распространилось на Украине - в Подолии и на Волыни. В большинстве своем еврейское население составляли там деревенские торговцы, мелкие арендаторы, разносчики товаров, корчмари. Это были неискушенные в учении люди, которые жили разбросанно, в отдалении друг от друга, посреди нееврейского крестьянского населения, и когда они порой, по большим праздникам, приезжали в города помолиться в синагоге, они не могли не почувствовать свою малограмотность, - да и ученые евреи давали им это понять, называя их свысока "ам га-арец" - "невежды" (буквально - "народ земли"). Эти неученые, но глубоко верящие евреи, нуждались в таком человеке, который бы возвысил их в собственных глазах, удовлетворил бы их тягу к чудесному и согрел теплотой их веру. И такой человек появился, он вышел из гущи народа, и его учение было восторженно встречено евреями Подолии и Волыни, откуда оно распространилось затем на другие области Польши и на другие страны. Звали этого человека рабби Исраэль бен Элиэзер, или Баал Шем Тов (Бешт), что означает дословно "обладатель доброго имени". Как писали о нем впоследствии: "И тогда в восемнадцатом веке появился рабби Исраэль Баал Шем Тов и опустил небеса на землю". Немногие биографические сведения о жизни этого человека настолько переплелись с легендами, что сегодня уже невозможно отделить их друг от друга. Да и нужно ли? ... Рассказывали, что Элиэзер, отец Баал Шем Това, попал в плен во время одного татарского набега и был продан в рабство. В плену он переходил от одного хозяина к другому и, наконец, попал к султану. Во время некоей войны Элиэзер дал властелину ценный совет, и благодаря этому султан одержал важную победу. Он тут же назначил Элиэзера первым министром и отдал ему в жены дочь визиря. Но Элиэзер был еврей - и женатый еврей - и потому вступил в брак только для вида и не имел супружеской близости с новой женой. По ее настоянию он открыл ей свое прошлое, и она дала ему денег и помогла бежать. По пути в Польшу явился ему пророк Элиягу - Илья-пророк - и сказал: "За твою стойкость и благочестие Бог подарит тебе сына, который будет светочем для Израиля; дай ему имя - Израиль, ибо в нем исполнится сказанное пророком: " Ты слуга Мой, Израиль, через тебя Я прославлюсь". Родители Баал Шем Това, люди бедные и уже немолодые, умерли вскоре после его рождения, а перед смертью отец взял

маленького сына на руки и сказал: "Помни, что с тобой всегда Бог, и потому ничего не бойся". Эти слова отца Баал Шем Тов повторял затем всю жизнь - как девиз.

Рабби Исраэль бен Элизер родился примерно в 1700 году в местечке Окуп на границе Подолии и Валахии, рано остался сиротой, учился в хедере на общественный счет. С детских лет в нем проявилось влечение к природе, к уединению, и он часто убежал из школы в лес. "Почитается некоторое время в хедере, - вспоминали о нем, - а потом вдруг пропадет на несколько дней. Ищут его, ищут - и находят в лесу одиноким, сосредоточенным". Пытались его наказывать, пытались увещевать, а потом исключили из школы и отказали в помощи. Было ему тогда двенадцать лет, и, чтобы заработать на жизнь, он стал помощником меламеда-учителя. Он должен был водить детей в хедер и из хедера домой, сопровождать их в синагогу и приучать там к произнесению молитв. Дети привязались к своему наставнику, который и сам был еще ребенком, они молились все вместе и вместе произносили "аминь" в положенных местах. И опять в ткань его жизни вплетается легенда. Рассказывали, что однажды, когда он вел детей в синагогу, на дороге показался волк. Но Исраэль не испугался. Ведь это отец научил его когда-то: "Помни, что с тобой всегда Бог, и потому ничего не бойся". И двенадцатилетний мальчик убил волка, распевая псалмы.

Затем его назначили сторожем в синагоге, и тут он тоже отличался странностями и причудами. Днем спал или притворялся спящим, а по ночам, в пустой синагоге, молился или читал. Легенда рассказывает, что в одной земле жил святой человек по имени Адам, который нашел однажды в пещере таинственные рукописи. Перед смертью было ему видение во сне, чтобы он передал эти рукописи Исраэлю, сыну Элизера, из Окупа. И тогда, умирая, Адам приказал своему сыну поехать в Окуп, разыскать этого человека и передать ему рукописи, которые и были ему предназначены. Сын похоронил отца, приехал в Окуп, стал разыскивать там Исраэля, сына Элизера, и с удивлением обнаружил, что это четырнадцатилетний сторож синагоги. Он передал ему рукописи, и тот изучал их ночами в пустой синагоге. По-видимому, Баал Шем Тов занимался тогда практической кабалой, читал ходившие по рукам рукописи и знакомился с заклинаниями, при помощи которых можно творить чудеса.

Обстоятельства его жизни бывали порой столь невероятными, что неудивительно, почему его жизнь так переплетена с легендами. Восемнадцати лет от роду Баал Шем Тов женился, но его молодая жена умерла вскоре после свадьбы. После этого он переезжал из одного галицийского местечка в другое, пока не стал учителем в деревне неподалеку от Брод. Он был прям, честен, опытен в житейских делах, прекрасно знал Тору, и его часто избирали судьей во всяких спорах и тяжбах. И так однажды случилось, что среди спорящих оказался богатый и ученый еврей Эфраим Кутовер из Брод. Баал Шем Тов произвел на него такое глубокое впечатление, что он решил немедленно выдать за него свою дочь. Баал Шем Тов согласился, и они составили письменное соглашение о предстоящем браке. Возвращаясь домой, в Броды, Эфраим Кутовер заболел по дороге и умер. И вот через некоторое время в доме бродского раввина Гершона Кутовера, сына Эфраима, появился какой-то еврей в заношенном крестьянском тулупе. Раввин хотел было подать ему милостыню, но тот вынул из кармана бумагу, подписанную Эфраимом Кутовером, из которой следовало, что отец решил выдать за этого человека свою дочь, сестру рабби Гершона. "Я Исраэль, - сказал он, - и теперь пришел за той, которая назначена быть моей женой". И это не легенда. Это была, которую легко спутать с легендой, как и многое другое в жизни этого удивительного человека по имени Баал Шем Тов! Рабби Гершону пришлось согласиться: он не мог пойти против воли своего отца, хоть ему не очень-то улыбалось породниться с таким простолюдином и неучем, каким - как ему показалось - был его будущий родственник. Перед свадьбой Баал Шем Тов спросил невесту, согласна ли она стать его женой и жить затем в бедности, - она согласилась, и свадьба состоялась.

Бродский раввин никак не мог примириться с тем, что его шурин - невежда. Он даже пытался изучать с ним Талмуд, а когда из этого ничего не вышло (Баал Шем Тов делал вид, что ничего не понимает), раввин предложил своей сестре на выбор: либо развестись с этим "неучем", либо уехать из города, чтобы не позорить своего брата. И она предпочла последнее. Раввин купил ей и ее мужу лошадь с повозкой, и они поселились в Галиции, среди Карпатских гор, между местечками Куты и Косов. Жена жила в деревне, а Баал Шем Тов - в уединении, в горном ущелье, в глубокой пещере возле озера. Там он молился, размышлял, изучал кабалу, в озере совершал ежедневные омовения. Время от времени жена приезжала к нему в горы, и тогда он копал глину, наполнял ею повозку, а она отвозила ее в город и там продавала. На вырученные

деньги она с трудом существовала, а Баал Тем Тов ел один только хлеб: размешивал муку в воде, раскладывал тесто тонким слоем на камне и ждал, пока солнце высушит его. Так, по преданию, прожил он в уединении семь лет, среди гор, долин и лесов - тихой, созерцательной жизнью. Быть может, в тот период и определилась основная формула его учения: "Вся земля полна Богом". Легенда рассказывает, что в тех же горах жил разбойник по имени Добуш. Однажды Баал Шем Тов указал ему пещеру с подземным ходом, через который тот ушел от преследователей со своим отрядом, и за это главарь разбойников подарил ему трубку, с которой Баал Шем Тов никогда не расставался и которую вечно курил - трубку Добуша.

Затем бродский раввин Гершон Кутонер снял им в аренду корчму с постоянным двором неподалеку от Кут. Жена с детьми жила в корчме и занималась делами, а Баал Шем Тов поселился в лесу, в домике, где и проводил время в молитвах и в изучении "тайны мудрости". В домик он брал с собой только немного хлеба на всю неделю, а домой приходил на субботу да еще в те дни, когда жена не могла управиться с хозяйством. Но зато по субботам и в праздничные дни он надевал белые одежды, восседал во главе стола и с удовольствием угощался вкусными блюдами. Но затем он лишился своей корчмы, переселился в маленький галицийский городок Тлуст, был меламедом, резником, кантором в синагоге, снова бедствовал. Временами он бывал так беден, что "пальцы ног торчали у него из дырявых сапог". Многие уже считали его святым, который может творить чудеса, просили его помочь в трудном деле или излечить больного, но он постоянно отказывался, потому что до тридцатилетнего возраста ему было свыше запрещено "открываться миру". И он ждал своего часа.

Еще с шестнадцатого века в Польше, Литве и на Украине появились чудотворцы-исцелители, которых называли "баал шем" - "владеющий именем (Божьим)". Они лечили амулетами, травами, курением, заговариванием и нашептыванием, и лучше всего поддавались излечению нервные расстройства, меланхолия и помешательство. На маленьком пергаменте писали имя больного и имя его матери, таинственные формулы с именами ангелов и злых духов, заклинания и непонятные сочетания букв, и такой пергамент носили на шее - для предохранения от болезней, для роженицы, для новорожденного, для больного нервным расстройством. Особой славой пользовался рабби Иоэль Баал Шем - Иоэль Чудотворец, который на глазах у всех заклинаниями изгнал злого духа из одного помешанного. Про него же рассказывали, что однажды он спасался с евреями в лодке от казаков, но те нагоняли их, - и тогда рабби Иоэль привесил к парусу лодки таблицу с кабалистическими фигурами и заклинаниями, лодка понеслась вперед с огромной скоростью, и преследователи отстали. Еще в середине девятнадцатого века бродячие "баал шемы" переезжали из города в город и привлекали к себе тех, кто желал излечиться, несмотря на то, что многие раввины категорически запрещали пользоваться амулетами.

Когда Баал Шем Тову исполнилось тридцать шесть лет, он стал кабалистом-исцелителем, странствовал по городам и деревням Подолии и Волыни, лечил больных молитвами, заклинаниями, амулетами и целебными травами. По-видимому, во время долгого пребывания в лесах и горах он узнал лечебные свойства разных трав и стал искусным в лечении болезней. Описание его жизни тех времен полно рассказами о сотворенных им чудесах, его называли в народе "чудотворцем", "добрым баал шемом"; он лечил не только евреев, но и польских крестьян, и панов, и когда его спрашивали, откуда он все это знает, Баал Шем Тов коротко отвечал: "Господь меня научил". Но бывало и так, что он отказывался лечить больного, "когда свыше его извещали, что этому больному не суждено выздороветь".

Быстро росла его слава не только как исцелителя, но и как святого человека, праведника, который обладал даром прорицания и чудесных знамений. Когда он приезжал в какое-либо место, его тут же окружала толпа. Как писал современник: "Когда он приехал в Радвил, стали ходить к нему массажи жители города за лекарствами, и так повторялось в прочих городах, по которым он разъезжал, так что он привез домой много денег". Рассказывали, что Баал Шем Тов умел угадывать мысли людей, обладал великой кабалистической тайной становиться невидимкой и мог преодолевать в короткое время огромные расстояния, потому что при необходимости "земля двигалась под ним быстрее". В синагогах он молился горячо, раскачивался всем корпусом, иногда вскрикивал, а порой стоял неподвижно долгое время, и когда все уходило из синагоги, оставался там и молился в одиночестве. Он объяснял это тем, что когда в молитве доходил до слов "Благословен Ты, Боже, воскрешающий мертвых!", к нему

слетались тысячи грешных душ умерших людей, каждая душа просила помолиться за нее и спасти от адских мук, - потому так долго он и молился.

Около 1740 года Баал Шем Тов поселился в Меджибоже, где и провел последние двадцать лет своей жизни. К нему толпами приезжали и приходили со всех сторон евреи - для исцеления, поддержки и совета. В Меджибоже образовался вокруг него кружок ближайших учеников, человек шестьдесят; они слушали его проповеди, запоминали, распространяли его учение в народе. В короткий срок хасидское движение охватило еврейское население Подолии, Волыни и Галиции, а затем распространилось и на Польшу, Молдавию, Белоруссию, Валахию, Закарпатье, Трансильванию и Словакию. Среди его учеников были и видные раввины: рабби Яков Йосеф Коэн из Шаргорода, рабби Меир Маргалиот из Львова, и даже шурин Баал Шем Това, бродский раввин Гершон Кутовер стал преданным его учеником и последователем. К Баал Шем Тову влекло многих - его слава чудотворца, его простота и дружелюбие, его любовь к простому человеку, внимание к его нуждам, постоянная готовность утешить и ободрить. Он сам был из народа, часто ходил по улицам и базарам - "всегда с трубкой во рту", останавливался, "разговаривал даже с прохожими бабами", мог выпить в компании и никогда не пьянел при этом. Он был небогат, но постоянно помогал бедным и выкупал у панов задолжавших мелких арендаторов. Баал Шем Тов часто повторял, что простой человек, проникнутый верой и умеющий горячо молиться, дороже Богу, чем ученый раввин, погруженный только в изучение Талмуда, - и это нравилось многим.

К концу его жизни было уже около десяти тысяч его последователей. Они поддавались обаянию своего учителя, его религиозному восторгу, безграничной и радостной вере в Бога; сильное впечатление производили на них и его проповеди, которые были наполнены притчами. Например, рабби Исраэль Баал Шем Тов учил: "В книге "Берешит" написано: "И сказал Господь: "Создадим человека". Но к кому же Он тогда обращался, когда не было еще ни одного человека?... А обращался Господь к самому же человеку. Он говорил: нас двое, так возьмемся же за дело и сотворим человека. Ведь если ты не поможешь Мне, как же Я смогу сотворить тебя один?!"

Рабби Исраэль бен Элизер не оставил после себя письменных трудов. Он распространял свое учение устно: для учеников, в синагогальных проповедях и в частных беседах. Он ничего не записывал и очень не любил, когда это делали другие: "Я сказал одно, ты услышал другое, а записал третье". Ученики вспоминали, что он часто повторял: "Все, что я внес нового или заимствовал от других, хранится глубоко в моем сердце и известно лишь одному Богу. Все же то, что я проповедовал людям, составляет только ничтожный остаток, неволью вылившийся из вместилища моего духа, как выливается малая часть воды из переполненного сосуда". Уже через двадцать лет после его смерти вышла книга его ученика раввина Якова Йосефа Коэна из Полонного, в которой изречения Баал Шем Това приводились с таким постоянным повтором: "слышал я от учителя моего..." Выходили затем и другие книги - под контролем ближайших учеников Баал Шем Това, и по этим источникам можно составить понятие об учении основателя хасидизма.

Баал Шем Тов учил, что весь мир образовался из Божества, есть проявление Божества, и что Бог везде и во всем. Он говорил: "Мир во всем своем разнообразии создан как бы из самого Бога и вместе с тем неотделим от Него, подобно тому как складка на платье сделана из самого платья и в нем остается. Мир - из Бога и в Боге". Он учил, что Бог наполняет все, присутствует во всем, даже в самых незначительных предметах, даже в человеческих помыслах, и Его вмешательство в человеческие дела - непрерывно. "Пусть человек знает, что когда он смотрит на материальные вещи, он в сущности всматривается в лик Господа, в этих вещах присутствующего, и помня это, человек постоянно, даже в мелочах, может служить Богу". Но если Бог присутствует во всем, то ничто и никто не могут быть абсолютно плохими. Это значит, что к каждому человеку надо относиться как к праведнику, потому что никто не падает так низко, чтобы не быть в состоянии подняться затем до Бога. Грешники так же близки к Богу, как и праведники, и их грехи являются лишь следствием временного их заблуждения. "Все в мире полно Творцом, и все совершаемое по замыслам человеческим, вплоть до ничтожнейших событий, есть, в сущности, мысль Божья".

Между небом и землей, учил Баал Шем Тов, между миром Бога и миром человека существует постоянная и непрерывная связь, постоянное взаимодействие, и не только Бог влияет на человеческие дела, но и человек влияет на высший мир. Человеческие мысли, слова и дела

вызывают изменения в мире Бога: "Когда человек жалостлив здесь на земле, жалость пробуждается и в небесных сферах... - говорил Баал Шем Тов. - Человек - как бы лестница, вершиною своею упирающаяся в небо; все его поступки и слова оказывают воздействие на небесные сферы". Силой своей молитвы человек может повлиять на Бога, и через Бога - на весь мир. Но для этого молитва не должна быть машинальным обрядом, но - восторженным порывом к небу, изливанием души, полным слиянием человеческой души с Богом. Творцу надо служить не печалью, но радостью, и хороши те слезы, которые у человека от избытка восторга. "Пусть человек постоянно пребывает в радостном расположении духа, пусть думает и верует, что Бог находится всегда с ним и охраняет его; что он смотрит на своего Творца, а Творец на него; что от воли Бога зависит во всякую минуту разрушить мир или воссоздать его, что в Боге источник всех благ и всех страданий, что во всяком предмете есть частица Божественной жизненной силы, а следовательно, надо только на Бога уповать и только Его бояться".

Баал Шем Тов был категорически против изнурения плоти и излишних постов, потому что "основным для человека являются три вещи: любовь к Богу, любовь к народу Израиля и любовь к Торе; нет надобности в подвигах аскетизма". "Посты вызывают печаль", негодную Богу, потому что человек должен служить Ему в радости. "Когда слабеет тело, ослабевает и дух, и человек не в состоянии молиться нужным образом", то есть с восторгом и самозабвением. Человек не должен предаваться печали даже по поводу того, что он согрешил, но, осознав это, должен радостно служить Богу. "Если, - учил Баал Шем Тов, - перед вами два врача, лечащих с одинаковым успехом, один при помощи горькой, а другой при помощи сладкой микстуры, - кого из них предпочтете? Конечно, последнего. То же и в религии: тот, кто предписывает людям пост и истязание плоти, вызывает в них печаль и заставляет их смотреть с осуждением на своих близких, которые не могут быть отшельниками; тот же, кто учит людей радостному служению Богу, вселяет в них отрадный взгляд на жизнь и людей и возбуждает добрые чувства в людях, убеждая их, что Бог - во всем".

В противоположность общепринятому мнению Баал Шем Тов считал, что за проступки не нужно налагать посты и другие наказания, но лучше всего искупить грех сердечным покаянием. "Если даже человек совершил грех, он не должен слишком сокрушаться, а пусть лучше, огорчившись сделанным, искренне покается в сердце своем и затем опять возрадуется в Боге. Если что-нибудь препятствует человеку совершить то или другое богоугодное дело, он также не должен печалиться, потому что Бог знает сердца людей и понимает, что тут было доброе желание, но только возможности не было". Известен случай, когда один проповедник обличал слушателей в синагоге и пугал их вечными загробными муками, а Баал Шем Тов очень рассердился на него и сказал: "Ты напрасно ругаешь евреев. Погляди: бедный еврей весь день бегаёт, суетится, чтобы в поте лица заработать себе кусок хлеба; но как только настает вечер, он уже в испуге бросает свои дела и, опасаясь пропустить время молитвы, забегает в синагогу, чтобы хоть наскоро помолиться. Он молится и от забот не знает, что шепчут его уста, и все-таки там, на небесах, весь хор ангелов содрогается, когда к ним доносятся слова этой молитвы". В те времена считалось, что изучение Закона должно быть на первом плане. Ученый человек был выше человека неученого, честного и богобоязненного. Баал Шем Тов не отрицал пользу учения, но он утверждал, что оно нужно не само по себе, а как средство к возбуждению религиозного чувства, и был против таких ученых, которым "из-за непрерывного изучения Торы некогда думать о Боге". "Есть два разряда людей, - учил он. - Есть люди грешные, умышленно нарушающие заповеди Бога. Но есть также люди, которые сами себя считают и другим кажутся праведниками на том основании, что они постоянно изучают Закон, постятся и молятся. На самом же деле все их труды напрасны, потому что им недостает горячей привязанности к Богу, полной веры, возможности постоянного общения с Творцом; они не понимают, как следует учиться, молиться и служить Богу, они упускают самую суть веры. Разница между этими людьми и явными грешниками та, что последние при искреннем покаянии могут еще вернуться к Богу; первые же неисправимы, потому что слишком ослеплены, чтобы видеть истину, считают самих себя праведниками, а потому и не думают каяться в своих заблуждениях".

Цель человеческой жизни, учил Баал Шем Тов, соединение с Богом, и эта цель достигается при помощи молитвы. "Все, чего я достиг, - говорил он, - я достиг не столько изучением Торы, сколько молитвой". "Молитва - это своего рода соединение с Божеством... Во время молитвы человек должен как бы освободиться от своей материальной оболочки, потерять

самоощущение, то есть дойти до такой ступени, на которой не различаешь, живешь ли на земле или нет". Чтобы привести себя в такое состояние, часто необходимы резкие телодвижения, вскрикивания, покачивания из стороны в сторону. "Тот, кто смеется над такими странными телодвижениями, - говорил Баал Шем Тов, - подобен человеку, который стал бы смеяться над судорогами и криками тонущего. Ведь и молящийся, совершая подобные движения, борется с волнами земной суеты, не дающей ему сосредоточиться на мысли о Божественном". Но молитва - не единственная форма служения Богу. Служить Ему можно также возвышенными помыслами, исполнением заповедей, иной раз даже будничным разговором. "Во всем, что существует в мире, - учил Баал Шем Тов, - заключены Божественные искры, даже в деревьях и в камнях, во всех делах, совершаемых людьми; даже в грехах человеческих есть искры Божий, только искры тлеющие, тусклые, которые, однако, могут снова воспламениться и вознестись ввысь через покаяние". Главная задача человека - это постоянное общение с Богом, связывание с Ним всех мыслей и поступков, ощущение постоянного Его присутствия. Это общение возвышает человека и позволяет ему смотреть на все земное с высоты небес. "Если человек постигнет, что все в мире имеет реальное бытие только от Бога и в Боге, то он легко сообразит, что вместо того, чтобы увлекаться разными манными страстями, гораздо лучше соединиться с Источником и с Творцом этих страстей, по мановению Которого все возникает и исчезает. Ведь лучше опереться на ствол, нежели на ветку".

Праведник - цадик - полнее других осуществляет слияние с Богом, он может достичь наибольшей степени откровения, и его молитва способна оказывать большее влияние на небесные сферы, нежели молитвы других людей. Цадик - наставник и духовный руководитель, душой он постоянно находится на небе и опускается вниз только лишь для того, чтобы поднимать людей наверх и спасать их души. Праведник спасает людей своими заслугами, даже грешников, потому что "тлеющий огонь - все-таки огонь, и в любую минуту он может разгореться". "Как отцу приятно делать угодное любимому сыну, так и Богу приятно исполнять желание праведника". Поэтому человек должен прилепиться своей душой к праведнику, а "кто прославляет праведника, тот как бы изучает тайны мироздания".

Скончался, рабби Исраэль бен Элиэзер в Меджибоже, и перед смертью избрал своим преемником одного из лучших своих учеников. Это был рабби Дов Бер из Межирича, "Великий магид" - проповедник. В первый день праздника Шавуот рабби Исраэль еще ходил, принимал посетителей, сказал краткую проповедь, но ближайшим своим ученикам сообщил, что в этот день он уходит из мира. "Не тревожьтесь обо мне, потому что я выйду в одну дверь и войду в другую, но я сокрушаюсь о вас, которые должны понести потерю". Один из учеников стал молиться за него. "Слишком поздно, - сказал ему учитель. - Свершилось, и свершившегося не отменить". Затем он много еще говорил о вере, о душе, о смысле жизни - все тише и невнятнее, пока его не перестали понимать. Вечером того же дня он скончался - 22 мая 1760 года, в седьмой день месяца сиван 5520 года по еврейскому календарю. Его могила цела и по сей день на кладбище в Меджибоже, а в начале этого века цела была и старая синагога, в которой он когда-то молился: полуразвалившееся здание, которое хасиды не реставрировали, оставляя его в том виде, в каком оно было при Баал Шем Тове.

Говорят, что его сын, рабби Гирш, в последние годы своей жизни часто беседовал со своим покойным отцом. Как-то во сне он спросил его: "Как следует служить Богу?" Баал Шем Тов поднялся на высокую гору и кинулся в пропасть. "Вот так", - ответил он сыну. А в другой раз он явился сыну в образе горы, объятай огнем с тысячами языков пламени: "И так тоже".

Однажды в синагоге Баал Шем Тов молился дольше обычного, и утомленные ученики ушли, не дождавшись конца его молитвы. На это он сказал с грустью: "Представьте себе, что на верхушке дерева сидит удивительная птица. Добраться до нее не просто, и люди лезут друг другу на плечи, чтобы один из них мог взобраться по этой живой лестнице на самый верх. Но те, что стоят внизу, не в состоянии разглядеть птицу и поэтому, потеряв терпение, уходят домой. Лестница рушится, и редкая птица улетает".

Один путешественник как-то увидел, что хасиды раскачиваются во время молитвы, но не мог понять, зачем они это делают. И Баал Шем Тов рассказал ему притчу: "Однажды на празднике гости наслаждались веселой музыкой, которую играли музыканты. Потом они стали танцевать под эту музыку. Мимо проходил глухой. Он заглянул в окно, увидел танцующих, но музыку не услышал. "Какая глупость! - воскликнул он. - Взрослые люди скачут безо всякой причины!"

Путешественник все понял. Музыка, под которую раскачивались хасиды, раздавалась в их сердцах. А путешественник был к ней глух.

Хасид спросил Баал Шем Това, как ему вести себя и как одеваться, чтобы проявлять смирение, ибо сказано: "Ходи смиренно перед Богом твоим". Тот ответил ему: "Сказали царю, что смиренный будет вознагражден. Оделся царь в старое платье, перешел жить из дворца в хижину и кланялся каждому. Но когда он разобрался в истинных своих чувствах, то понял, что очень гордится тем, что делает. Оказалось, что он стал еще менее смиренным, чем был раньше. И тогда его советник сказал ему: "Одевайся как царь, живи как царь, и пусть люди оказывают тебе почет, но будь смиренен в сердце своем".

Баал Шем Тов говорил: "Иногда кажется, что Бог очень далек от человека. Почему это так? А потому, что долг отца научить сына ходить. Для этого он и удаляется без предупреждения, хотя и рискует, что ребенок споткнется и упадет".

И еще он учил: "Не думай, что ты лучше ближнего твоего. Если ум его не равен твоему, он равен тебе, ибо служит Господу, как может. В глазах Всевышнего червь может значить не менее, чем ты, потому что служит Ему. На это Он и дал силы".

Однажды Баал Шем Тову приснился его будущий сосед по раю. Проснувшись, он пошел к этому человеку и увидел перед собой здорового и крепкого толстяка. "Как замечательно он скрывает свою сущность", - подумал Баал Шем Тов и стал за ним наблюдать. Он заметил, что этот человек сытно завтракал каждый день, в обед ел еще больше, а за ужином - в три раза больше, чем за обедом, - и ни в чем не проявлялась его святость, за которую ему был уготован в будущем рай. "Объясни мне, - сказал, наконец, Баал Шем Тов, - почему ты так много ешь?"

"Что же, я тебе скажу, - ответил толстяк. - Тут все дело в моем отце. Он был хорошим евреем, добрым человеком, и всю жизнь жил только Торой и только для Торы. Однажды его схватили разбойники, привязали к дереву и велели поцеловать крест. Конечно же, мой отец отказался. Они безжалостно били его - все равно он отказывался. И тогда разбойники сожгли его на костре. А поскольку он был худым и слабым, то и горел совсем недолго: вспыхнул - и тут же сгорел. И тогда я поклялся: если когда-нибудь придет мой черед, они так просто от меня не отделаются. Я покажу им, что еврей - это не жалкая свечка. Нет! Я буду гореть так долго, что они полопаются от злости! Вот почему я столько ем". "Понимаю, - улыбнувшись, сказал Баал Шем Тов. - Иди, продолжай есть. То, что ты делаешь, ты делаешь хорошо".

* * *

Когда рабби Исраэль Баал Шем Тов видел беду, грозящую евреям, он всегда шел в лес, в одно и то же место, и там он зажигал огонь, читал особую молитву - и несчастье предотвращалось. Позже, когда такая же потребность возникла у его ученика, магида из Межирича, тот приходил в лес на то же самое место и говорил: "Создатель, слушай! Я не знаю, как разжечь огонь, но я еще могу прочитать молитву". И чудо происходило. Уже позднее рабби Моше Лейб из Сасова, чтобы спасти свой народ, отправлялся в лес и там говорил: "Я не знаю, как развести костер, той молитвы я тоже не знаю, но зато я знаю место, и этого должно быть достаточно". И этого на самом деле было достаточно, и чудо свершалось. Затем пришла очередь отводить беду рабби Исраэлю из Ружина. Сидя в своем кресле, он обхватил голову руками и сказал Богу: "Я не знаю, как разжечь костер, не знаю молитвы, даже не могу отыскать в лесу то место. Все, что я могу сделать - пересказать эту историю, и этого должно быть достаточно". И этого было достаточно.

ОЧЕРК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Евреи Польши и Литвы после хмельнитчины. Обнищание общин. Ограничительные законы церкви. Переходы в иудейство. Ритуальные наветы. Восстания гайдамаков. Коливщина и Уманская резня.

После кровавых событий времен хмельниччины медленно и с трудом восстанавливались еврейские поселения Волыни и Подолии, Польши, Литвы и Белоруссии. Даже власти понимали, что евреям нужно дать временную передышку, чтобы они снова начали платить большие налоги в государственную казну. Именно поэтому король Ян Казимир даровал им разные льготы и отсрочки по взносу налогов. Король Михаил Вишневецкий подтвердил на коронационном сейме в Варшаве генеральные привилегии польско-литовских евреев. А Ян Собесский в каждую сеймовую конституцию включал один и тот же пункт: "Евреев Короны мы, ради мирного их развития, оставляем при давних правах". Евреи почитали Яна Собесского за его покровительство и называли в своих сочинениях "сыном солнца, королем королей и спасителем своего народа". Но знаменитое право "вето", по которому любой депутат по своему капризу мог сорвать работу сейма, сводило порой на нет самые лучшие королевские постановления. Доходило до того, что паны публично призывали народ не считаться с королевскими приказами. "Если мы будем считаться с правами и привилегиями евреев, - всенародно призывал виленский пан, - то конца этому не будет. Надо их попросту выжить отсюда: одних утопить с камнями на шее, других избить". А толпа кричала в ответ: "Так им и нужно!"

Чтобы оправиться от последствий катастрофы, евреи хватались за любой промысел, несмотря на постановления Ваада, который опасался новых конфликтов с местным населением. Но условия тогдашней жизни были нелегкими: часто повторялись погромы, пожары, эпидемии, от которых страдало еврейское население в тесных своих кварталах. Около 1678 года евреи краковского предместья - как отметили современники - "от двухлетнего поветрия в большей своей части вымерли, а другие бежали от этой заразы в Водзислав, но там ниспослан был на них огонь, и впали они в великую нищету и убожество". А в книге витебского кагала за 1711 год записано: "Вот уже несколько лет, как над нами разразились страшные бедствия... Нужда слишком велика, и одно бедствие следует за другим. Ведь это про нас сказано: "Утром просишь, чтобы настал вечер, а наступает вечер - не дождешься утра". Евреям позволяли существовать, потому что они были источником дохода для казны, для должностных лиц, для любого, кто пожелал бы получить с них "подношение". Недаром говорили: "Кто заступает за евреев, тот уже получил, а кто выступает против них - желает получить".

Расходы на всевозможные нужды увеличивались значительно быстрее скромных доходов тех времен, и, попадая в безвыходное положение, кагалы занимали деньги под огромные проценты: чаще всего у монастырей. Эти проценты надо было выплачивать, и поэтому снова брали кредиты и выплачивали уже проценты на проценты, и многие общины не надеялись рассчитаться когда-либо со своими кредиторами. В Дрогобыче, к примеру, на статью бюджета кагала "погашение долгов и проценты" приходилось три четверти всех расходов общины. Один только познанский кагал к началу восемнадцатого века задолжал около четырехсот тысяч злотых, а долги центрального Ваада доходили до трех миллионов злотых. Депутаты на сеймах заявляли, что евреев приходится терпеть в стране хотя бы потому, что никто не хочет потерять данные займы деньги.

Теперь уже кредиторы ставили свои условия, давая в долг деньги. Получив очередной заем в 1666 году, Коронный Ваад вынужден был согласиться с тем, что в случае неаккуратного возврата долга можно будет всякого еврея Короны "на ярмарках, торгах, дорогах и даже в домах грабить, арестовывать, хватать, сажать в тюрьму, угнетать и преследовать", пока долг не будет уплачен. Кроме этого, Ваад согласился, что в случае неуплаты "будут конфискованы все еврейские товары в Короне, закрыты синагоги, евреи будут изгнаны из домов, и на их место поселены христиане", и Ваад не сможет жаловаться на это королю или воеводам.

Чтобы сохранить свое существование, общины изыскивали новые и новые возможности для получения денег. Если кто-либо хотел открыть лавку, мастерскую, купить или построить дом, он должен был уплатить общине установленную сумму и получить взамен "хазаку" - концессию - на данное предприятие. Введена была "хазака" и на право водворения: желающий поселиться в общине должен был заплатить в кагальную кассу значительную сумму. Но денег все равно не хватало на всевозможные налоги и поборы, и тогда ввели налог на предметы потребления, так называемую "коробку", коробочный сбор - на молоко, хлеб, мед, водку и другие продукты, но, в основном, на убой скота, резку птиц и продажу кашерного мяса.

Бывали случаи, когда кагал, срочно нуждаясь в деньгах, освобождал от будущих выплат состоятельного члена общины за единовременный крупный денежный взнос, но эти деньги тут же уходили на покрытие вечных долгов, и вся тяжесть будущего налогового обложения ложилась на рядового члена общины. Это вызывало недовольство, ропот, недоверие, и прежнее уважение к кагалным старшинам сменилось неприязнью и открытой враждой. Богатые члены общины могли уплатить кагалу крупные суммы денег на получение "хзаки" и тем самым избавиться от менее состоятельных конкурентов, а те, беднея из года в год, все свои беды сваливали только на кагал. Кагал оберегал их от будущих бедствий, но кагал их и ограничивал. Все это постепенно создало внутренние напряжения, которые и привели со временем к разрушению кагала.

К восемнадцатому веку королевская власть была сведена до минимума, и в государстве, которое "держалось беспорядком", королевские грамоты никого практически не защищали. Воеводы, старосты и подстаросты хозяйничали в общинах по своему желанию, назначали и арестовывали кагалных старшин, вымогали деньги в свою пользу, и с вступлением в должность каждого нового воеводы приходилось заново хлопотать о восстановлении прежних привилегий. Мещане городов постоянно воевали со своими еврейскими конкурентами. "Еврей продает свой товар слишком дешево, - жаловались они, - и отнимает у нас покупателя". Но покупатели были иного мнения. "Паны говорили, что хоть евреи и гадкие нехристы, а все же хорошо их иметь в городе, - писал современник. - У них найдешь шелк, меха, золото, серебро, жемчуг, тюль, и все дешевле... Еврей не позволяет себе излишеств. Посмотрите на его одежду, войдите в его дом: он грызет чеснок, редьку или огурец, собирает денежки, угождает пану, а себе во всем отказывает".

В ту пору шляхта получила право на винную монополию: изготавливать вино, водку, пиво и мед и продавать эти напитки в шинках. Не желая заниматься этим промыслом, паны отдавали его в аренду евреям, то же самое делали короли в своих владениях, и к концу семнадцатого века шинкарство стало главной отраслью еврейской торговли, потому что из других промыслов их вытеснили магистраты и ремесленные цехи. "Паны неохотно сдают корчмы полякам, - писал один путешественник. - Поляк-корчмарь любит мед да водку, а давать счет панам не любит, тогда как жидов они без церемоний могут к этому принудить".

Живя на частных землях, евреи были прикреплены к "кабацкой стойке и к мелкой аренде" и целиком зависели от своего пана. Холопа-украинца пан побаивался, помня уроки прошлых восстаний, а еврея нечего было опасаться: помещик мог сгноить в тюрьме несостоятельного арендатора со всей его семьей, мог отнять у него детей, крестить их - жаловаться было некому.

В дневнике одного Волынского помещика восемнадцатого века есть такая запись: "5 января. Арендатор Гершко не уплатил мне еще с прошлого срока девяносто один талер... Вчера я приказал его заковать и запереть со свиньями..., младшего его сына Лейзю взял на мызу и приказал учить его катехизису с молитвами. Очень способный мальчик. Я намерен окрестить его, и епископ обещал приехать ко мне к этому акту и приготовить его душу. Лейзя не хотел сначала делать крестного знамения и повторять наши молитвы, но управляющий высек его, и сегодня он ел уже свинину..." Затем в этом дневнике рассказано о том, как приехали евреи из Бердичева, уплатили за Гершко девяносто один талер, подарили пану голову сахара и десять фунтов кофе и умолили отпустить мальчика. "Впрочем, - пишет далее помещик, - я вполне уверен, что еврей опять не уплатит в срок, и Лейзя попадет-таки в мои руки и сделается христианином. Нужно подождать до 24 марта". Известен даже случай, когда - каневский староста, забавляясь, приказывал еврейским женщинам влезать на яблони и куковать, а сам стрелял в них дробью; когда же раненые женщины падали с дерева, он веселился и кидал им золото. Получалось так, что бесправный еврей страдал от пана - в спокойные времена, и страдал за пана - во времена мятежей.

Католическое духовенство тех времен искало виновников бедствий, которые потрясли Польшу в середине семнадцатого века. Естественно, что в первую очередь обвинили иноверцев, на которых всегда можно было свалить вину за смуты, неурядицы, эпидемии, внутренние и внешние неудачи, и, в особенности, за военные поражения. Так случилось в 1672 году, когда Турция захватила Подолию, и евреев тут же обвинили в сношениях с неприятелем, хотя турки грабили их наравне с остальным населением и многих угнали в плен. Долгие еще годы после этого евреи Европы собирали деньги на выкуп пленников той войны.

Борьба в Польше велась между неравными. Духовенство было противника, ослабевшего после страшных лет хмельниччины. И тем не менее, когда какой-либо сейм вводил ограничительные законы, причина приводилась одна и та же: "Дабы вероломство и своеволие жидовское не брали верх". Поляк с малых лет проникался презрением к еврею, и по-прежнему воспитанники иезуитских школ нападали на еврейские кварталы и грабили их. Это были не проказы подростков, но организованные нападения на беззащитных людей. Общины давали ежегодно подарки начальству этих школ и учащимся, чтобы не было погромов, и известен случай, когда в Перемышле кагал предотвратил нападение, подарив каждому из преподавателей - "почтенных панов философов" - по паре желтых сапог из хорошей кожи, а учащимся выставил боченок меду. Но и подарки не всегда помогали.

Во Львове в 1664 году ученики двух церковных школ совместно с городской чернью решили устроить погром. Узнав об их намерениях, евреи стали "вооружаться, кто чем мог: пиками, топорами, секирами, саблями, пищалями, складывать камни во дворах и на крышах". Отряд самообороны разбил первые ряды наступавших, но городская милиция присоединилась к погромщикам, и они ворвались в еврейский квартал, убивали и грабили имущество. Были убиты двое сыновей раввина Давида Галеви; был убит молившийся в синагоге кантор; свитки Торы изорваны; сто убитых и двести раненых - итог этого погрома. Через два месяца, в день католического праздника, погром повторился. В запертый еврейский квартал толпа пробралась по крышам домов с соседних улиц и убила еще семьдесят пять человек. На еврейском кладбище Львова в начале двадцатого века сохранялись могилы жертв того года. На одной из них было написано: "И Шмуэль-кантор стоял в молитве с помыслами, обращенными к Богу, когда проклятая пронзила его чистое сердце своим мечом, которым она проколола и молитвенник, так что молящийся и молитвенник соединились". Эта женщина - "проклятая" - возможно, из предводителей погрома - упоминалась в надписях на шестнадцати могильных камнях, в том числе на могиле столетнего главы иешивы и на могиле юноши: "Проклятая сломила молодой росток могучего кедра, потушила светильник жизни, стремившийся к небу, и закрыла уста, источавшие живые струи Торы; уже в пятнадцатилетнем возрасте он обладал мудростью старца". Дни этих погромов многие годы были днями поста и траура в львовской общине. Но изредка случалось и иначе. В Познани в 1687 году несколько тысяч учеников и ремесленников пошли на штурм еврейского квартала, и его жители трое суток держали оборону. "Случилось небывалое, - писал еврейский летописец. - Бог дал нам силу противостать врагу три дня и три ночи. Каждый раз, когда они с обнаженными мечами врывались на наши улицы, наши побеждали их и гнали до рынка, ибо те были трусливы. То было чудо, как во времена Ахашвероша". Это событие в Познани отмечали затем ежегодной благодарственной молитвой.

В семнадцатом веке в Польше было около шестисот монастырей, и влияние духовенства, особенно иезуитов, чрезвычайно возросло. На своих соборах церковь подтверждала старые и издавала новые ограничительные законы против евреев и снова провозгласила, как это делалось еще в средние века, что евреев нужно терпеть только лишь для того, "чтобы они напоминали нам о муках Христа и своим рабским положением являли пример справедливой кары Божией над неверующими". Их ограничивали в праве строить новые синагоги и ремонтировать старые; запрещали освещать синагоги ночью, устраивать кладбища возле города и совершать обряд еврейских похорон днем. В 1670 году сейм постановил: "Во время публичных процессий они (евреи) должны оставаться в своих домах, не расхаживая по улицам, а когда священник идет со святыми дарами, они должны свернуть в сторону, в противном случае они будут подвергнуты наказанию". Приходили одни короли и ужесточали эти ограничения, приходили другие - делили послабления, но политика церкви постоянно оставалась бескомпромиссной. На сеймах депутаты-шляхтичи даже жаловались на духовенство, что оно "изыскивает всякие предлоги, чтобы подвергать евреев преследованиям и изгонять их из городов, нанося этим страшный вред торговле".

В тогдашнем польском обществе господствовали суеверия. Верили в колдовство и в злых духов; подозреваемых в сношениях с нечистой силой привлекали к суду и предавали мучительным казням. Очень часто евреям приписывали вину в появлении "чар" и таинственных знаков на домах, а в Новогрудском воеводстве сожгли без суда двух евреев, обвинив их в колдовстве. Христианское население практически ничего не знало о своих соседях-евреях, которые жили обособленно, и верило всевозможным чудовищным небылицам. Любой самый

нелепый слух можно было соединить с каким-либо еврейским именем, и этому тут же начинали верить: ведь еврей был чужаком, с незнакомой религией, со странными обычаями, а это вызывало опасения. Некий игумен Орест, оставивший после себя обширные записи, зафиксировал в них безо всяких сомнений следующий "факт": еврейка Шейна, дочь Вульфа, жена Айзика Габриловича, в Могилеве, на Шкловской улице, за валом, родила дитя "неподобное на человека, но похожее на медведя косматого с когтями", и дитя это было похоронено живым.

Не только в народной массе, но и в образованном обществе ходили нелепые рассказы о евреях. Верили, например, что если еврей - потомок Реувена притронется к неспелому плоду, то этот плод завянет, и что посевы у потомков Реувена не дают всходов, а на их могилах не растет трава. Верили, что у потомков Шимона раз в году бывает кровотечение из пальцев рук и ног; что потомки Дана целый месяц в году испускают нестерпимое зловоние, и потому они должны смазывать себя христианской кровью - для устранения этого запаха; что у каждого еврея из колена Гада имеется на голове пятнадцать язв; что у евреев из колена Ашера одна рука короче другой; у потомков Дана - свиные уши; у потомков Йосефа и Биньямина - рот кишит червями, - и тому подобные небылицы, которые даже "подтвердил" некий Франциск, выкрест из евреев. И потому - на этом фоне полного незнания, непонимания и вражды - особенно удивительны случаи перехода христиан в иудейство.

В 1716 году некая вдова Марина Сырвайцова, дочь попа, мещанка города Витебска, показала на следствии, что задумала перейти в иудаизм по собственной воле, без чьих-либо уговоров, так как от своего отца она слышала, что вера иудейская лучше веры христианской. Она не пожелала вернуться в христианство даже под жестокой пыткой и заявила, что готова погибнуть еврейкой "за живого Бога". Суд приговорил вдову Марину к терзанию тела клещами и к сожжению живой на костре. Тот же суд рассматривал дело девицы Марины Войцеховны, которая приняла иудаизм, обвенчалась с евреем и была арестована прямо на свадьбе. После трех пыток она не соглашалась перейти обратно в христианство, и только после четвертой, особенно жестокой, сказала: "Теперь я гнушаюсь еврейской веры, и как прежде верила в распятого Христа, так и сейчас готова за него страдать и умирать". Вместе с ней были взяты со свадьбы ее жених и еще несколько евреев, которые уверяли судей, что они и не подозревали, будто она христианка. Суд приговорил девицу Марину после ее раскаяния "только лишь" к обезглавливанию и сожжению ее тела, а каждый из евреев получил по сто ударов возле позорного столба.

Сохранилась еврейская рукопись восемнадцатого века, в которой рассказывается о графе Валентине Потоцком и пане Зарембе. Оба они учились в Париже и однажды во время загородной прогулки увидели старого еврея, который читал какую-то книгу. "Стали товарищи расспрашивать старца: что в этой книге, что это за письмена и что за язык книги, которую он читал? И ответил им старец: "Язык этот - язык священный, язык еврейский". Попросили они его рассказать им, что написано в книге, и он перевел им с толковым объяснением несколько слов. Понравилось им его объяснение, и спросили они его, все ли правда, что написано в этой книге? И старец отвечал: "Это все истинно верно"... Товарищи стали умолять того старца..., и старец согласился наконец поучить их и назначил им по часу три раза в неделю. В полгода выучили они все Пятикнижие, и вошли в их сердца слова Закона, и стали точно другие люди... И сказал один из них: "Дал я себе слово в душе - убежать отсюда в Амстердам и принять там веру евреев". И отвечал ему его товарищ: "Как ты, так и я..."

Пан Заремба вернулся в Польшу, женился там на дочери богатейшего гетмана Тышкевича и через несколько лет поехал со своей семьей в Амстердам. "Утром второго дня пошел он к раввину города и объявил ему, что желает перейти в веру еврейскую. И отвели ему особый дом и обрезали его и сына его, которому было пять лет. А жена его выглядывала, когда уже муж придет... и вечером пошла со слугою отыскивать мужа и сына. А он послал ей навстречу сказать, чтобы не искала, потому что перешел он в веру еврейскую. Как услышала она это, так и упала на землю без чувств. И поставили ее люди на ноги и спросили ее: что с тобою? А она кричала громким голосом: мой муж стал евреем!... И пошла она в дом, где находился ее муж, а он закричал ей громко, чтобы не подходила к нему: потому что я жид, человек низкий, а ты великая боярыня, дочь гетманская. Заплакала она и сказала: приму же и я еврейскую веру... И стала она еврейкой..." После этого пан Заремба с женой и сыном уехали в Иерусалим и стали там жить.

А его друг - граф Валентин Потоцкий - тоже принял иудаизм в Амстердаме, вернулся затем в Литву, жил возле Вильно, и называли его Авраам. За отпадение от христианской веры он был сожжен всенародно, и пепел его похоронили на еврейском кладбище. День его гибели отмечали в виленской синагоге на второй день праздника Шавуот, и в еврейской памяти он сохранился под именем Гер Цедек, что в переводе с иврита означает - "праведный прозелит". Рукопись заканчивается такими словами: "А второго дня праздника Шавуот вышел приговор, чтобы сжечь его; сильно просили его перед сожжением, чтобы возвратился он в их веру, а он над ними смеялся. Когда же мучили его, он громко и радостно превозносил Бога, говоря: будь благословен Ты, Боже, что освящаешь имя Свое всенародно!... Тогда приказали они палачу вырезать ему язык и вырвать его из затылка... И жил в те дни на Руси человек, который повествовал, что был Гер Цедек в городе Вильно и принял там мученичество всенародно..." В те времена выходили в свет всевозможные сочинения, в которых обвиняли евреев в совершении ритуальных убийств, и суеверная толпа верила всему, что там было написано. "Как шляхетская вольность невозможна без права "вето", - писал один из обличителей, - так и еврейская маца невозможна без крови христианской". Церковь объявляла святыми мнимых мучеников, якобы убитых евреями, и на поклонение "святым мощам" приходили толпы верующих. Неудивительно поэтому, что в семнадцатом и восемнадцатом веках прошли ритуальные процессы во многих городах Польши. И как правило, по одному и тому же сценарию.

В 1696 году в лесу возле Познани нашли убитого воспитанника иезуитской школы. Родные убитого и местная шляхта тут же обвинили евреев, и вся община во главе с рабби Нафтали Коэном сидела целыми днями в синагоге и молитвами и постом готовилась к мученической смерти. Уже нашлись подготовленные лжесвидетели, назревал судебный процесс, но неожиданно на рынке поймали польскую крестьянку, которая принесла для продажи окровавленную одежду убитого ученика. Убийцей оказался ее сын. В последний момент его пытались уговорить, чтобы всю вину он свалил на евреев, которые, будто бы, подкупили его, - но правда обнаружилась, и "тогда, - записал еврейский летописец, - почернели лица наших врагов, ибо замысел их не осуществился". Но уже в 1736 году в той же самой Познани начался новый ритуальный процесс, который тянулся четыре года. Обвиняемых пытали, но они не признали себя виновными, и двое из них скончались от пыток. В конце концов с общины сняли обвинение, и тем не менее король Август 11 издал на всякий случай декрет, запрещающий всякие сношения евреев с христианами. В этом декрете был даже такой пункт: если еврей станет ласково обращаться с христианским ребенком на улице или заговаривать с ним, а тот потом исчезнет, на этого еврея падет подозрение в убийстве ребенка. К счастью, в те времена мало обращали внимания на королевские декреты.

В 1698 году, перед еврейской Пасхой, в галицийском городе Сандомире одна христианка подбросила к церкви труп незаконно прижитого ребенка. Первоначальный осмотр тела показал, что ребенок умер естественной смертью, что и подтвердила под присягой его мать. Но тут в дело вмешалось духовенство, женщину пытали и вырвали у нее подсазанное палачами признание, что она будто бы передала мертвое тело еврейскому старшине Береку, а затем получила его обратно искалеченным. Однако на очной ставке с Береком женщина сказала: "еврей неповинен; я сама от боли не знаю, что говорю". Ее снова пытали, и снова она повторила то, что подсказывали ей палачи. Берека подвергали страшным пыткам, жгли тело раскаленным железом, но он отрицал свою вину и кричал с дыбы: "Клянусь Богом живым, я ни в чем не виновен". Такую поразительную стойкость во время пыток объясняли тем, что у Берека была особая мазь с "сильными чарами", охранявшими его от боли. А патер Жуховский, инициатор этого обвинения, писал: "Достойные уважения люди говорили, что необходимо было пытать не только тело, растянутое на дыбе, но жечь свечами и тень, падающую от тела, потому что может случиться, что дьявол переносит тело пытаемого на то место, где тень, -а в дыбу подкладывает что-либо другое". И хотя подсудимый ни в чем не сознался, ему отрубили голову, рассекли тело на четыре части и развесили на перекрестках дорог.

Но на этом дело не закончилось, потому что мещанство города Сандомира очень хотело получить королевский декрет об изгнании из города всех евреев, - и в 1710 году всю общину обвинили в убийстве мальчика-сироты. Так как прямых улик не оказалось, то прибегли к испытанному способу - к показаниям крещеного еврея, который подтвердил, что ритуальные убийства предписываются тайными еврейскими законами. Некий выкрест Ян Серафинович,

душевно больной человек, дал письменные показания, которые напоминают бред безумца. Он сообщил, что евреи нуждаются в христианской крови, чтобы "творить свои чары": новобрачным, якобы, при венчании дается яйцо с примесью христианской крови; этой же кровью мажут глаза умирающим; на Пасху кровь примешивают к тесту, из которого печется маца. Серафинович заявил, что когда он был главным раввином Литвы (не больше - не меньше), то сам замучил двух христианских детей и подробно описал способ получения крови, вплоть до того, что ребенка катают в бочке, набитой гвоздями, и распинают на кресте. Раввины вызвали клеветника на диспут, но он не явился, а может быть те, кто стоял за его спиной, не решились выставить на диспут сумасшедшего. На основании показаний Серафиновича суд приговорил к смерти трех руководителей общины города Сандомира. Патер Жуховский, инициатор и этого процесса, убедил короля Августа II изгнать евреев из города, и в королевском декрете было указано, что "нечестивые и неверные иудеи тайными и возмутительными способами проливают кровь христианских младенцев, которая вопиет к Божьему правосудию".

В 1747 году в городе Заславле на Вольни в дни Пасхи обнаружили под снегом мертвое тело. Собравшаяся толпа стала кричать, что евреи убили христианина; обвиняемых пытали, один из них не выдержал мук и признал обвинение, но остальные держались. В конце концов, был вынесен чудовищный по жестокости приговор, не в порыве безумия пьяной от крови толпы, а при обстоятельном размышлении "жрецов правосудия": "Палач должен посадить осужденного на кол живым и оставить его там, пока тело его не будет съедено птицами и не распадутся его бесчестные кости"; а с другого осужденного велено было "содрать с живого четыре полосы кожи, вынуть из груди сердце, разрезать на четыре части и прибить каждую к столбам по городу". В заупокойной молитве, написанной по этому скорбному поводу, взывала к небесам вся заславская община: "Боже милосердный в небесах, дай безмятежный покой в рядах святых душам святых... Земля, не закрывай их кровь, и пусть не умолкнет их вопль, пока не увидит Господь с небес!"

В 1753 году в Житомире был инсценирован новый ритуальный процесс. Тринадцать обвиняемых приговорили к смерти: им обмотали руки паклей и подожгли, затем провели через весь город к месту казни, четвертовали, обезглавили и головы развесили на кольях. Трое обвиняемых согласились креститься под угрозой этой мучительной казни, и тогда их "просто" обезглавили и привезли в гробах в костел, в торжественной процессии в честь новообращенных - "при громадном стечении панов, обывателей и военных". И теперь уже евреи Житомира взывали к небесам в своей заупокойной молитве: "Доколе будешь молчать, Господи, и прощать проливающим невинную кровь праведников?!..."

Затем возникло новое ритуальное обвинение, и евреи послали в Рим особого уполномоченного, который молил папу "оказать его несчастным иноверцам милость и защитить их от притеснений, тюремных заточений, пыток и смертных казней". Кардинал Лоренцо Ганганелли составил по этому поводу особую записку в защиту евреев и напомнил, что те же самые обвинения выдвигали некогда язычники против первых христиан. Папа римский предостерег польское духовенство от подобных обвинений, но уже в 1790 году в городе Гродно осудили раввина Эльзара за то, что он, якобы, убил христианскую девушку. Его приговорили к четвертованию, но король Станислав Август не утвердил приговор. "Я не допущу, - сказал он, - подобной бойни в моем государстве". Когда же ему заявили, что казнь все равно состоится, король уехал из города за день до этого. Несчастного казнили на городской площади, в присутствии тысяч зрителей и нескольких евреев, которые пришли специально, чтобы произнести "аминь" на последнюю молитву мученика. Его тело разрезали на четыре части и развесили по городу в назидание другим, а на следующий день евреи с плачем похоронили его. На его могиле было написано: "Здесь покоится прах выдающегося ученого и знатного человека рабби Эльзара Святого, сына Шломо Вербловера. Он пролил свою кровь, публично освятив имя Господа. Да будет душа его вплетена в узел жизни!"

В 1700 году началась двадцатилетняя Северная война, сопровождавшаяся гражданской войной в Польше. Русские армии Петра I в союзе с войсками польского короля Августа воевали против шведского короля Карла XII и поддерживавших его сторонников Станислава Лещинского. Это была долгая война, и велики были страдания еврейского населения, оказавшегося между двух огней. И та и другая сторона облагали их чрезвычайными налогами и контрибуциями; пострадала во время осады община Познани, пострадала община Львова; солдаты и казаки грабили еврейское население в городах и местечках.

В то время Украина была разделена на две части: Малороссия, или левобережная Украина, принадлежала России, а правобережная Украина оставалась за Польшей. Православное крестьянское население правобережной части, закабаленное католической шляхтой, видело в еврее-арендаторе чужака-нехристя, ставленника панов, и потому повторилось то же самое, что было и раньше во времена народных восстаний. С первых же лет Северной войны появились партизанские отряды казаков и бунтующих крестьян на Киевщине, Волыни и Подолии. В Баре, Немирове, Полонном, Заславле и других местах они нападали на польскую шляхту и евреев. В 1702 году атаманы Самусь и Палей захватили Богуслав, Корсунь, Лысянку и Белую Церковь и перебили всех поляков и евреев. По Украине бродили казацкие и крестьянские отряды - гайдамаки, к которым присоединялись молдаване, мещанство и мелкая шляхта, попадались среди них даже крещеные евреи, и все вместе они нападали на помещичьи усадьбы, на еврейские корчмы и местечки.

В 1734 году на Украину вступили русские войска, чтобы поддержать вновь избранного польского короля Августа III против его соперника Станислава Лещинского. Призыв русских действовать против шляхетской партии Лещинского был сразу же подхвачен на Украине, и с лозунгом "дана воля грабить жидов и убивать ляхов" гайдамацкие отряды снова поднялись против панов и евреев. Запорожская Сечь официально не выступала на стороне гайдамаков и даже временами боролась против них, но зато она дала много участников этого движения. Атаман Верлан совершал свои набеги на Подолию и Волынь якобы от имени русской императрицы Анны Иоанновны, и от его отрядов особенно пострадали общины Шаргорода, Меджибожа, Хмельника и Полонного. Когда Август III прочно утвердился на престоле, польская шляхта с помощью русских команд попыталась было усмирить гайдамаков, но волнения продолжались. Атаманы Грива, Медведь, Харек, Игнат Гольий со своими отрядами совершали налеты на Корсунь, Погребище, Паволочь, Рашков, Гранов и другие города. Путешествовавший через те края иностранец записал в своем дневнике: "Эта страна плодородна и приятна, но малолюдна, будучи подвержена набегам татар и гайдамаков, которые приносят величайшие разорения... Знающие довольно этих разбойников, которых поляки называют гайдамаками, а россияне запорожскими казаками, уверяли меня, что это - скопище бродяг, состоящее из множества дурных людей разных народов, которые убегают из своих мест, чтобы спастись от руки правосудия".

В 1740 году поднял бунт атаман Вошило. К его отрядам примкнули крестьяне и мелкие шляхтичи, и они стали грабить города и местечки в районе Быхова, Кричева и Мстиславля. Васько Вошило, называвший себя "великим атаманом" и "внуком Богдана Хмельницкого", прямо указывал в своих воззваниях, что целью его восстания является "истребление жидовского народа и оборона христианства", а вовсе не бунт против правительства и шляхты. Кроме него было еще много мелких атаманов, которые со своими отрядами убивали и грабили на проезжих дорогах панов и евреев, разоряли местечки и с награбленной добычей уходили на русскую сторону, за Днепр. Порой по требованию польских властей русские выдавали гайдамаков, но чаще всего они ускользали от наказания. Эти отряды разорили много городов и местечек: Винницу, Гранов, Фастов, Умань, Радомышль, Летичев, Мошны.

Сохранились показания взятых в плен гайдамаков. Казак Андрей Суляк сообщил, что в тех местах, где он побывал со своим отрядом, "уже не оказалось ни одного еврея, так как здесь раньше побывали запорожские казаки... Жалованья же никакого казаки не получают, но им позволено грабить евреев и ляхов и убивать первых". Казак Петр Демьянович показал, что в Замехове они нашли на берегу реки, в тростниках, двух спрятавшихся евреек, которых они и убили. Казаки удивлялись небрежности своих предшественников, говоря: "что это за казаки, по уходе которых еще оказываются ляхи, жида и ксендзы; после нас ничего уже не останется, всех перебьем".

В 1764 году польским королем был избран Станислав Август Понятовский. Россия потребовала, чтобы православным подданным Польши были предоставлены религиозная свобода и политические права, и русский посол угрозами заставил польский сейм принять закон о равноправии православных граждан Польши. Часть шляхты и духовенства воспротивились этому и образовали Барскую конфедерацию для защиты католической веры и древних шляхетских свобод. Соединенные русско-польские войска выступили против конфедератов и разбили их, и в это же самое время вспыхнуло на Украине восстание гайдамаков и православного крестьянства: это началось в 1768 году, и на этой фазе гайдамацкое движение

известно под названием Колиивщины. Современник событий писал в тот год: "Сообщаю вам, дорогой мой друг, о великом несчастье, постигшем Украину. Бунт изменников, известный под именем гайдаматчины, начался в селе Жаботине, где жил рабби Авремель, известный вам. В том селе умерщвлено было семьдесят человек, в том числе и жена рабби. Распорол живот, а плод вынули живым... Затем опустошительное движение гайдамаков распространилось по всей Украине. Горе глазам видящим и ушам слышащим это!... Мы бежали в субботу и нарушили почти все субботние постановления. Мы бежали и потеряли всякие вести один о другом. Мы лишились всего нашего состояния. Стыдно нам сознаться, до чего мы дошли: многие умирали от голода и жажды. Несколько тысяч не были даже погребены, а сделались добычей свиней и собак. Избави нас, о Господи! От великого горя не могу писать вам..."

Во главе Колиивщины встал запорожец Железняк, а идейным вдохновителем был православный монах Мельхиседек Значко-Яворский. Он побывал в Петербурге и якобы получил "золотую грамоту" от самой императрицы Екатерины II на право избивать поляков и евреев. В грамоте было сказано: "Так как мы ясно видим, с каким презрением и бесстыдством поступают поляки и жида с нами и с нашей православной религией... то даем приказ и повелеваем Максиму Железнику, полковнику и командующему в наших землях Низового Запорожья, вступить в пределы Польши, чтобы вырезать и уничтожить с Божьей помощью всех поляков и жидов, хулителей нашей святой религии... Дан в Санкт-Петербурге. Екатерина". И хотя императрица объявила впоследствии, что грамота эта была подложной, всюду, где появлялись гайдамаки, они зачитывали эту грамоту и поднимали народ на войну. С лозунгом истребления всех поляков, а также и всех евреев "от Нухима и до Боруха" гайдамаки напали на Жаботин, Черкассы, Смелу, Корсунь, Канев. Затем подошла очередь Тетиева, Рашкова, Липовцов, Тульчина. Везде грабили и убивали, не пропуская ни одного. Очевидец писал: "В Лысянке мы нашли на одной виселице трупы ксендза, шляхтича, еврея и собаки с надписью: "всё одна вера".

Особенно привлекал гайдамаков город Умань, принадлежавший графу Потоцкому. Надеясь на крепостные стены, многие беглецы сбежали в Умань в страхе перед гайдамаками, переполнили город и массами расположились за его стенами. Губернатором города был поляк Младонович, а отрядом казацкой милиции, что защищала город, командовал сотник Гонта. Когда Железняк подошел к городу, Гонта с казаками перешел на его сторону и тут же перебил всех беглецов, что расположились за стенами. После этого Железняк и Гонта напали на город. В первый день штурма поляки и евреи дружно оборонялись на стенах города под командой землемера поляка Шафранского. Дочь губернатора Младоновича вспоминала впоследствии: "Шафранский выбивался из сил, стараясь везде поспеть. Он роздал ружья евреям, чтобы они через палисад отбивались от крестьян... Помню, я видела жидов с опаленными бородами и пейсами, охотно стреляющими и защищающимися. Я могу сказать, что только одни жида и защищались..." Гайдамаки убедили губернатора, что поляков они не тронут, вошли в город и первоначально напали только на евреев. Началась резня, которая продолжалась трое суток. Жестокость гайдамаков поставила Уманскую резню наравне с самыми ужасными проявлениями массовых преступлений. По приказу Гонты трупы было запрещено хоронить, их бросали в колодцы и отдавали на съедение собакам. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков. Губернатор Младонович перед смертью напомнил Гонте, что тот клялся пощадить ему жизнь, но Гонта на это ответил: "И ты ведь изменил своему слову, данному евреям, не выдавать их мне". Всего в городе погибло около двадцати тысяч поляков и евреев. После этой резни гайдамаки вышли из города, устроили на поле табор и, поделив между собой богатую добычу, пьянствовали непрерывно в течение двух недель.

В одном из еврейских свидетельств об Уманской резне сказано: "Все евреи заперлись внутри синагоги... и начали защищаться. Один из них, по имени Лейба, выхватил меч у одного разбойника и убил двадцать врагов; другой, некто Мозес Мокер, защищаясь отчаянно, убил их тридцать. Наконец, разбойники... привезли пушку и ядрами стреляли по синагоге. Тысячи евреев лишились там жизни, но они сделались мучениками за веру. Одна женщина по имени Брейла, боясь, чтобы после ее смерти дети не были обращены в другую веру, утопила их в реке. Гонта-изверг (да будет его имя проклято!), прибыв в Умань, издал объявление, чтобы богатые еврейские купцы, если пожелают спастись от гибели, принесли ему немедленно значительный выкуп. Купцы поверили и принесли его в ратушу. Гонта взял деньги, а несчастных, выбросив из окошка, лишил жизни... Убили целые тысячи евреев, их кровь переливалась за порог

синагоги... Убийцы топтали младенцев на глазах их матерей, живых детей вбивали на острия пик и с торжеством носили по улицам, как бы празднуя победу..." Другой еврейский летописец писал: "Разложив на полу свиток Торы, они (гайдамаки) стали топтать его ногами и резать на нем евреев. Резня была так велика и ужасна, что кровь зарезанных стояла в синагоге выше порога. Потом гайдамаки вынесли из синагоги свитки Торы, разложили их по улицам и верхом проезжали по ним". А в актах Уманского Базилианского монастыря сказано так: "Страшно было видеть их (евреев), плавающих в собственной крови, без рук, без ушей, обнаженных, которых добивали собравшиеся из ближайших сел поселяне... Тут даже женщины, ожесточенные примером мужей, дубинами, ножами, лопатами, серпами резали и убивали, и даже детей своих к этим жестокостям принуждали..."

Покончив с Уманью, гайдамаки отправились в Балту, куда бежали евреи из Умани, и убили их там. Из Умани они пошли и в Бендеры, где тоже грабили и убивали. Но это уже были последние их дни. Гайдамаков усмирила Россия, которая опасалась, как бы к этому движению не присоединилась Запорожская Сечь, и как бы восстание не перекинулось и на левобережную Украину. Железняк, как русского подданного, сослал в Сибирь. Семьсот гайдамаков повесили на пути от Умани и до Львова. Гонту подвергли ужасным пыткам и казнили. И на этом гайдаматчина закончилась.

В память об Уманской резне была установлена особая молитва, которую читали ежегодно в уманских синагогах в пятый день месяца тамуз: в тот день гайдамаки напали на Умань. В память тех страшных событий были составлены многие "киноты" - плачи, и в одном из них под названием "Плач на бедствия украинские" описывались все несчастья того периода:

Отче небесный! Как мог Ты взирать,

Чтобы евреи украинские претерпели такие бедствия?...

Да предстанут пред Тобой злодеяния гайдамаков.

Владыка мира!

Помоги всем, кто за нас заступился, - аминь!

В 1672 году турки захватили Подолию и назначили Юрия Хмельницкого, младшего сына Богдана Хмельницкого, гетманом над правобережной Украиной с резиденцией в Немирове. Когда богатый еврей Аарон женил своего сына, не попросив разрешения у гетмана, тот велел привести его к себе, но Аарон бежал. И тогда по приказу Хмельницкого жена Аарона была "живая облуплена", то есть с нее содрали кожу. Аарон поехал в Каменец Подольский и пожаловался на Хмельницкого Каменецкому паше, а тот сообщил об этом в Стамбул. По указу из Стамбула Юрия Хмельницкого вызвали в Каменец и устроили очную ставку с Аароном. Хмельницкий не смог оправдаться и по решению суда был тут же казнен.

Сохранились записи путешественников семнадцатого века по Польше и Литве. Один из них в городке под Варшавой наблюдал пожар в еврейском квартале: "Я бы насмешил, - писал он, - если бы начал рассказывать, какой они подняли гвалт, как колотили их раздраженные христиане". Еще он писал: "Больше всего (в Минске) жидов с их синагогами. Внося аккуратно магнатам огромные подати и будучи через это весьма полезны, они обладают и немалой свободой... На границе Литвы с Московией... торгуют все больше жида. Скупая дешево меха из соседней Московии, они продают их в Польше с огромным барышом. Тут крайний предел их торговой деятельности: в Московию они и показаться не смеют". А другой путешественник отметил в своих записях: "Большая часть жителей города (Белая Церковь) - поляки; между ними находится много жидов, которые содержат шинки и умножают откупами государственные доходы. Мало находится деревень, в которых бы не было жидов; а это великое счастье для чужестранцев, которые без них не знали бы, где приютиться"

В жалобе польского дворянина за 1708 год говорится о том, что межирицкий мещанин Григорий Пашенко грабил и бесчинствовал, и среди прочего - напал на корчму, связал еврея, бил его, топтал ногами, прикладывал саблю к шее, грозя отрубить голову, если тот не укажет, где у него хранятся деньги. Затем он погнался за другим евреем, но тот успел броситься в пруд, и выстрелы из пистолета в него не попали. Пашенко отправился в замок грабить пана, а еврей, выбравшись из пруда, уговорил мужиков пойти с ним спасать пана. Вскоре толпа мужиков, наломав в лесу дубин, во главе с евреем двинулась на замок. А межирицкий мещанин Григорий Пашенко отправился в корчму, набрал ведро водки и предался пьянству.

В дневнике некоего Петра Апостола записано в 1725 году: "В польском праве... исключаются из судебной должности: отлученные от церкви, схизматики, евреи, бесчестные люди и

незаконнорожденные, так как неприлично облекать каким-либо достоинством человека, чем-либо запятнанного".

После гайдамацких погромов второй половины восемнадцатого века многие евреи бесприютно бродили по польской Украине в поисках пропитания, и известен даже случай, когда десять вооруженных человек под предводительством некоего Майорки Шимановича грабили местное население. В судебном акте сказано, что однажды они пришли в дом офицера под видом странствующих купцов. Не застав хозяина, они поспешили в соседнее местечко, потому что наступала суббота, а грабители собирались провести ее так, как это полагается благочестивым евреям. В ночь на воскресенье они вернулись, убили офицера, ранили его жену и ограбили дом. В середине восемнадцатого века жил в Бердичеве проповедник общины по имени Либер, или - как его все называли - Либер Великий. Он уединялся от людей, все свое время посвящал занятиям кабалой, в которой приобрел большие познания, и евреи Бердичева смотрели на него, как на святого праведника, которого Бог приблизил к себе и открыл ему Свои пути. Однажды князь, владелец города, проезжал через лес и увидел еврея, молившегося под деревом. Князь подозвал его к себе, но Либер не тронулся с места. Рассердился князь и велел своему кучеру бить еврея кнутом, но тот как будто не чувствовал боли и продолжал молиться с тем же увлечением, что и раньше. Князь был поражен этим и, возвратившись домой, послал за Либером, чтобы извиниться перед ним. Но тот заявил, что он простит князя при одном условии: если князь подарит еврейской общине то место, на котором он, Либер, молился, чтобы построить там синагогу. Князь согласился, и на том самом месте была построена большая синагога, которая потом, когда город разросся, оказалась в его центре. Она так и называлась - синагога Либера.

В городе Луцке на старом кладбище еще в конце девятнадцатого века стоял памятник мученику, которого четверговали за отказ креститься. На памятнике была надпись "Памятник над могилой одного святого, который принял ужасные муки и прославил великое и могучее имя Бога Этот ученый по имени Иегуда Зеэв Вольф, сын рабби Товии, вознесся на небо в день субботний и принял свой приговор с горечью. 28 тамуза 522 года (июль 1762 года)"

В 1768 году выборные общины Могилева Подольского писали в своем обращении к местным евреям: "Бедственное время наступило для Яакова; одна беда следует за другою... Мы идем ощупью, как слепцы в потемках, мы беднеем изо дня на день, нас ведут, как овец, на заклание; мы стали притчею между народами; на нас кидают жребий, как на брошенную вещь в пустыне... Бог же да воззрит на страдание наше, да скажет Он нашим бедствиям: довольно! Да поведет Он нас поскорее в нашу землю и через глашатая мира да возвестит мир в наших пределах!"

В еврейском источнике за 1769 год сказано: "Жил в то время на Украине один старик, благочестивый и знаменитый ученый, который сразу же предостерег все общины от надвигающихся бедствий после первого же разбоя в городе Жаботине. Он напомнил, что еще после резни Хмельницкого решили тогда польские, литовские и турецкие евреи и обязали всех клятвой, под страхом отлучения, не селиться больше на Украине. Однако евреи жили там, наживали имущество, и потому этот старик запрещал евреям брать что-либо с собой из этого закланного имущества. И так, говорил он, если вы послушаетесь меня и, убегая, не возьмете с собой своих достатков, вы спасетесь от угрожающего вам несчастья. Кто же пожалеет свое имущество, тот погибнет... И как этот старец предсказывал, так и сбылось. Послушавшие его совета - уцелели, а кто захватил с собой пожитки, даже самые незначительные, были умерщвлены: одни удушены, некоторые сожжены, а другие заброшены камнями. И все это передал нам человек, заслуживающий доверия".

ОЧЕРК ПЯТНАДЦАТЫЙ

Единичные появления евреев на территории Российского государства. Смутные времена. Царствование Алексея Михайловича. Петр I и евреи. Дело Возницына. Три раздела Польши.

Рассказывая о жизни евреев в Польше, Литве, Украине и Белоруссии, надо непременно упомянуть и о тех, кто от случая к случаю попадал на территорию Российского государства. Евреи приезжали торговать в Россию, попадали в плен во время войн с Польшей и Литвой, временно поселялись в русских городах, изгонялись, возвращались, поселялись заново, работали в России и для России. История сохранила многие имена, и их тоже следует вспомнить, раз уж мы рассказываем историю российских евреев.

В начале семнадцатого века, в Смутные времена, в Москве воцарился Лжедмитрий I. Он отменил всякие ограничения на въезд в Россию и переезды внутри государства, сделал торговлю свободной как для русских, так и для иностранцев, и в ту пору в Россию понаехало много купцов из других стран, в том числе, конечно же, и евреи. В особом "Сказании" тех времен, повествующем "о прелести злопроклятого еретика Гришки Отрепьева", сообщается, что "наполнил он, окаянный, Российское царство погаными иноверцами, еретиками, Литвою, и Поляками и жидами". После убийства Лжедмитрия среди погибших в Москве были и евреи: ненависть к полякам-притеснителям распространилась, естественно, и на них, даже если они и были обычными купцами.

Затем объявился в России другой самозванец Лжедмитрий II, "Тушинский вор". В Тушино собрались вокруг него не только поляки, но и русские бояре, недовольные тогдашним Московским царем Василием Шуйским. Из Тушина вели переговоры с Польшей о приглашении на Московский престол польского королевича Владислава, и в проект договора между тушинцами и польским правительством был внесен особый пункт: "а жидам в Московском государстве с торгом и другими делами бывать не позволят". Но этот договор так и остался на бумаге, и в 1613 году царем стал молодой Михаил Федорович Романов. В его царствование посетил Москву иностранец Олеарий и отметил в своих записках, что русские "крайне неохотно видят и слушают папистов (католиков) и иудеев". Однако в еврейских документах первой половины семнадцатого века есть, тем не менее, упоминания о том, что евреи бывали в России: "после того, как я сам был в Москве", "я прибыл в Москву", "одно лицо, прибывшее из страны Московской" - и другие подобные указания.

В 1632 году началась война с Польшей. Некоторые польские города сдались русским, и тамошние евреи, попавшие в плен, были отосланы вместе с другими пленниками в отдаленные российские края: кто в Пермь Великую, а кто и в далекую Сибирь - "в службу" и "на пашню". Одни пленники принадлежали государю, а другие, захваченные частными лицами, принадлежали этим людям или тем, кому их затем продавали. В Москве пленников не оставляли, так как опасались, что после заключения мира они вернуться домой и расскажут там обо всем, что делается в российской столице, - а это считалось опасным в военном отношении. В семнадцатом веке российские правители неохотно впускали в страну иноземцев - "басурман, а наипаче жидов некрещеных". Их боялись, как возможных шпионов и как проповедников безбожных обычаев. Иноземцы не могли рассчитывать в России на многолетнюю оседлость, их терпели и нередко изгоняли. Иностранные купцы приезжали для торговли в пограничные города, но в Москву их допускали с особого дозволения, а по окончании ярмарки они обязаны были немедленно уехать: местные российские купцы видели в них еще и нежелательных конкурентов. Временами в Москву приезжали послы из других стран с огромной свитой, и вместе с послами появлялись купцы с иностранными товарами. Иностранцев обязывали жить в особых частях города или даже за городом; они должны были носить свои одежды, отличавшиеся от русских одежд, чтобы их легко можно было выделить в толпе; посещать иностранцев местному населению было категорически запрещено. Даже иностранным послам не разрешали свободно передвигаться по Москве, возле их домов ставили особых караульчиков, и выходить на улицу они могли только по уважительной причине и непременно в сопровождении приставленных к ним служителей. Еврей-купец был иностранцем на улицах Москвы и тоже не мог рассчитывать на особое гостеприимство. В 1652 году царь Алексей Михайлович издал особый указ, по которому иностранцам разрешалось проживать в Москве только в пределах слободы Кукуй при реке Яузе - в так называемой Немецкой слободе. Им

запрещали оставаться на ночь в Москве, и даже была особая поговорка, при помощи которой иностранцев гоняли на закате, как кур гоняют на насест: "Фрыга, шиш на Кокуй!" - то есть фряг, фрязин, чужеземец пошел в свою слободу Кукуй.

В 1659 году в Немецкой слободе провели облаву, и среди прочего недозволенного элемента, который без разрешения жил в Москве, были схвачены и евреи. Некие Ганка и Рыся - дочери Мееровы, с детьми - заявили, что их взял в плен подполковник Михайло Вестов в городе Мстиславле и привез в Москву. Его брат Самойло Вестов привел из того же города девушку Эстерку, дочь Юдину. Был там еще некий Ооска Александров с женой, который "кормился черною работою"; Марко Яковлев с женой Дворкою торговал ветошью; Якубко Израилев, старик, бобыль, второй уже год жил в Москве и пек "на торг хлебы", а Моска Марков торговал мясом. Трое из этих евреев приняли лютеранство, а остальные, пойманные на облаве, решили остаться при своей вере, и их сослали с женами и детьми в Сибирь, на вечное житье. В Москве могли тогда жить только крещеные евреи, но многие из них тайно исповедовали прежнюю свою веру.

В царствование Алексея Михайловича снова была война с Польшей, и многих евреев увели в плен вместе с поляками. Отправляли в Россию мужчин, женщин и детей; в Москве на Ивановской площади вовсю торговали пленниками, и некоторые из них стали крепостными у помещиков. После Андрусовского перемирия 1667 года бывшие пленные поляки, литовцы и евреи, оставшиеся в России, основали в Москве Мещанскую слободу. Это случилось в 1670 году: "по указу великого государя велено за Сретенскими воротами строить мещанам новую слободу". Слово "мещане" - иноземного происхождения, и в те времена оно прилагалось лишь к выходцам из Польши. Первая книга переписи Мещанской слободы упоминает про двух крещеных евреев, что жили там своими дворами: это были Матюшка Григорьев и Андриушка Лукьянов. Третьим записан в переписи Лучка Григорьев - "еврейской породы", "бездворный подсоседник".

Евреи-выкресты жили тогда не только в Москве. Опальный патриарх Никон, жалуюсь царю Алексею Михайловичу на своих врагов, писал в 1671 году среди прочего: "Да у меня же в Воскресенском монастыре были два жида крещеных, и, оставя православную веру, начали они старую жидовскую держать и молодых чернецов совращать. Я, сыскав об этом подлинно, велел жида Демьяна помирить и сослать в Иверский монастырь, а Демьян другому жиду, Мишке, сказал: "Не пробывать и тебе без беды. Беги в Москву и скажи за собою государево слово"; тот так и сделал... А в это время молодые чернецы, бывшие в жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тем жидам помогли, да им же помогал архимандрит Чудовский".

По словам иностранного врача Коллинса, который жил при царском дворе, в Москве образовалась небольшая еврейская колония. "В последнее время, - писал этот врач, - к русскому двору пробралось много жидов чрез покровительство одного лекаря жида, который принял лютеранскую веру". Этот лекарь много раз упоминается в документах под разными именами: Данило Евлевич, Данило Ильич, Данило Жидовинов, Данило Фунгаданов, "Данило, а в крещенье Степан Фунгаданов", "дохтур Стенька Фонгадин", Стефан Фунгаданов, и наконец - "Данило фон Гаден, жид". Это был еврей из Силезии, из города Бреславля; приехав в Москву из Киева в 1657 году, он стал врачом царя Алексея Михайловича и сына его Федора. Гаден принял поочередно лютеранство, католичество и православие, но оставался, скорее всего, тайным евреем, а из Подолии к нему приезжали в Москву члены его семьи - правоверные евреи. Он был популярным врачом при московском дворе; царь одарял его всяческими милостями и даже позволил съездить к матери в Польшу, что редко разрешалось иностранцам. В семидесятых годах семнадцатого века к Гадену переселились его родные, и благодаря этому, как писали тогда, "значительно увеличилось число евреев в Москве".

Гаден погиб во время восстания стрельцов в 1682 году, обвиненный в отравлении царя Федора. Его притащили на Красную площадь, царица Марфа и царевны уверяли стрельцов, что Гаден невиновен, что он сам прежде отведывал лекарства, которые затем подавали царю, но это не помогло. "Он чернокнижник! - кричали стрельцы. - Мы в его доме нашли сушеных змей, и поэтому его надобно казнить смертью!" Несчастливого поволокли в застенки и пытали. Там, не выдержав боли, он наговорил на себя и попросил дать ему три дня сроку, после чего он укажет на тех, кто более его достоин смерти за убийство царя. Очевидно, он просто хотел выиграть время, но стрельцы на это не согласились. "Долго ждать!" - закричали они, разорвали записку с его пыточными показаниями, снова потащили Гадена на Красную площадь и там подняли на

копья, а затем изрубили на куски. Вместе с ним был убит и его сын. В документе того времени, при перечислении жертв стрелецкого бунта, сказано о нем среди прочих: "а именно убиты насмерть... Данило фон Гаден, жид". Еврейский свидетель тех событий сообщил следующее: "Я приехал в Москву через три или четыре дня после погрома и пошел на похороны с другими анусим (тайными евреями), ибо дан был приказ от царя похоронить убитых. Даниил (Гаден) был изрублен на куски: отрублены были одна нога и одна рука, тело проколото копьем, а голова разрезана топором. Я и другие анусим похоронили Даниила и его сына Цви в поле."

Реформы царя Петра I широко открыли двери в Россию для всех иностранцев, кроме евреев. Рассказывали, что когда Петр жил в Голландии и приглашал в Россию разных мастеров, амстердамские евреи тоже попросили права переселиться, обещали от этого громадные выгоды казне и на первых порах предлагали преподнести государю сто тысяч гульденов. На это Петр I будто бы так ответил посреднику в переговорах: "Вы знаете евреев, их характер и нравы, знаете также русских. Я тоже знаю и тех и других, и поверьте мне: не настало еще время соединить обе народности. Передайте евреям, что я признателен за их предложение и понимаю, как выгодно было бы им воспользоваться, но мне пришлось бы пожалеть их (переселенцев), если бы они поселились среди русских." Известен, правда, и другой случай, прямо противоположного характера, когда в Россию соглашался приехать врач-еврей - при условии свободы вероисповедания. Петр ответил на это: "По мне будь крещен или обрезан - едино, лишь будь добр человек и знай дело". Но Петербург во времена Петра оставался закрытым для евреев. Купцы могли приезжать туда только по делам, и непродолжительное время там жили поставщики и посредники - финансовый агент царя Израиль Гирш, поставщик серебра на монетный двор Зундель Гирш, прусский банкир Либман. Среди тех, кто противился в России реформам, ходили слухи, что Петр I - это антихрист, который соберет всех жидов, поведет их на Иерусалим и будет там царствовать над ними; еще говорили, что истинный Петр умер за границей во время путешествия, а вместо него приехал в Россию "жидовин из колена Дана", - быть может, и это в какой-то мере повлияло на решение Петра не приглашать евреев в Россию?... Во всяком случае, в своем манифесте за 1702 год о приглашении в Россию "искусных" иностранцев Петр I сделал оговорку: кроме евреев.

Во время Северной войны русские войска продвигались по Польше, и тамошнее еврейское население очень страдало от грабежей и поборов. В еврейских летописях отмечен один только случай, когда Петр I лично заступился за евреев. Это случилось в городе Мстиславле в 1708 году, когда солдаты русской армии начали грабить местное население, но царь немедленно прекратил погром и строго наказал зачинщиков. В кагальной книге города Мстиславля это событие было записано "на память грядущим поколениям": "28 элула 5468 года пришел Кесарь, называемый царь Московский, по имени Петр сын Алексея, со всей толпой своей - огромным, несметным войском. И напали на нас из его народа грабители и разбойники, без его ведома, и едва не дошло до кровопролития. И если бы Господь Бог не внушил царю, чтобы он самолично зашел в нашу синагогу, то наверное была бы пролита кровь. Только с помощью Божией спас нас царь и отомстил за нас, и приказал повесить немедленно тринадцать человек из них, и успокоилась земля". Еще известен случай, когда во время войны со шведами Петр I был в Могилеве, "и евреи могилевские пришли встретить его с хлебом и живого осетра в чане принесли государю; но государь на них и не взглянул, только хлеб велел от них принять". При Петре I в новой российской столице свободно жили лишь крещеные евреи, и некоторые из них занимали там высокие государственные должности. Петр Павлович Шафиров, внук смоленского еврея Шафира, был пожалован Петром I в действительные тайные советники, произведен в вице-канцлеры, первым в России получил баронское достоинство. В 1711 году во время неудачного Прутского похода, когда царь Петр вместе с малочисленной русской армией был окружен турками, Шафиров послал на переговоры. Чтобы избежать унижительного плена, царь был согласен на значительные территориальные уступки, но Шафиров сумел обмануть турецких представителей, и Россия отдала лишь Азов. "Тучный Шафиров проявил присущую ему ловкость", - писали тогда, но во исполнение договора Шафиров был оставлен заложником в Стамбуле. В плену он находился два с половиной года и писал оттуда царю: "Держат нас в такой крепости, что от вони и духа в несколько дней вынуждены будем умереть". Тем не менее ему удалось заключить выгодный для России мир, и по возвращении в Петербург Петр I наградил Шафирова высшим орденом Российской империи - Андреевской звездой. Петр Павлович Шафиров был генерал-почтмейстером, среди прочих подписал "Духовный

регламент", упразднивший в России патриаршество, принимал участие в суде над царевичем Алексеем. Впоследствии обер-прокурор Сената обвинил его в нарушении закона и в утаивании еврейского происхождения, а особая комиссия, назначенная царем, признала его виновным в казнокрадстве и приговорила к смертной казни. Как сообщали очевидцы, Шафиров вел себя мужественно, по русскому обычаю обратился лицом к церкви и перекрестился, после чего встал на колени и положил голову на плаху. Палач взмахнул топором и вонзил его рядом с головой осужденного, а затем был прочитан царский приказ о замене смертной казни ссылкой в Сибирь. При Екатерине I Шафиров возвратился в Петербург, вновь был назначен президентом Коммерц-коллегии и сенатором, вел дипломатические переговоры с Персией и с Турцией.

Надо упомянуть еще про одну удивительную личность при дворе Петра I. Это был Ян д'Акоста, или как его звали в России - Лакоста, потомок евреев-маранов, бежавших из Португалии от преследований инквизиции. Лакоста познакомился в Европе с русским резидентом и вскоре поехал с ним в Россию. Это был веселый, находчивый и остроумный человек, и примерно в 1714 году Петр I назначил его на должность придворного шута. Его происхождение не было тайной, и при дворе его знали как "португальского жида Лакосту". Он превосходно знал Библию, и Петр I любил вести с ним богословские беседы. Современник вспоминал один случай: "Лакоста говорил, что в Святом писании сказано - "многие придут от востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом"; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано? Тот отвечал - в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библией и вскоре возвратился с огромною книгою, требуя, чтобы Лакоста отыскал ему это место; шут отозвался, что не знает, где именно находятся эти слова. "Все вздор, там этого нет", - отвечал государь." За усердную шутовскую службу царь пожаловал Лакосте титул "Самоедского короля" и подарил ему безлюдный остров Соммера в Финском заливе. Сохранились анекдоты, приписываемые Лакосте, и вот один из них. Однажды глупый придворный спросил Лакосту, почему он разыгрывает из себя дурака. "Конечно, по разным с вами причинам, - ответил шут. - Ибо у меня недостаток в деньгах, а у вас - недостаток в уме".

После смерти Петра I было решено выслать всех евреев из тех мест, где они жили оседло: из Малороссии, Смоленщины и недавно присоединенной Лифляндии - указом императрицы Екатерины I. Исполнение указа начали с Малороссии, изгоняли евреев-арендаторов, шинкарей и торговцев, но очень скоро там не оказалось нужных товаров, все вздорожало, и население стало роптать. И тогда специальным указом Петра II евреям позволили приезжать на ярмарки для оптовой торговли, а императрица Анна Иоанновна разрешила им и розничную торговлю в знак милости к местному христианскому населению, - но жить постоянно в России евреи уже не могли.

Вскоре однако выяснилось, что они продолжали жить оседло в тех краях. Последовало распоряжение Сената о немедленном их выселении, но исполнение было отсрочено из-за войны с Турцией, "чтобы через ту их высылку не воспоследовало какого шпионства". В 1739 году провели точную перепись евреев в Малороссии, и выяснилось, что там находились в ста тридцати дворах 292 мужчины и 281 женщина. Они жили "не своими домами" и не имели "никаких грунтов, заводов и других промыслов", а арендовали шинки для торговли напитками. Эту горсть евреев, из-за которых и возникла такая оживленная административно-законодательная деятельность, решили выслать по окончании войны с Турцией. Резолюция императрицы Анны Иоанновны гласила: "Вышеобъявленных жидов, по силе прежних указов, из Малой России выслать за границу".

На такое категорическое ее решение несомненно повлияло одно удивительное событие, память о котором сохранилась в русских архивах под названием: "Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Вороха Лейбова за совращение его". Имя Бороха Лейбова встречается в русских документах еще в 1722 году. Смоленские мещане обратились тогда в Святейший Синод с жалобой на евреев, которые развращающе действуют на христиан, и упомянули в жалобе имя откупщика таможенных и питейных сборов богача Бороха Лейбова, который в селе Зверовичи под Смоленском устроил "жидовскую школу" (синагогу) возле церкви Николая Чудотворца, где "басурманскую свою веру отправляет", и до смерти избил священника того села Авраамия, который "чинил ему, жиду, всякие противности в строении школы". И хотя Борох Лейбов отрицал свою вину и утверждал, что священник умер от пьянства, а не от побоев, Синод приказал "противную христианской церкви жидовского учения школу разорить до основания",

а "книги и прочее собрать и сжечь без остатку". Это было немедленно исполнено: моленную разрушили, книги сожгли, а через несколько лет после этого всех евреев села Зверовичи вместе с Борохом Лейбовым выслали из России - на основании указа Екатерины I.

Но Борох продолжал приезжать в Россию по делам, встретился в Москве с отставным капитаном русского флота Александром Возницыным и "совратил" его. Решив принять иудейство, Возницын поехал в пограничное белорусское село Дубровно, где жил Борох Лейбов, и подвергся там обряду обрезания. В 1737 году его жена подала донос в московскую канцелярию Синода, в котором сообщила, что ее муж, "оставя святую православную веру, имеет веру жидовскую и субботствует, и никаких праздников не почитает... молитву имеет по жидовскому закону, оборотясь к стене... а дружбу он имел с жидом Борох Лейбовым..." Как только донос был подан, дело сразу же приняли к рассмотрению. Занималась этим знаменитая канцелярия тайных розыскных дел, где Бороха Лейбова допрашивали без пыток, а Возницына подвергли мучительным истязаниям. Свидетели показали, что обвиняемый "лепешки пресные по жидовскому закону пек и ел; жидовский шабес держал; взяв курицу русскую, резал ее так, как видел у жидов, и ту курицу варил он, Возницын, в пятницу до захождения солнца, а в субботу ее ел". Выявились и другие факты, которые подтверждали его вину, но самым главным было обрезание. Сказано в протоколе допроса: "Об обрезании Возницын показал, что он не был обрезан, а тайный уд у него хоть и поврежден, но от бывшей у него прежде французской болезни, от которой лечил его и резал ему тот тайный уд лекарь, который уже умер". Но дворовые люди опровергли это его заявление. Они показали, что до отъезда в Польшу Возницын брал их с собой в баню, а после этого перестал, и что никакого повреждения они у него прежде не видели. После допроса под пыткой Возницын изменил свои показания и сообщил комиссии, что по пути в Польшу он ознобил указанное место, на что следователи довольно резонно отметили в протоколе допроса, что при самом жестоком морозе "подлежало быть озноблену какому иному члену, а наипаче лицу, рукам и ногам, а не тайному уду". Жена Возницына также показала, что до отъезда мужа в Польшу никакого повреждения у него не видела, а по приезде его из Польши - повреждение усмотрела.

Следствие по этому делу производилось с чрезвычайной быстротой по требованию императрицы Анны Иоанновны. И хотя Юстиц-коллегия настаивала на дополнительном расследовании, по указанию императрицы Сенат постановил предать виновных смертной казни, и Анна Иоанновна собственноручно начертала резолюцию: "Дабы далее сие богопротивное дело не продолжилось... обоих казнить смертию - сжечь". Экзекуцию провели на Адмиралтейском острове в Петербурге, возле нового Гостиного двора - 15 июля 1738 года. В специальном объявлении было указано, чтобы "всякого чина люди для смотрения той экзекуции сходились к тому месту означенного числа, по утру с восьмого часа". И в назначенный час отставной капитан-поручик Александр Возницын и Борох Лейбов были сожжены. После казни последовала резолюция императрицы, чтобы вдове Возницына была выделена часть из оставшегося после него имущества "и о прибавке ей, сверх того, ста душ за учиненный донос на мужа".

В девятнадцатом веке в одном из городков Могилевской губернии жила старуха-еврейка, которая рассказывала, что ее дед - Борох, по прозвищу "не торопись", был сожжен вместе с одним офицером, который при его содействии перешел в еврейство. По преданию, которое существовало в семье, это прозвище объясняется тем, что на пути к месту казни офицер старался приободрить Бороха и говорил ему то и дело: "Борох, не торопись! Борох, не торопись!" То есть: "Не волнуйся, Борох, крепись!"

Кенигсбергский раввин Лейб Эпштейн написал в восемнадцатом веке особое сочинение о том, что евреям нельзя жить в Санкт-Петербурге. В летние месяцы там наступают белые ночи, и поэтому религиозный еврей не может определить время утренней и вечерней молитвы. Но у императрицы Елизаветы Петровны наверняка были иные доводы на этот счет. Она нетерпимо относилась ко всем иноверцам, и возможно, что в ее царствование евреи не только не жили в Петербурге, но и не приезжали туда даже на время. Несомненно, что на это повлияло и дело Александра Возницына. Отпадение в еврейскую веру офицера, дворянина и помещика насторожило ревнителей православной веры и воскресило в их памяти ересь жидовствующих. 2 декабря 1742 года императрица издала строжайший указ: "Из всей нашей империи, как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень всех жидов немедленно выслать за границу и впредь оных ни под каким видом не впускать". Сразу же началось

выселение евреев - "какого бы звания и достоинства ни были", и через самое малое время из Малороссии сообщили, что сто сорок евреев уже высланы за границу, и что запрещение евреям привозить товары уменьшает государственные доходы и разоряет многих коренных жителей. Этот же указ вызвал переполох в Риге, куда евреи привозили товары по Двине и вели с местным населением оживленную торговлю. Рижский магистрат сообщал в столицу, что вся торговля с Польшей ведется при посредничестве евреев, что за евреями числится огромная сумма денег рижского мещанства, и если запретить им приезжать в Ригу, то они поедут со своими товарами в другие города. И тогда Сенат особым докладом попросил у императрицы, чтобы она разрешила евреям приезжать в Малороссию и в Ригу временно, для торговых дел. На этом докладе была начертана категорическая высочайшая резолюция: "От врагов Христовых не желаю интересной прибыли".

Нетерпимость императрицы проявлялась даже по отношению к отдельным лицам, и пострадал от этого врач Антонио Рибейро Санхец. Он родился в Португалии, в семье евреев-маранов, учился медицине в университетах Европы, в 1731 году приехал в Россию, обучал там фельдшеров, повитух и фармацевтов, а также "немалое время находился при войсках, с которыми неоднократно бывал в походах". Затем он прославился в Петербурге как искусный медик, работал при дворе и лечил правительницу Анну Леопольдовну и юного императора Иоанна Антоновича. Анна Леопольдовна так верила в Санхеца, что даже из Риги присылала ему на просмотр рецепты, которые ей там прописывали местные врачи. Санхец лечил также императрицу Елизавету Петровну, и он же вылечил от опасной болезни пятнадцатилетнюю невесту Петра Федоровича, будущую Екатерину Великую. Она писала в своем дневнике: "Я находилась между жизнью и смертью двадцать семь дней..., наконец благодаря стараниям доктора Санхеца нарыв в правом боку прорвался, и мне стало легче". В 1747 году доктор Санхец заболел, подал в отставку, и его отпустили из России с большими почестями.

Императрица подписала ему на прощание похвальный аттестат, Академия наук избрала его в почетные члены и назначила ему пенсию - двести рублей в год. Однако через год после этого императрица распорядилась, "чтобы из почетных членов Академии Рибера Санхеца выключить и пенсии ему не производить". Санхец предположил, что его обвинили в политической неблагонадежности, но вскоре ему было разъяснено, что "причиною, по которой он лишился места своего, было его иудейство, а вовсе не какие-либо политические обстоятельства".

Президент Российской Академии наук написал Санхецу: "Ее Императорское Величество полагает, что было бы против ея совести иметь в своей Академии такого человека, который покинул знамя Иисуса Христа и решился действовать под знаменем Моисея и ветхозаветных пророков. Вот, милостивый государь, истинная причина вашей опалы". Знаменитый математик Эйлер писал в Россию: "Я сильно сомневаюсь, чтобы подобные удивительные поступки могли способствовать славе Академии наук".

Затем с еврейским вопросом столкнулась императрица Екатерина II в первые же дни своего царствования. Прибыв первый раз в Сенат, она тут же оказалась в затруднительном положении, потому что в тот день рассматривался вопрос о евреях, изгнанных в царствование Елизаветы Петровны. Сенат единогласно был за их допущение в Россию, и Екатерина должна была утвердить его решение. Она писала в своих записках, упоминая себя в третьем лице: "Не прошло еще недели, как Екатерина II вступила на престол; она возведена была на него, чтобы защитить православную веру...; умы были сильно возбуждены, как это всегда бывает после столь важного события; начать царствование таким проектом не могло быть средством для успокоения; признать проект вредным - было невозможно". И Екатерина потребовала, чтобы дело отложили до другого времени. "И вот как часто недостаточно, - писала она, - быть просвещенным, иметь лучшие намерения и даже власть, чтобы привести их в исполнение". Этим же соображением Екатерина руководствовалась в своем манифесте от 4 декабря 1762 года, который разрешил всем иностранцам беспрепятственно селиться в России, всем - "кроме жидов".

Вскоре однако исторические обстоятельства прекратили всякие споры на эту тему - разрешать или не разрешать евреям поселяться на территории Российской империи. В 1772 году Екатерина II, прусский король Фридрих II и наследник австрийского престола Иосиф II пришли к соглашению о разделе окраинных земель Польши. По этому договору к России отошла большая часть Белоруссии - Могилевская и Витебская губернии, к Австрии - Галиция, а к Пруссии - Померания и часть Познанской провинции. По этому разделу Польши на территории

России оказалось около ста тысяч евреев, разбросанных по городам и селам Белоруссии, которые неожиданно стали российскими подданными.

После первого раздела была создана в Польском королевстве особая комиссия для сбора сведений о численности и об экономическом и культурном состоянии польского еврейства. Было установлено, что в Речи Посполитой проживало тогда около девятист тысяч евреев - одна восьмая часть всего населения. Комиссия отметила возрастающую болезненность и тщедушность в молодом еврейском поколении и усиление детской смертности, которая была у евреев в полтора раза выше, чем у христиан. Евреи держали тогда в торговле три четверти вывоза всех товаров и одну десятую часть ввоза. Еврей-купец был менее требователен, чем купец-христианин, тратил на свое содержание вдвое меньше и мог поэтому довольствоваться меньшей прибылью. Из-за частых банкротств и неудачных спекуляций состояние в еврейской семье не удерживалось на протяжении нескольких поколений. Половину ремесленников в провинции составляли евреи: сапожники, портные, скорняки, золотых дел мастера, плотники, каменщики, цирюльники. Каждый двенадцатый еврей в Польше не имел определенных занятий, каждый шестидесятый - был нищим.

В польских, литовских и украинских городах и местечках евреи жили скученно, в деревянных домах, крытых, чаще всего, соломой. Если прежде можно было еще встретить садик или огород возле еврейского дома, то к концу восемнадцатого века места для садов и огородов уже не хватало. Теснота в еврейских кварталах все возрастала, дома строились вплотную, бок о бок, а в больших городах появились двух и трехэтажные дома, в которых жило по несколько семей. При каждом "зимнем помещении" была еще и кухня с большой печью, которая примыкала к жилой комнате. В кухне держали домашнюю птицу. Кровати в комнате огораживались занавесками, и на них спали женщины; мужчины спали на лавках. В небогатых домах пол был земляным; потолок держался на балках, которые опирались на сваи; посреди комнаты вкапывали в землю четыре пня, укладывали на них доску, и получался стол, за которым ели и работали. Вечерами комнаты освещали масляными лампами из глины, а в бедных домах - лучинами. Скученность была настолько велика, что способствовала разным заболеваниям, и дети вырастали хилыми, слабосильными и неподготовленными к той трудной жизни, которая их ожидала.

На рассмотрение польского сейма выдвигались разные проекты еврейской реформы. Были среди них и консервативные по своему характеру, но был и проект Тадеуша Чацкого, который признавал за евреями равные права со всеми подданными государства, объявлял их свободными, разрешал избирать и быть избранными, занимать разные должности и приобретать землю. Заседания польского сейма проходили в Варшаве, где евреям запрещали жить, и тем не менее они там селились, что вызывало неприязнь польских ремесленников, особенно портных и скорняков. В мае 1790 года из-за этого произошла стычка, и ремесленники бросились громить еврейские дома. Порядок восстановили солдаты, погромщики были задержаны, а для успокоения народа арестовали, высекли и изгнали из города евреев-разносчиков и ремесленников. Вскоре после этого польский сейм высказался определенно и категорически: в число горожан допускаются только лишь лица христианского вероисповедания. Конституция Польши 1791 года вообще обошла молчанием еврейский вопрос, но дни Польского королевства были уже сочтены, и постановления сейма не имели практического значения.

В 1793 году произошел второй раздел Польши, и к России отошли земли, из которых были образованы Волынская, Подольская и Минская губернии. В ответ на этот раздел сразу же началось восстание под предводительством Тадеуша Костюшки. С освобождением Польши некоторые евреи стали связывать надежды на лучшее свое будущее, и, когда началось восстание, горстка евреев примкнула к польскому освободительному движению, чтобы доказать, что и они являются истинными патриотами Польши. Особенно это проявилось в дни защиты Варшавы, той самой Варшавы, где евреям не разрешали жить и откуда их незадолго до этого изгнали с таким унижением. В 1794 году при осаде Варшавы войсками Александра Суворова евреи выказывали чудеса храбрости. "Заодно с ремесленниками, мещанами и панами, - писал очевидец, - спешили они длинными вереницами насыпать укрепления, распевая вместе со всеми народную Марсельезу. На окопах работали они в полном единении с монахами и шляхтой, с величайшим напряжением сил. Стоя под огнем картечи, теряя сотни убитых и раненых, они не утрачивали присутствия духа, но кидались на врага и даже отбили у него несколько пушек". В польских газетах писали тогда: "Там, где речь идет о пользе человечества, евреи не щадят жизни".

В те дни из рядов варшавских евреев выдвинулся Берек Иоселевич. Он с первых дней примкнул к восстанию, своей отвагой и хладнокровием приобрел популярность и призывал евреев бороться за освобождение Польши и тем самым "добыть свободу, обещанную нам так же твердо, как и другим людям". "Хоть дети наши, - писал он в воззвании, - будут жить спокойно и свободно, не скитаясь, как дикие звери". Берек Иоселевич обратился к руководителю восстания Костюшко с просьбой составить из евреев особый отряд легкой кавалерии, и Костюшко ответил на это: "Хвала таковое усердие, даю разрешение вербовать участников указанного корпуса, снабдить его оружием и всем потребным, чтобы как можно скорее могли они явиться на службу Речи Посполитой и как можно лучше бороться с врагом". Тем же указом он возвел Берека Иоселевича в чин полковника еврейского отряда.

1 октября 1794 года Берек обратился ко всем евреям Польши с пламенным обращением: "Слушайте, сыны племени израильского! Бог всемогущий - с вами, а я - ваш вождь!" Это воззвание было подписано - "Берек Иоселевич, полковник". На воззвание откликнулись пятьсот человек, которых наскоро обмундировали, обучили военному делу и поставили защищать предместье Варшавы - Прагу. Полк был плохо оснащен, терпел лишения, но поражал всех строгой дисциплиной. 4 ноября русские войска начали штурм Варшавы при непрерывном обстреле артиллерией. Суворов сообщал потом в Петербург, что убитых среди поляков было двенадцать тысяч человек, утонуло в Висле - две тысячи. Почти весь еврейский полк погиб в тот день. В живых осталось всего лишь несколько человек. Как писали потом: "Предместье Варшавы, которое защищал еврейский полк, было взято штурмом; все погибло под ударом меча. На другой день нашли весь полк покоящимся в вечном сне на фортификациях; ни один солдат не уклонился перед призывом смерти". Богатый еврей из Праги Шмуэль Збитковер поставил у себя во дворе бочку с золотыми дукатами и бочку с серебряными рублями и объявил, что всякий, кто принесет с поля боя раненого еврея - получит дукат, а кто похоронит мертвого - получит рубль. Так были спасены все раненые и похоронены мертвые евреи. В 1795 году произошел третий раздел Польши, который прекратил ее самостоятельное существование. К России отошла большая часть Литвы, Курляндия и западная половина Белоруссии. В результате трех разделов Польши сотни тысяч евреев оказались в пределах Российской империи, и теперь уже Россия должна была законодательными и административными мерами организовывать их жизнь.

Про Лжедмитрия II, Тушинского вора", в исторических актах, записанных впоследствии, сказано так: "И после того Жигимонт король и паны... на Московское государство послали другого вора, родом жидовина". Однако русские историки прошлых времен упоминают несколько версий происхождения этого человека, и только по одной из них - будто бы он был крещеный еврей, найденный Богданко, который служил у царевича Дмитрия и занимался составлением писем на русском языке. Историк С. Соловьев писал: "Ходили разные слухи: одни говорили, что это был попов сын, Матвей Веревкин, родом из Северной страны; другие - что попович Дмитрий из Москвы, от церкви Знаменья на Арбате..., иные разглашали, что это был сын князя Курбского, иные - царский дьяк, иные - школьный учитель по имени Иван из города Сокола, иные - жид, иные - сын стародубского служилого человека". Примерно то же писал и Н.Костомаров: "По одним известиям он назывался Богданом и был литвин, по другим - крещеный, по третьим - некрещеный еврей, по четвертым - сын Курбского, по пятым - его отыскал в Киеве путивльский поп Воробей, по шестым - его выслали в Московское государство жена (Юрия) Мнишка, по седьмым - он был родом стародубец и учил детей сначала в Шклове, а потом в Могилеве".

В конном казачьем отряде польской армии служил казак-еврей по имени Берах бен Аарон из Тышовец, который геройски погиб в сражении под Москвой в 1610 году. Когда его вдова собралась выйти замуж во второй раз, потребовалось свидетельство одного из евреев-очевидцев о том, что Берах действительно погиб: иначе по еврейским законам его жена не могла снова вступить в брак. И такой свидетель нашелся. Звали его Йосеф бен Моше, он был одним из одиннадцати евреев-казачей, и вот его свидетельство: "Нас было одиннадцать домохозяев, служивших в войске. Еврей же Берах, сын святого Аарона из Тышовец, служивший на трех лошадях, выскочил два-три раза к московскому войску, как это обычно на войне. Но москвитяне одолели, и еврей отскочил назад, и из лесу стреляли ему вслед. Я видел, как патрон воткнулся ему в спину, как он пал на седло..., он шатался туда и сюда, и лошадь

понесла его по дороге... И многие казаки говорили: о Боже! как жалко, что рыцарь еврей Берах так плачевно скончался..."

"Селения запорожских казаков, - отмечали современники, - есть сборище многообразнейших народов... Запорожцы допускают в свое братство всех вообще без различия национальности, если поступающий принимает греческую веру". Среди прочих служили в Запорожской Сечи и казаки-евреи, и некоторые из них добились там высокого положения. Иван Иванович Перекрестов, сын крещеного еврея (такую фамилию обычно давали выкрестам), был полковником Ахтырского слободского полка в конце семнадцатого - начале восемнадцатого века, отличался военными способностями, доблестью, огромной энергией и страстью к стяжательству. Одни из его подчиненных жаловались на притеснения Ивана Перекрестова, а другие уверяли, что "опричь его другого такого разумного человека нет". В 1704 году Перекрестов был отстранен от должности по высочайшему повелению, а его огромные имения отобрали в казну. Доживал свою жизнь на хуторе почти в нищете, и однажды по каким-то делам его потребовали к ответу в Архангельске. Несмотря на то, что бывший казацкий полковник был при смерти, велено было доставить его без промедления, - и Иван Иванович Перекрестов умер в дороге.

Жил в Запорожской Сечи и полковник Григорий Герцик, сын крещеного казацкого полковника. Был близок к гетману Мазепе и бежал вместе с ним после поражения шведов под Полтавой. Присутствовал при кончине гетмана, участвовал в его похоронах и в изгнании получил звание генерального есаула. Герцик ездил для переговоров в Константинополь, чтобы с помощью Турции создать независимую Украину, бывал с разными поручениями в Польше и был арестован в Варшаве по распоряжению русского резидента. Его отправили в Петербург и допросили: сохранился протокол "Допроса Григория Герцика об участии его в измене Мазепы". Жил затем в Москве под строгим караулом, без права возвращения в Малороссию, занимался лекарской практикой и так обеднел со временем, что не смог даже похоронить жену за свой счет. Получал затем на прокорм по двадцать пять копеек в день, и в Москве, скорее всего, он и умер.

В документах Запорожской Сечи восемнадцатого века тоже есть упоминания о евреях-казаках, которые "выполняли службу верно и радетельно". Вот имена некоторых из них: Василий Перехрист - "родился от евреина Айзика", Иван Перехрист - "взят из жидовской школы набежавшими туда запорожскими казаками", Семен Чернявский - "святое крещение восприняв, записался в казаки и на верную службу присягу принял", Степан Заведовский - "родился в турецком городе Хотине в законе еврейском", Моисей Горлинский - "вывезенный из Бахчисарая жид", Иван Ковалевский - "еврейской породы". Яков Крыжановский - "евреин". Одни из них приходили в Сечь добровольно и там оставались, других похищали казаки еще в малом возрасте, насильно крестили и го-товили потом для военной службы. Казак Иван Ковалевский стал даже полковым старшиной, посвящен был затем в священники и умер на Украине протоиреем.

Кстати сказать, среди духовенства Украины попадались и другие крещеные евреи: архимандрит Владимир Крыжановский (эту фамилию часто давали выкрестам в Польше), игумен Иннокентий, священник Яков Маркович. Даже в Сергиевой семинарии под Москвой преподавал еврейский и немецкий языки крещеный еврей Варлаам - игумен, а затем и архимандрит.

В первой переписи жителей Мещанской слободы в Москве записано так: "Матюшка Григорьев, еврей; у него сын Петрунька. да у него же брат его родной Федка Григорьев", Матюшка Григорьев был родом из Мстиславля, взят в плен, через пятнадцать лет освобожден по указу великого государя, жил в Мещанской слободе и торговал в овощном ряду. Через восемь лет после первой переписи этот же самый Матюшка Григорьев был уже в мещанских старостах, на высшей должности слободского самоуправления, а затем взят в Гостиную сотню, тем самым попал в высшую группу московского купечества. Его сын Яков носил уже фамилию Евреинов, был основателем и владельцем шелковой фабрики в Москве, служил консулом в Кадиксе при Петре I, дипломатическим агентом в Голландии при Елизавете Петровне, был вице-президентом, а затем и президентом Коммерц-коллегии: от него и пошла фамилия Евреиновы. В 1680 году находились на государевой службе в городе Верхотурье Пермской губернии - среди прочих "боярских детей" (младших дворян) - два еврея: Самойло Обрамов Вистицкий и его сын Юри Самойлов. Под одним из документов имеется подпись Самойлы Вистицкого. Он написал

по-русски, но еврейским шрифтом: "Иа Шмула Вистицки ик сей изказку иа руку прилозил", то есть - "Я, Шмуило Вистицкий, к сей сказке (переписи) руку приложил".

Петр Павлович Шафиров был женат на Анне Степановне (Самойловне) Копьевой из семьи крещеных евреев, а его дочери уже вышли замуж за представителей старых аристократических фамилий Рюриковичей-Гедиминовичей. Среди потомков барона Шафирова были выдающиеся государственные деятели России, военные, богословы, писатели, публицисты, археологи, даже адмирал флота. Назовем только некоторых из них: музыканты - братья Матвей и Михаил Виельгорские, государственный деятель - Сергей Юльевич Витте, русский поэт - Петр Андреевич Вяземский, семья славянофилов Самариных, философ - князь Сергей Трубецкой, писатель - Алексей Николаевич Толстой, знаменитый убийца Григория Распутина князь Феликс Юсупов-Сумароков-Эльстон.

Датский посол при Петре I записал в своем дневнике: "Государственный вице-канцлер Шафиров мужчина толстый и низкого роста. Предки его были евреями, но отец его и (сам) он перекрещены. Действительно, как сам он, (так) и его дети очень похожи на жидов. Некоторые уверяют даже, что втайне он остался евреем. А впрочем, он крайне надут и чванен подобно всем остальным (русским). В делах царь часто им пользуется. Вообще же (Шафиров) человек умный; по-немецки говорит как на родном языке; в переговорах с ним легко приходишь к соглашению, да и в иностранной политике он довольно сведущ". И далее в том же дневнике: "...мне много раз случилось заметить, что у меня за столом сын Шафирова не прикасался к свинине; а однажды на мой вопрос, почему он ее не ест, отвечал, что ее не едят ни родители его, ни сестры, ибо считают это грехом".

Антон Мануйлович Дивьер, сын португальского еврея, познакомился с Петром I в Голландии, и тот взял его с собой в Россию. В звании генерал-адъютанта Дивьер был первым генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга, возведен в графское достоинство и назначен сенатором. Дивьер женился на сестре А. Меншикова, хоть тот и сопротивлялся этому, но царь настоял - и свадьба состоялась. Впоследствии Меншиков добился того, чтобы Дивьер - после публичного наказания - был сослан в Якутию, но и там он скоро выдвинулся и занял высший административный пост. Был возвращен в Петербург, восстановлен в чинах и вновь занял должность петербургского генерал-полицмейстера.

Родоначальником семьи Веселовских был еврей из Польши, из местечка Веселово, который оказал важные услуги московскому правительству при осаде Смоленска в 1654 году. Его внуки, племянники П. Шафирова, занимали высокие посты при Петре I. Абрам Веселовский был личным секретарем Петра I, во время Полтавского боя состоял адъютантом при императоре, в 1715 году назначен на пост русского резидента в Вене. Замешанный в дело о побеге царевича Алексея Петровича, бежал в Лондон, спасаясь от гнева царя. Его брат Исаак Веселовский был дипломатом, преподавал русский язык наследнику престола Петру III. Федор Веселовский заведовал в Лондоне посольскими делами и отказался вернуться в Россию после увольнения. Петр I приказал его арестовать, но британское правительство отказалось его выдать.

Впоследствии вернулся в Россию и был куратором Московского университета. Среди потомков Веселовских - три действительных члена Российской и Советской Академии наук.

Императрица Анна Иоанновна пользовалась услугами евреев, когда этого требовали финансовые или иные интересы. Еврей Липман Леви, или Ицхак Либман, занимался крупными казенными откупками и поставками, именовался в документах "обер-гофкомиссаром Либманом", был агентом курляндского герцога Бирона, фаворита императрицы, и современники утверждали, что будто бы Бирон принимал решения только тогда, "когда они одобрены евреем Липманом, придворным банкиром, человеком чрезвычайно хитрым и способным распутывать и заводить всевозможные интриги. Этот еврей, единственный хранитель тайн герцога, его господина, присутствует обыкновенно при всех совещаниях с кем бы то ни было, - одним словом, можно сказать, что Липман управляет империей". Вряд ли так оно происходило на самом деле, потому что после ссылки Бирона Липман продолжал оставаться при царском дворе. По этому поводу даже появилось официальное сообщение в "Санкт-Петербургских ведомостях": "...упомянутый оберкомиссар господин Липман коммерцию свою по-прежнему продолжает и при всех публичных случаях у здешнего Императорского двора бывает".

Доктор Антонио Рибейро Санхец, покинув Россию, написал большую книгу о происхождении и лечении сифилиса. Книга эта доставила автору огромную известность, была переведена на другие языки и даже через много лет не утратила своего научного значения. После смерти

Елизаветы Петровны президент Академии наук попросил восстановить Санхеца в правах, и Екатерина II, едва вступив на престол, назначила ему пенсию за то, что "он меня, за помощью Божией, от смерти спас". Через некоторое время Санхец прислал в Россию для перевода на русский язык вторую свою знаменитую книгу - трактат о русских банях. В русском издании эта книга была озаглавлена так: "О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здоровья. Сочинение господина Санхеца, бывшего при дворе Ея Императорского Величества славного медика". Как писали в России впоследствии, книга эта "много способствовала ознакомлению Западной Европы с нашей баней". После смерти Санхеца в его архиве были найдены две рукописи, одна - о причинах преследования евреев, а вторая - "Размышления об инквизиции". Его французский биограф писал впоследствии: "Он питал глубокое отвращение к инквизиции, жертвами которой сделались некоторые из его родных и его друзей".

Сохранилась память о молодом человеке по имени Гирш Лейб, который жил когда-то в городе Липовцы. Он и его отец, искусные портные, работали однажды во дворце польского графа, и там Гирш Лейб, молодой человек редкой красоты, обратил на себя внимание дочери графа, тоже молодой и тоже красивой девушки, которая в него влюбилась. Графская дочь не могла скрыть своей любви к юноше, она выказывала ему знаки внимания, но он оставался равнодушным. По окончании работы портные - отец и сын - уехали из дворца домой. Это так сильно подействовало на девушку, что от любви и тоски она заболела. Пригласили самых лучших врачей, но они не смогли ее вылечить, и только после долгих и настойчивых уговоров девушка открыла родителям свою тайну. Тут же послали в местечко роскошную графскую карету, и Гирш Лейба снова повезли во дворец. Там ему оказали самый радушный прием и объявили торжественно о желании графской дочери: чтобы он немедленно перешел в католичество, а затем женился на ней. Гирш Лейб отказался, и тогда начались уговоры в более настойчивой форме: юноше сулили богатство, знатность, грозили мучительной смертью, но ни обещания, ни угрозы не подействовали. "Умру, - твердил он, - но религии своих предков не изменю". Убедившись в бесполезности уговоров и напуганные состоянием своей дочери, ее родители решили воздействовать на юношу более естественным образом. Его нарядили в богатые одежды, ввели в спальню графской дочери и оставили наедине с ней - при весьма искушающей обстановке. Увидев любимого человека, бедная девушка бросилась к нему в объятия, но он отвернулся, закрыл глаза и заплакал... Через несколько часов молодая дочь графа умерла от горя, а Гирш Лейба - по графскому приказу - живьем закопали в землю. Спустя некоторое время евреям города удалось умиловить графа, и он разрешил перенести прах мученика на еврейское кладбище. Еще в начале двадцатого века на старом еврейском кладбище города Липовцы стоял памятник, на котором было написано: "Гирш Лейб. Простой человек, поборовший искушение".

This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
25.05.2010